

Министерство внутренних дел Российской Федерации

Волгоградская академия МВД России

На правах рукописи

Яловенко Татьяна Васильевна

**ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ПРАВООЩИТНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА
(вопросы теории)**

12.00.01 — теория и история права и государства;

история учений о праве и государстве

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, доцент

В. А. Рудковский

Волгоград — 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Общая характеристика правоприменения в правозащитной системе	
§ 1. Правозащитная система: понятие и структура	14
§ 2. Правоприменение и его роль в обеспечении прав личности.....	31
Глава 2. Механизм правоприменительной деятельности как составная часть правозащитной системы	
§ 1. Субъекты правоприменительной деятельности по защите прав и свобод человека.....	54
§ 2. Нормативные основания правоприменительной деятельности в сфере защиты прав человека	64
§ 3. Правозащитные принципы в правоприменении.	78
§ 4. Эффективность правоприменительной деятельности по защите прав человека.....	97
Глава 3. Тенденции и перспективы развития правоприменения как элемента правозащитной системы в России	
§ 1. Диверсификация и интернационализация правоприменения в сфере защиты прав человека	110
§ 2. Основные направления правоприменительной политики в сфере защиты прав человека	125
Заключение	139
Список использованной литературы	143

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Для правовой системы современной России, ориентирующейся в своем развитии на высокие гуманистические стандарты, задача формирования эффективных инструментов и технологий защиты прав и свобод личности, а также законных интересов общества и государства была и остается одной из наиболее актуальных и социально чувствительных. Как показывает практика, основной блок проблем, касающихся оптимизации правозащитного регулирования, сегодня находится в правореализационной сфере, особенно в области властной деятельности компетентных субъектов по претворению правовых норм в жизнь. Поэтому правоприменение, как отмечает, в частности, В. Д. Зорькин, сегодня выступает в качестве стратегической научно-практической проблемы, которая требует к себе повышенного внимания. «Только системный анализ опыта правоприменения и правотворчества способен дать представление о наиболее острых точках конфликтов между создаваемыми нормами сознательного, рационального порядка и укорененными в обществе нормами спонтанных порядков»¹.

В современном российском государстве правоприменение развивается в условиях достаточно трудного и нелинейного процесса практического внедрения таких принципов, как приоритет прав человека, правовое и социальное государство, структурное и функциональное разделение государственной власти. Одной из важнейших функций правоприменения была и остается функция защиты основополагающих правовых ценностей. В условиях формирования правового государства указанная функция приобретает некоторые дополнительные черты, уяснение которых требует

---

¹ Зорькин В. Д. Правоприменение как стратегическая проблема // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Волкова. М., 2011. С. 22.

обращения к такой относительно новой для нашей науки и практики категории, как «правозащитная система».

Выступая в виде совокупности средств, способов и процедур, создающих условия, при которых индивид может реально отстаивать и защищать предусмотренные Конституцией, международно-правовыми актами и текущим законодательством права и свободы, правоприменение объективно является одним из ведущих институтов правозащитной системы современного демократического государства. Именно качество правоприменительной деятельности во многом предопределяет действенность всех иных компонентов указанной системы (правозащитного законодательства, правозащитной политики и пр.) и ее совокупный эффект по обеспечению интересов личности, общества и государства.

К сожалению, до настоящего времени указанный аспект правоприменительной деятельности не получил необходимого общетеоретического осмысления. Существующие наработки в указанной области, как правило, имеют достаточно узкую направленность и в основном касаются особенностей функционирования отдельных правоприменительных органов в сфере защиты прав личности (суда, прокуратуры и пр.). Поэтому существует научная и практическая потребность в проведении исследований обобщающего характера, позволяющих выработать общее понимание места и роли правоприменения в правозащитной системе, показать специфику проявления его функций, принципов, механизма и других сторон в столь специфичной и социально значимой сфере правового регулирования.

Подобный ракурс исследования, кроме того, позволяет актуализировать широкий круг дискуссионных теоретических проблем и, как следствие, проблем прикладного характера, связанных с обеспечением эффективной защиты прав человека.

Изложенные обстоятельства обусловили выбор темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы исследования.

Проблематика правоприменительной деятельности для отечественной теории права в целом является достаточно традиционной и основательно проработанной. Общие вопросы правоприменения рассматривались в трудах таких ученых-теоретиков, как С. С. Алексеев, Н. Н. Вопленко, И. Я. Дюрягин, В. Н. Карташов, В. В. Лазарев, А. С. Пиголкин, Ю. Г. Ткаченко и др. Вопросам теории и практики правоприменения был посвящен ряд коллективных монографий отечественных исследователей².

Вместе с тем правозащитная тематика, как правило, не только не находилась в центре внимания таких исследований, но порой и вовсе не выделялась в качестве самостоятельной.

В контексте разработки теории прав человека и механизма их обеспечения вопросы правоприменения поднимались такими учеными, как П. В. Анисимов, С. А. Комаров, А. С. Мордовец, И. В. Ростовщиков, Ф. М. Рудинский, А. В. Стремоухов и др.

Отдельные аспекты правоприменительной деятельности затрагивалась в диссертационных исследованиях, посвященных правозащитной системе и правозащитной политике (Д. С. Варданян, Т. М. Калинина, А. А. Редько, О. Ю. Рыбаков и др.).

Анализ работ указанных и других авторов свидетельствует о том, что проблемы правоприменительной деятельности как элемента правозащитной системы до настоящего времени не становились предметом специального монографического исследования.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере индивидуально-властной деятельности компетентных субъектов.

---

² См., напр.: Правоприменение в Советском государстве. М., 1985; Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2008.

Предмет исследования — теоретико-правовые вопросы понятия, особенностей, механизма, места и роли правоприменительной деятельности в правозащитной системе современного российского государства.

Цель исследования — раскрыть содержание, место и роль правоприменения в правозащитной системе современного российского государства.

Исходя из цели, были поставлены следующие **задачи исследования**:

— произвести анализ современных подходов к понятию и содержанию правозащитной системы, определить ее основные свойства, компоненты, особенности соотношения с правовой системой общества;

— показать специфичность социально-правового назначения и функций правоприменительной деятельности в правозащитной системе современного российского государства;

— произвести общетеоретический анализ нормативных оснований правоприменительной деятельности в правозащитной системе современной России, определить субъектный состав указанной деятельности;

— обосновать систему правозащитных принципов правоприменения и раскрыть их содержание;

— определить критерии эффективности правоприменительной деятельности в сфере защиты прав человека;

— выявить основные тенденции развития правоприменительной деятельности как элемента правозащитной системы современной России;

— определить приоритеты правоприменительной политики современного российского государства в сфере защиты прав человека.

Методологическую основу диссертационного исследования составили всеобщие принципы научного познания (объективности, всесторонности, конкретно-исторического подхода, учета взаимообусловленности теоретического и практического в научном познании), а также общие и специальные методы (системный, функциональный, логический, формально-юридический, сравнительно-

правовой). В частности, системный метод применялся при исследовании понятия, компонентов, системообразующих принципов и свойств правозащитной системы, выявлении ее места и назначения в правовой системе современного государства, определении специфики правоприменения как элемента правозащитной системы. Функциональный метод оказался востребованным при анализе и обосновании основных направлений осуществления правоприменительной деятельности в правозащитной системе современного государства. При разработке понятийного аппарата исследования, уяснении содержания и смысла соответствующих положений законодательства и других источников права комплексно использовались приемы логического, формально-юридического, сравнительно-правового методов.

Теоретической основой исследования выступают монографические и другие работы ученых-правоведов, посвященные понятию правоприменения, анализу его сущности, содержания, функций, видов, оснований и других аспектов. Диссертант опирался в своем исследовании также на общетеоретические и отраслевые разработки в области прав человека, реализации права, правовой системы, правозащитной системы, правовой политики и ее разновидностей.

Эмпирическую основу работы составили международные и национальные правовые акты, официальные документы, статистические данные, обзоры юридической практики. В своем исследовании автор опирался, в частности, на действующую Конституцию РФ, федеральное законодательство и подзаконные акты, послания Президента РФ Федеральному собранию РФ, федеральные программы, решения высших судебных инстанций, доклады Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, международные правовые акты, практику Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского суда по правам человека.

Научная новизна диссертации выражается в том, что впервые в современной российской юридической литературе дан теоретико-правовой и практико-ориентированный анализ правоприменения как специфического компонента правозащитной системы современного российского государства:

— обоснованы основные свойства, элементы и назначение правозащитной системы современного государства;

— произведен общетеоретический анализ понятия, содержания, функций, способов осуществления правоприменительной деятельности как одного из неотъемлемых и наиболее значимых элементов правозащитной системы современной России;

— обоснована система и раскрыто содержание основных правозащитных принципов правоприменительной деятельности;

— показана специфика субъектного состава и нормативных оснований соответствующей деятельности;

— уточнены критерии определения социально-правовой результативности правоприменительной деятельности в правозащитной системе;

— осуществлен комплексный анализ основных тенденций развития правоприменения как компонента правозащитной системы современного российского государства;

— определены основные приоритеты государственной политики современной России в сфере правозащитной деятельности.

Результатом проведенного исследования являются следующие положения, обладающие научной новизной и выносимые на защиту:

1. Предлагается и обосновывается уточненное определение правозащитной системы как совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих идей, норм, а также основанных на них политико-правовых институтов, отношений и действий, согласованное функционирование которых призвано обеспечить состояние защищенности

прав и свобод личности, а также прав и законных интересов других субъектов правовых отношений.

Доказывается правомерность включения в число основных компонентов правозащитной системы следующих взаимосвязанных явлений (элементов): правозащитной идеологии; правозащитной политики; правозащитных институтов (органов, учреждений); правозащитных норм и выражающих их законодательных актов; правозащитных отношений; правозащитной практики (выражающей единство соответствующей деятельности и накопленного социально-правового опыта).

2. Обосновывается специфичность назначения и функций правоприменительной деятельности в правозащитной системе. Правоприменение — это активная реализация права на основе властных полномочий. Правоприменительная деятельность выступает в качестве необходимого официально-властного посредника между нормативным закреплением прав личности и их практическим осуществлением в тех случаях, когда непосредственное использование прав их носителями сталкивается с какими-либо препятствиями или когда такое посредничество обусловлено самой конструкцией реализуемого субъективного права. Вместе с тем указанная деятельность оказывает общее позитивное или негативное воздействие на различные стороны социальной жизни. Соответственно, выделяются общесоциальные функции правоприменительной деятельности, выражающие основные направления ее влияния на различные сферы общественной и государственной жизни (экономическая, политическая, культурная и пр.), и специально-юридические функции, характеризующие собственно юридическую направленность указанной деятельности и ее правовые последствия. Основными специально-юридическими функциями выступают: индивидуализирующая функция — конкретизация субъектного состава и содержания юридически допустимого и защищаемого поведения с учетом пределов и ограничений прав человека применительно к рассматриваемому случаю; гарантирующая функция — устранение

возникших препятствий на пути правореализации и предоставление носителю субъективного права фактического доступа к соответствующему социальному благу.

3. Проведена классификация видов правоприменительной деятельности в сфере правообеспечения (включая правозащиту) по таким критериям, как: степень сложности решаемых задач (механическое и творческое); режим осуществления (регулятивное и охранительное); особенности механизма реализации субъективных прав (факультативное и обязательное); особенности способа осуществления правоприменительной деятельности в правозащитной сфере (юрисдикционное, контрольно-надзорное, оперативно-исполнительное).

4. Учитывая нормативные положения о высшей ценности прав человека и обязанности государства их защищать, а также о том, что права человека определяют деятельность всех ветвей государственной власти, диссертант обосновывает целесообразность выделения в системе принципов права группы правозащитных принципов, посредством которых реализуется идея приоритета прав и свобод человека.

В качестве основополагающих правозащитных принципов правоприменительной деятельности современного демократического государства автором выделяются и анализируются: принцип правовой определенности; принцип пропорциональности; принцип разделения властей; принцип независимости суда; принцип социального государства.

5. Аргументировано, что базовым нормативным основанием, определяющим правозащитную направленность правоприменительной деятельности в современном демократическом государстве, служит предусмотренное международными и национальными актами право на государственную защиту, составным и наиболее важным элементом которого является право на судебную защиту. Указанное право является непосредственно действующим вне зависимости от наличия соответствующей процедуры его реализации. Судебной защите подлежат все

без исключения права, принадлежащие индивиду. В рамках судебной защиты реализуется право на получение квалифицированной юридической помощи, на обжалование незаконных действий и решений государственных органов и должностных лиц.

6. Обоснована система базовых критериев эффективности правоприменительной деятельности в правозащитной системе, включающая такие показатели, как: 1) доступность соответствующей правоприменительной процедуры; 2) своевременность — рассмотрение дел в разумно достаточные сроки; 3) беспристрастность — отсутствие личной заинтересованности правоприменителя в исходе рассматриваемого дела; 4) реальное восстановление прав заявителя или, когда это невозможно, компенсация причиненного вреда.

7. Раскрыто содержание основных тенденций развития правоприменения в правозащитной сфере. В качестве таковых выступают взаимосвязанные процессы диверсификации и интернационализации правоприменительных механизмов.

Диверсификация выражается в усложнении или усилении вариативности в сфере правоприменения. Она проявляется, в частности, в становлении новых правоприменительных институтов, усложнении структуры и функций существующих органов правоприменения, учреждении новых правоприменительных производств. Диверсификация правоприменения имеет двоякий эффект: с одной стороны, она позволяет специализированно рассматривать различные категории дел и предоставляет лицу расширенный набор процессуальных средств для защиты своих прав; с другой стороны, объективно происходит усложнение порядка защиты прав и снижение доступности правоприменения.

Интернационализация правоприменения выражается в усилении взаимосвязи и взаимозависимости национальных и международных механизмов (стандартов, процедур) защиты прав человека. В рамках российской правозащитной системы указанная тенденция проявляется

неоднозначно. Наиболее четко она прослеживается на уровне правозащитного законодательства, закрепляющего высокие международные стандарты правоприменительной деятельности в области защиты прав человека. Что же касается непосредственно правоприменительной практики, то здесь она проявляется менее отчетливо.

8. Обоснованы приоритеты правоприменительной политики в сфере правозащитной правоприменительной деятельности: совершенствование структуры правоприменительных органов, осуществляющих правозащитные функции; более последовательное внедрение принципа специализации; повышение профессионализма и ответственности соответствующих органов и должностных лиц; обеспечение транспарентности правоприменительной деятельности в сфере защиты прав человека, в том числе посредством более широкого использования возможностей современных электронных технологий; совершенствование системы мониторинга качества деятельности органов правоприменения; переход от формальных критериев оценки эффективности правоприменительной деятельности к содержательным.

Научное и практическое значение диссертационного исследования.

Сформулированные в работе положения и выводы вносят весомый вклад в становление современной теории правозащитной системы и правоприменения как ее важнейшего неотъемлемого компонента. Диссертация создает необходимый теоретический задел для дальнейших научных исследований в указанной области, способствует формированию устойчивого научно-исследовательского интереса к разработке правозащитных аспектов индивидуально-властной деятельности современного государства.

Результаты исследования могут найти практическое применение в учебном процессе при преподавании курсов «Теория государства и права», «Философия права», «Права человека», спецкурсов по проблемам применения права. Отдельные положения и выводы могут быть использованы при проведении правоприменительной политики, в

организационно-методическом обеспечении правоприменения, при осуществлении правового просвещения в сфере защиты прав человека.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические выводы и предложения, содержащиеся в диссертации, докладывались на кафедре теории права и прав человека Волгоградской академии МВД России. Наиболее значимые теоретические положения нашли отражение в опубликованных научных работах автора, а также докладывались на международных, всероссийских и межвузовских научно-практических конференциях: «Проблемы правопонимания и правоприменения: теория и практика» (Волгоград, 2009 г.), «Право как ценность и средство государственного управления обществом» (Волгоград, 2009, 2013, 2014 гг.), «Современные тенденции развития государства и права России» (Тамбов, 2010 г.), «Актуальные проблемы юридических и общесоциальных наук в республике Казахстан» (Казахстан, 2011 г.), «Российское государство в переломные периоды своего развития» (Волгоград, 2013 г.), «Тенденции развития современного общества» (Волжский, 2013 г.), «Проблемы и перспективы современного права» (Уфа, 2014 г.), «Современная Россия: проблемы и перспективы развития» (Волгоград, 2014 г.).

Результаты исследования использовались в процессе преподавания учебной дисциплины «Теория государства и права» в Волгоградской академии МВД России.

Структура и содержание диссертации определяются целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1.

Общая характеристика правоприменения в правозащитной системе

§ 1. Правозащитная система: понятие и структура

Права человека в современном обществе представляют собой универсальную форму взаимоотношений личности и государства. Именно они определяют как границы социальных возможностей человека, так и институциональный механизм их обеспечения. Юридическая природа прав человека выражается в закреплении норм в международно-правовых актах и в конституциях государств, а также в кодифицированных актах³.

Основными политическими, гражданскими, экономическими, социальными и культурными правами обладают все граждане в равной степени, без какой-либо дискриминации. Права человека снабжены как универсальными, так и специальными правовыми гарантиями, защищающими его от незаконных решений органов власти и должностных лиц. Будучи формализованы на нескольких нормативных уровнях, в том числе на международно-правовом, основные права и свободы человека самим фактом своего существования автоматически возлагают соответствующие обязанности на государство и не могут быть им аннулированы. Следовательно, права человека не являются актом благотворительности государства, они относительно независимы от него, поскольку опираются в том числе на признание мирового сообщества. Отказ государства признавать, соблюдать и защищать права человека

---

³ См.: Неказаков В. Я. Конституционно-правовые вопросы реализации в российском праве и правоприменительной практике статей 5 и 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Право на свободу, личную неприкосновенность и справедливое судебное разбирательство): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2005.

свидетельствует не об их отсутствии у человека, а об их нарушении существующим политическим режимом⁴.

Таким образом, современное государство, вне зависимости от социально-экономического строя, сталкивается с необходимостью выстраивания реальных механизмов защиты прав человека. При этом речь идет как о формально-юридическом установлении этих гарантий, так и об их фактическом действии; в качестве потенциальных нарушителей прав человека, помимо прочего, могут выступать и сами органы государства.

В рамках национального правопорядка основной предпосылкой правозащитного регулирования служат положения Конституции РФ, причем признание прав человека высшей ценностью образует одну из основ конституционного строя⁵. Вместе с тем существенная трудность юридического обеспечения защиты прав человека заключается в непоследовательности их конституционной модели. Это выражается в наличии коллизий в тексте Конституции РФ. Во-первых, права человека провозглашаются высшей ценностью и в то же время допускается их ограничение лишь в той мере, в какой необходимо защищать основы конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечивать оборону страны и безопасность государства. Во-вторых, защита прав человека отнесена Конституцией одновременно к предметам не только исключительного ведения Российской Федерации, но и совместного ведения федерации и субъектов РФ.

Неопределенность и незавершенность официального нормативного подхода к правам человека повышает актуальность доктринальных поисков в этой сфере. В российской юридической науке формируется правозащитная

---

⁴ См.: Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К. Защита прав человека. Международные и российские механизмы. М., 2000. С. 330—331.

⁵ См.: Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С. 44—46.

теория, суть которой заключается в осознании того, что необходимы надежные гарантии и защита прав человека, в соответствии с требованиями и стандартами внутригосударственного и международного законодательства. В трудах Л. Б. Алексеева, П. В. Анисимова, В. М. Баранова, П. П. Баранова, А. С. Мордовца, В. П. Сальникова, А. В. Стремоухова и других ученых последовательно проводится мысль о необходимости нового определения общего понятия «права и свободы человека».

Анализ научной литературы свидетельствует, что правозащитная проблематика в юриспруденции уже оформилась⁶. Однако в настоящее время

---

⁶ В той или иной степени она анализируется, например, в следующих работах: Абдулаев М. И. Права человека и закон: историко-теоретические аспекты: науч.-практ. издание. СПб., 2004; Анисимов П. В. Права человека и правозащитное регулирование. Волгоград, 2004; Анисимов П. В., Папичев Н. В. Правовое регулирование защиты прав человека: монография. Волгоград, 2003; Глухарева Л. И. Права человека в современном мире: социально-философские основы и государственно-правовое регулирование. М., 2003; Калинина Т. М. Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2002; Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1997; Сальников В. П., Цмай В. В. Современная система защиты прав человека // Правоведение. 1999. № 1; Стремоухов А. В. Правовая защита человека: теоретические проблемы: монография. СПб., 2003; Толкачев К. Б., Хабибуллин А. Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. Уфа, 1991; Шевцов В. С. Права человека и государство в Российской Федерации: монография. М., 2002. Кроме того, наиболее важные вопросы правозащитной тематики могут становиться предметом широких и высокоавторитетных научных конференций и «круглых столов». См., напр.: Совершенствование взаимодействия общественных, правозащитных организаций и органов прокуратуры в вопросах защиты прав и свобод граждан: материалы «круглого стола», 12 мая 2004 г. / под общ. ред. В. Г. Бессарабова, А. И. Рыбчинского, И. В. Михалевича. М., 2004; Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2003; Права человека в России и правозащитная деятельность государства: материалы

отсутствуют основания для утверждения о том, что исследования в данной области исчерпали свою актуальность. Напротив, без дальнейших специализированных и фундаментальных исследований правозащитной теории преодолеть проблемы и противоречивость в правозащитной практике не представляется возможным.

Одной из актуальных научных и практических задач было и остается формирование в современной России эффективной правозащитной системы. В теоретическом плане ее решение предполагает, прежде всего, разработку и уточнение соответствующего категориального аппарата, анализ структурных и функциональных особенностей правозащитной системы, выявление ее закономерных связей с иными элементами политико-правовой системы современного общества и государства.

За последние годы по указанному вопросу накоплен определенный объем теоретических знаний. Тем не менее сегодня было бы все-таки преждевременно говорить, что в отечественном правоведении сложилась устойчивая и признанная концепция правозащитной системы. Дискуссионным остается не только понятие указанной системы, но и видение ее структуры, функционального назначения и некоторых других аспектов. В контексте настоящего исследования, ориентированного на анализ места и назначения института судебной власти в правозащитной системе, особый интерес, конечно, представляют общетеоретические вопросы, касающиеся понятия и состава (структуры) правозащитной системы.

Всерос. науч.-практ. конф., 12 мая 2003 г. / под ред. В. Н. Лопатина. СПб., 2003; Каламкрян Р. А. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь. (Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека) // Государство и право. 2000. № 3; Каламкрян Р. А. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь. (Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека). (Окончание) // Государство и право. 2000. № 4; Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. 2002. № 1.

Термин «правозащитная система» является относительно новым для нашей науки. В теоретическом плане его становление неразрывно связано с активной разработкой на рубеже XX—XXI веков правозащитной тематики, ставшей одним из важнейших направлений отечественной теоретико-правовой и отраслевой юридической науки. Углубленный анализ различных сторон и явлений правозащитной действительности (правозащитного законодательства, правозащитных норм, правозащитных отношений, правозащитных организаций и пр.) привел к необходимости выработки интегральной научной категории, способной отразить ее системные качества и свойства. Такой интегральной категорией и стала «правозащитная система».

Таким образом, с точки зрения своих теоретико-методологических оснований введение в научный оборот категории «правозащитная система» отражает закономерный процесс развития правозащитной теории. И здесь мы можем наблюдать те же тенденции, противоречия, дискуссии и т. д., которые сопровождали становление такой, ныне утвердившейся и широко используемой, категории, как «правовая система». Обосновывая необходимость и познавательный потенциал последней, Н. И. Матузов, в частности, отмечал, что теперь достаточно сложно отражать современную правовую реальность с помощью старых конструкций, среди которых нередко встречаются слишком узкие, создающие, в свою очередь, дополнительные трудности. Ученый подчеркивал необходимость построения более широких комплексов, позволяющих достигать более высоких уровней обобщения, абстракции. К подобным категориям он относил правовую систему, благодаря которой можно исследовать всю правовую действительность в целостном виде, а не отдельные ее элементы⁷.

Аналогичным образом обстоит дело и с правозащитной системой. На сегодняшний день отечественной юридической наукой, как уже отмечалось,

---

⁷ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 94.

накоплен значительный материал по отдельным аспектам правозащитной действительности. Обстоятельную проработку получили, в частности, такие категории, как «защита права»⁸, «защита прав человека»⁹, «право человека на правовую защиту»¹⁰ и ряд других. Однако, при всей их познавательной ценности, они все же не дают целостного представления о правозащитной действительности и ее системных свойствах. Поэтому именно правозащитная система позволяет преодолеть указанные недостатки, перейти на качественно новый уровень теоретического обобщения.

Что же представляет собой правозащитная система?

Термин «система», как известно, относится к числу универсальных и широко используется в различных отраслях современной науки. В общефилософском смысле под системой принято понимать множество элементов, находящихся в отношениях и связях между собой, которое образует определенную целостность, единство¹¹. Следовательно, изучить правозащитную систему — значит выявить ее элементы, структуру, принципы организации, функционирования, развития и некоторые другие аспекты.

В литературе на этот счет высказываются разные точки зрения¹². По мнению, в частности, Д. С. Варданяна, правозащитная система может быть определена «как: а) совокупность регулируемых охранительных отношений;

---

⁸ См.: Шубина Т. Б. Теоретические проблемы защиты права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара, 1997.

⁹ См.: Общая теория прав человека / под ред. Е. А. Лукашевой. М., 1996.

¹⁰ См.: Стремоухов А. В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы: монография. СПб., 2003.

¹¹ См.: Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. М., 1975. С. 365.

¹² См., напр.: Сальников В. П., Цмай В. В. Современная система защиты прав человека // Правоведение. 1999. № 1; Калинина Т. М. Указ. соч.; Анисимов П. В. Права человека и правозащитное регулирование: Проблемы теории и практики: монография. Волгоград, 2004; Права человека: учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2010.

б) прежде всего в сфере гуманитарных прав человека; в) охватывающая весь относящийся к ним спектр правовых явлений и юридической практики»¹³.

Более развернутую характеристику правозащитной системы, отражающую особенности ее структурной организации, предлагает Т. М. Калинина. Она определяет ее как «совокупность способов и средств защиты прав и свобод человека, существующую в виде комплекса взаимосвязанных правозащитных отраслей, норм и институтов; подсистемы гуманитарного законодательства и правозащитных учреждений; подсистемы гуманитарного информирования, образования, накопления, хранения, воспроизводства и развития гуманитарной идеологии»¹⁴.

Ценность изложенного подхода состоит, прежде всего, в том, что в нем подчеркивается полиструктурный характер правозащитной системы и обозначаются ее основные компоненты (правозащитное законодательство, правозащитные учреждения и др.).

Представление о правозащитной системе как сложноорганизованном явлении подчеркивается в дефиниции, предложенной В. Н. Карташовым: «под правозащитной системой следует понимать единый комплекс взаимосвязанных государственных и негосударственных организаций и отдельных лиц (правозащитников) и юридических явлений (права, правосознания, правовой культуры, разнообразных видов юридической практики и т. п.), с помощью которого эффективно и качественно осуществляется защита (охрана и т. п.) прав и законных интересов людей и их объединений»¹⁵.

---

¹³ Варданян Д. С. Российская правозащитная система и личность: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2007. С. 6.

¹⁴ Калинина Т. М. Указ. соч. С. 25.

¹⁵ См.: Карташов В. Н. Правозащитные системы: понятие, основные типы и принципы // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2003. С. 12.

Подчеркивая фундаментальность категории «правозащитная система», П. В. Анисимов и Л. В. Медведицкова считают возможным определить ее как «совокупность правозащитных элементов: норм законодательства; компетентных субъектов правозащитных отношений; правозащитных методов, способов и специальных правовых средств; а также деятельности, направленной на юридически результативное воздействие на общественные отношения, деформированные в результате нарушения прав человека, в целях достижения состояния правовой защищенности прав человека посредством обеспечения, пресечения, восстановления нарушенных прав человека и наказания виновных лиц»¹⁶.

В некоторых случаях предпринимаются попытки определить правозащитную систему в широком и узком смысле и таким образом разграничить понятия «правозащитная система» и «система защиты прав человека».

Так, А. П. Мовчан полагает, что содержание категории «правозащитная система» может анализироваться как в широком, так и в узком смысле. В первом случае в качестве объекта защиты следует рассматривать не только права человека, но и само право, а также другие составляющие правовой системы. Однако всегда одним из основных объектов защиты остаются права человека. В таком ракурсе понятие «система защиты прав человека» является важнейшим компонентом понятия «правозащитная система»¹⁷.

Указанные (и другие) определения, безусловно, дают обобщенное представление о тех или иных сторонах правозащитной системы как специфического явления современной политико-правовой действительности. Тем не менее ни одно из них не может претендовать на абсолютную

---

¹⁶ Анисимов П. В., Медведицкова Л. В. Теоретико-правовые и организационные основы правозащитной системы в Российской Федерации. Волгоград, 2007. С. 44.

¹⁷ См.: Мовчан А. П. Принципы всеобщего уважения прав человека и основных свобод // Курс международного права: Основные принципы международного права. М., 1989. Т. 2. С. 160.

универсальность и полноту. И это не удивительно. Как известно, чем сложнее изучаемый объект, тем больше определений можно ему дать. А правозащитная система, несомненно, относится к числу таких сложных образований. Поэтому, наряду с попытками выработать общетеоретическое определение этого явления, нельзя упускать из вида и другой путь научного осмысления правозащитной системы — выделение и анализ присущих ей специфичных признаков и свойств. Как показывает практика научного познания государства, права, правовой системы и других политико-правовых явлений, именно последний путь дает наиболее ощутимые результаты¹⁸.

С учетом высказываемых в современной литературе мнений¹⁹ можно указать следующие особенности (признаки, свойства) правозащитной системы.

Во-первых, правозащитная система представляет собой необходимый элемент современного правового государства и гражданского общества, является показателем их зрелости, сформированности, цивилизованности. Между ними существуют не только функциональные, но и генетические связи. Думается, совсем не случайно, что вопрос о правозащитной системе был поставлен в нашей науке одновременно с провозглашением в стране официального курса на построение правового государства, утверждение принципов гуманизма, демократии и т. д. Именно в таком конкретно-историческом контексте, по нашему мнению, может быть конструктивно решен вопрос не только о природе и назначении указанной системы, но и ее соотношении, в частности, с правоохранительной системой.

Дискуссии по этому вопросу ведутся не одно десятилетие. Вряд ли и сегодня найдется работа, посвященная правозащитной тематике, в которой так или иначе не ставился бы вопрос о соотношении таких понятий, как «обеспечение права», «охрана права», «защита права». В данном случае нет

---

¹⁸ См.: Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. М., 2006. С. 131—132.

¹⁹ См., напр.: Анисимов П. В. Права человека... С. 135—136.

необходимости углубляться в отмеченный спор, поскольку основные точки зрения всем хорошо известны. Хотелось бы, однако, обратить внимание на тот момент, что в основном ведущаяся полемика не выходит за рамки сугубо формальных определений, в связи с чем зачастую превращается в спор сугубо терминологического плана (какой термин уже, какой шире и т. д.). Между тем проблема формирования и обоснования правозащитной системы имеет не только формально-юридическое, но и конкретно-историческое измерение. Вопрос о содержании и назначении правозащитной системы нельзя решить в отрыве от реальных процессов государственно-правового развития. Правозащитная система и составляющие ее содержание явления и понятия отражают качественно новый этап в развитии российского государства и права, характеризующийся переосмыслением основополагающих социально-правовых ценностей. Категориальный аппарат правоохраны, сложившейся в советской правовой доктрине, был сориентирован на иные реалии, с присущим для них доминированием государственно-партийных начал. И не только категориальный аппарат, но и фактически сложившаяся система правоохранительной деятельности. Переориентация указанной деятельности на качественно иные ценности, провозглашенные, в частности, Конституцией РФ, не могла быть достигнута в рамках все тех же правоохранительных категорий и институтов. Права и свободы человека и гражданина, правозащитное законодательство, правозащитные функции, правозащитные отношения, правозащитная система — все это, еще раз подчеркнем, понятия и явления, отражающие качественно новый этап государственно-правового развития, в центре которого находится (должен находиться) человек, как социальная и правовая ценность. В таком контексте раскрывается подлинный смысл и назначение самого правового государства. Последнее не самоцель, а лишь необходимое средство обеспечения прав человека. Назначение правового государства — создавать политико-правовые условия для достойной жизни и свободного развития людей, защищать их права и свободы.

Во-вторых, правозащитная система — это элемент (подсистема) и разновидность правовой системы общества, как более общей, интегральной категории. Следует согласиться с Т. М. Калининой, что в методологическом плане речь идет о соотношении особенного (правозащитная система) и общего (правовая система)²⁰.

В данном случае, как представляется, требуются некоторые уточнения. Дело в том, что распространенное представление о правозащитной системе как элементе или части правовой системы является справедливым только отчасти. Справедливость указанного утверждения состоит в том, что правовая система осуществляет не только правозащитные, но и другие задачи и функции. И поскольку функция правозащиты является одной из многих функций правовой системы (наряду с информативной, регулятивной, коммуникативной и пр.), то и правозащитные элементы (нормы, отношения, решения и т. д.) могут быть выделены в особый блок или подсистему. Но в этом состоит и ограниченность указанного подхода. Он как бы замыкается на частях и не позволяет осмыслить правозащитный потенциал правовой системы в целом. Между тем элементы правовой и правозащитной систем (нормы, отношения, акты применения права, правосознание, правовая культура и пр.) в значительной мере совпадают и отличаются не количеством, а качеством, особенностями функциональной настройки. И это позволяет применять правозащитную терминологию и использовать правозащитные оценки не ограниченно, а применительно к правовой системе в целом. Например, является ли правовая система современной России адекватной правозащитным задачам и функциям? Удовлетворяет ли современная настройка ее элементов потребностям обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина?

Мы считаем, что это весьма важный аспект понимания правозащитной системы. Важный не только в научном, но и практическом плане. Он

---

²⁰ См.: Калинина Т. М. Указ. соч. С. 27.

позволяет выйти за рамки отдельных решений и увидеть проблему целиком. Можно сколько угодно совершенствовать отдельные правозащитные законодательные акты и нормы, государственные органы и т. д., но при общей ориентации правовой системы на иные ценности такие частичные меры вряд ли способны существенно повлиять на правозащитную ситуацию.

В-третьих, специфика правозащитной системы состоит также в том, что она характеризуется собственным системообразующим началом (принципом). Как известно, наличие такого начала характеризует любую систему. Для правовой системы в целом — это право (высказываются и другие точки зрения), для политической — государственная власть и т. д. Что касается правозащитной системы, то здесь в качестве системообразующего начала выступает требование безусловной защиты человека, его прав и свобод как высшей ценности. Соответственно, и назначение правозащитной системы состоит в реализации указанного требования и достижении состояния правовой защищенности человека. Именно функциональная направленность всех элементов правозащитной системы на реализацию указанного принципа придает им необходимую степень единства и взаимодействия в составе целого. А. В. Стремоухов отмечает, что для правовой защищенности характерен высокий уровень защиты личности законом, который отличается предоставлением лицу широких конституционных прав и наличием эффективного механизма их правовой защиты²¹. В этой связи нельзя не согласиться с Л. П. Завадской, которая считает, что главной целью в сфере защиты является обеспечение реализации субъективных прав, обязанностей, охраняемых законом интересов, свобод граждан²². К такой цели необходимо стремиться государствам и остальным

---

²¹ См.: Стремоухов А. В. Правовая защита человека: Теоретический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. СПб., 1996. С. 11.

²² См.: Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Е. В. Аграновская, Н. В. Витрук, Л. Н. Завадская и др. М., 1983. С. 226—227.

политическим организациям. Цель любого политического союза, согласно ст. 2 Декларации прав человека и гражданина 1789 года, состоит в обеспечении естественных и неотъемлемых прав человека²³.

Таким образом, и общее назначение, и главная цель всей правозащитной системы выражаются в состоянии защищенности прав человека. Это состояние достигается за счет признания или установления за каждой личностью юридического права на правовую защиту. При отсутствии у человека права на правовую защиту защита его прав не может осуществиться, потому что невозможна даже такая постановка вопроса. По этой причине первым шагом в формировании системы защиты прав человека является признание у человека права на правовую защиту и вытекающих из него правозащитных правомочий, что нашло отражение в соответствующих международных и национальных юридических документах²⁴, в частности в ст. 7 Всеобщей декларации прав человека: «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона»²⁵.

В-четвертых, правозащитная система имеет сложноорганизованный, комплексный характер. Данная особенность также отмечается практически всеми авторами, исследовавшими правозащитную систему. Однако, что касается конкретного понимания структуры указанной системы, ее элементного состава, то на этот счет в литературе не сложилось какого-то единого мнения. Впрочем, указанное единство не наблюдается и в

---

²³ См.: Декларация прав человека и гражданина 1789 года // Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 2000. С. 32.

²⁴ См.: Анисимов П. В. О методологическом и практическом значении права человека на правовую защиту в формировании правозащитного направления отечественной юридической науки: Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2003.

²⁵ См.: Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года // Международные акты о правах человека: сб. док. М., 2000. С. 40.

понимании структуры правовой системы в целом, которая на сегодняшний день получила гораздо более обстоятельную научную разработку²⁶.

Учитывая доминирующие в современной теоретико-правовой науке представления, структура правозащитной системы, на наш взгляд, может быть представлена следующими взаимосвязанными и взаимодействующими элементами или подсистемами:

1. Правозащитная идеология. Данное явление выступает в качестве мировоззренческой основы правозащитной системы и концентрирует в себе господствующие представления, идеи, взгляды, теории, доктрины о сущности, целях, принципах, идеалах, средствах защиты прав человека, оценки эффективности правозащитной деятельности, перспектив ее развития и т. д.

2. Правозащитная политика — еще один важный компонент правозащитной системы. К сожалению, в большинстве работ, посвященных правозащитной системе, указанный феномен в качестве самостоятельного не выделяется, что, на наш взгляд, свидетельствует об определенной недооценке научным сообществом его значимости. Между тем именно правозащитная политика²⁷ определяет официальный курс государства в сфере защиты прав и свобод личности, формирует его стратегию и тактику и тем самым задает общую направленность в деятельности всего государственного правозащитного механизма.

---

²⁶ См., напр.: Байтин М. И. Право и правовая система: вопросы соотношения // Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006. С. 182—199; Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010.

²⁷ О правозащитной политике см.: Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: монография. СПб., 2004; Редько А. А. Правозащитная политика и ее место в правовой политике России: теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2011.

3. Правозащитные институты (учреждения) — система государственных и негосударственных органов, организаций, учреждений, осуществляющих функции защиты прав и свобод личности.

В настоящее время в российском обществе сформировалась многоступенчатая система правовой защиты прав и свобод граждан, создана и функционирует достаточно развитая инфраструктура государственных органов и должностных лиц и негосударственных организаций и органов, которые уполномочены защищать права человека. Эти обязанности возложены Конституцией и законодательством на Президента РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, судебные и иные правоохранительные органы, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, Комиссию по правам человека²⁸, Уполномоченного по правам человека и некоторые другие структуры; по существу, с учетом содержания ст. 18 Конституции Российской Федерации, все государственные и муниципальные органы так или иначе участвуют в защите прав и свобод человека и, следовательно, могут считаться элементами правозащитной системы.

В целях защиты прав и свобод человека активно используется потенциал общественных правозащитных объединений, таких как Московская Хельсинкская группа, Комитет «Гражданское содействие», Правозащитный центр «Мемориал», Общероссийское общественное

---

²⁸ Комиссия по правам человека в целях совершенствования государственной политики в области обеспечения и защиты прав и свобод человека, а также содействию развитию институтов гражданского общества в соответствии с Указом Президента была преобразована в Совет при Президенте по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека: О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека: Указ Президента Российской Федерации от 6 ноября 2004 года № 1417 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 46. Ст. 4511. (в ред. от 01.02.2011). СПС «Консультант Плюс».

движение «За права человека», Фонд «Общественный Вердикт», Комитет против пыток, других неправительственных правозащитных организаций, которых в России зарегистрировано более тысячи. Более широко стали использовать предоставленные законом возможности в обеспечении информирования населения о ситуации в области прав человека и возможных способах их защиты средства массовой информации. Сложившаяся система правовой защиты, наряду с государственно-правовой защитой, обеспечивает, кроме того, возможность обращаться за помощью в установленном законом порядке к инстанциям международно-правовой защиты прав и свобод²⁹.

4. Правозащитные нормы и выражающее их законодательство (в широком смысле этого слова) — нормативная основа правозащитной системы. Имеются в виду как исходные нормы (нормы-принципы, нормы-цели и пр.), определяющие отправные начала в сфере правозащитного регулирования, так и нормы непосредственного действия, фиксирующие конкретные права и обязанности участников правозащитных отношений, условия их возникновения, меры юридической ответственности и т. д., получившие формально-юридическое закрепление в Конституции, соответствующих международно-правовых актах, национальном законодательстве и других источниках права.

5. Правозащитные отношения — урегулированные нормами правозащитного законодательства общественные отношения, участники которых обладают взаимными субъективными правами и обязанностями. Речь идет о специфичной разновидности правовых отношений, возникающих в сфере реализации права на правовую защиту. Участниками рассматриваемых отношений выступают, с одной стороны, субъекты права на правовую защиту (обладатели всех поколений прав человека), а с

---

²⁹ См. подробнее: Колосова Н. М. О конституционном праве каждого на международную судебную защиту в России // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 72—77.

другой — индивиды и организации, обязанные соблюдать права и свободы человека и обеспечивать их правовую защиту.

6. Правозащитная практика — разновидность юридической практики³⁰, представляющая собой деятельность субъектов правозащитных отношений, взятую в единстве с накопленным социально-правовым опытом. Исходя из предложенного определения, можно выделить, например, практику самозащиты права (то есть практику реализации субъективного права личности осуществлять самостоятельными действиями защиту своих прав и свобод)³¹; судебную правозащитную практику (правоинтерпретационную³² и правоприменительную); прокурорскую правозащитную практику; правозащитную практику адвокатуры и другие разновидности.

Таковы, на наш взгляд, основные признаки и элементы правозащитной системы.

Обобщая сказанное, можно определить правозащитную систему как *совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих идей, норм, а также основанных на них политико-правовых институтов, отношений и действий, согласованное функционирование которых призвано обеспечить состояние защищенности прав и свобод личности, а также прав и законных интересов других субъектов правовых отношений.*

---

³⁰ Обзор основных точек зрения о понятии и содержании юридической практики см.: Карташов В. Н. Юридическая практика // Общая теория права: курс лекций / под общей ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 387—388; Вопленко Н. Н., Рожнов А. П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции: монография. Волгоград, 2004. С. 62—71.

³¹ См.: Уздимаева Н. И. Правовая самозащита: концептуально-проблемные основы теории: монография. Саранск, 2008. С. 10.

³² См.: Анисимов П. В., Рулев А. И. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека (проблемы теории и практики): монография. Волгоград, 2010.

§ 2. Правоприменение и его роль в обеспечении прав личности

Правовая система в целом и правозащитная система как ее составная часть прежде всего сталкиваются с проблемой несовпадения должного и сущего; то есть абстрактные и конкретные модели поведения, закрепляемые в виде норм права, нуждаются в том, чтобы перейти в практическую деятельность людей: «Право (объективное и субъективное) таково по природе, что требует своей реализации в деятельности людей. Порожденное общественными отношениями фактического порядка право в тех же отношениях должно найти свое осуществление»³³.

На практике правила поведения, закрепленные в нормах, не всегда воплощаются в реальных общественных отношениях. Не всегда проводятся в жизнь предписания, содержащие обязанности по соблюдению прав и свобод личности либо обязанности, корреспондирующие данным правам и свободам.

Бывают также ситуации, когда управомоченный субъект не может использовать свое законное право по причинам, не связанным с нарушением или оспариванием его прав. Это может иметь место в случае, когда у лица, имеющего какое-либо право, отсутствует возможность его осуществить по причине того, что подтверждающие это право факты не являются очевидными и требуют проверки, а также наличия соответствующих доказательств. Например, факт нахождения лица на иждивении умершего во многих случаях служит основанием для получения пенсии или наследства. Если же у данного лица нет бесспорных доказательств, подтверждающих факт нахождения на иждивении, то он может быть установлен и подтвержден в режиме правоприменения.

---

³³ Явич Л. С. Сущность права: Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985. С. 127.

Недооценка правоприменения как фактора развития правовой системы, по верному замечанию Ю. И. Гревцова, приводит к тому, что «процессы подготовки и принятия законов становятся самодостаточными и самодовлеющими, отодвигают все дальше в будущее решение реальных проблем реализации прав и свобод. Стереотип массового сознания легко принимает такой модус, ибо он не требует каких-либо индивидуальных или групповых усилий. В итоге многие, если не большинство, из принятых и, возможно, добротных законодательных актов остаются не более чем “правом в книгах”, то есть не находят своих адресатов, не реализуются в реальных общественных отношениях, которые люди устанавливают между собой повседневно»³⁴.

Понятие «применение права» в современной российской правовой системе является не только доктринальным, но и, по сути, легально (законодательно) установленным. Оно неоднократно упоминается уже в Конституции Российской Федерации (правда, в специфических вариантах). Так, в ч. 1 ст. 15 говорится о том, как применяется Конституция РФ; в ч. 3 той же статьи — о том, что не могут применяться неопубликованные законы; в ч. 4 — о применении «правил международного договора». В ст. 18 Конституции РФ используется выражение «применение законов» (в контексте принципа непосредственного действия прав человека). Согласно ч. 2 ст. 54, «если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон». Наконец, неоднократно о правоприменении говорится в связи с деятельностью судебной власти, в ст. 125, посвященной конституционному правосудию: Конституционный Суд РФ проверяет конституционность закона, «примененного или подлежащего применению в конкретном деле» (ч. 4); не вступившие в силу международные договоры, признанные неконституционными, не подлежат введению в действие и применению (ч. 6).

---

³⁴ Гревцов Ю. И. Социология права. СПб., 2001. С. 116—117.

Прямые упоминания о правоприменении широко представлены и в важнейших кодифицированных актах. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ содержатся положения о применении его норм при производстве по делам о преступлениях, совершенных на воздушном, морском или речном судне (п. 2 ст. 2); о применении уголовно-процессуального закона, действующего во время совершения процессуального действия (ст. 4); о запрете применения закона, противоречащего УПК РФ (п. 1 ст. 7) и т. п.

Наконец, в Гражданском кодексе Российской Федерации обнаруживается термин «применение» не в отношении к нормам или законам, а в сочетании «применение права». Особенно часто оно встречается в разделе VI части третьей ГК РФ «Международное частное право». В первой же статье этого раздела (ст. 1166) говорится о «праве, подлежащем применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных лиц»³⁵.

Во всех этих и множестве других случаев, хотя легального определения понятий «применение права», «применение закона» и т. п. не дается, из контекста вполне определенно вытекает, что речь идет о различных путях и формах практического воплощения нормативных правовых предписаний. Однако в сложившейся терминологии, выработанной отечественной теорией права, это явление обозначается как «реализация права». Таким образом, налицо определенное взаимоналожение понятий, которое может быть интерпретировано различными способами.

В этом смысле показательной представляется история появления термина «применение права» в российской юридической науке. Так, он используется в классическом труде Н. М. Коркунова «Лекции по общей теории права», глава III книги 4 которого так и называется — «Применение

---

³⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552. (ред. от 05.05.2014 № 124-ФЗ). СПС «Консультант Плюс».

положительного права». Несмотря на это, понятие «применение права» в этом труде не раскрывается. По сути, Коркунов не исследует сам процесс правоприменения, а лишь намечает некоторые его условия, которыми являются: критика источников права³⁶, наличие правил разрешения коллизий³⁷, наличие юридических фактов³⁸ и т. п.

В трудах Н. А. Гредескула для обозначения практического воплощения правовых норм предлагается другой термин, а именно «осуществление права», которое происходит благодаря повиновению; в свою очередь, «повиновение праву, как процесс психологический, и именно как идеодвигательный акт, распадается на две совершенно ясно отличимых части: 1) часть, заполненную работой идей, и 2) часть двигательную, волевою, или работу интеллекта и работу воли»³⁹.

В «Энциклопедии права» Ф. В. Тарановского фигурируют оба термина — и «применение права», и «осуществление права». Критерий их разделения у этого ученого довольно своеобразен: применением права он называет логический процесс усвоения содержания той или иной нормы по отношению к конкретному случаю, а осуществлением права — волевой, или «моральный», процесс перехода юридической нормы в жизнь⁴⁰. Иначе говоря, Ф. В. Тарановский использует два разных термина для обозначения соответственно интеллектуального и волевого аспектов правореализации.

В советской юридической науке наиболее убедительная трактовка правоприменения была предложена А. С. Пиголкиным. Согласно его представлениям, применение права есть не что иное, как частный случай

---

³⁶ См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 2010. С. 425.

³⁷ См.: Там же. С. 429.

³⁸ См.: Там же. С. 433.

³⁹ Гредескул Н. А. К учению об осуществлении права: Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права: социально-юридическое исследование. Харьков, 1900. С. 43.

⁴⁰ См.: Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. СПб., 2001. С. 242—243.

реализации права, которая, в свою очередь, определяется как «процесс превращения юридических идеальных моделей, отражающих нужные для господствующего класса или народа (в обществе развитого социализма) состояния, в практическую реальность, в действующую систему общественных отношений»⁴¹. Реализация права, по мнению А. С. Пиголкина, может происходить как в рамках правоотношений, так и вне их (например, при соблюдении запретов). В свою очередь, правореализация с возникновением правоотношений может быть связана либо с формальным равенством и автономией субъектов, либо с наличием властных полномочий у одной из сторон. Таким образом, «правоприменение имеет место там, где в качестве юридического факта, с которым закон связывает возникновение правоотношения, фигурирует властное предписание, то есть правовой акт, изданный государственным или иным уполномоченным на то органом»⁴².

По мнению С. С. Алексеева, появление термина «применение права» было обусловлено именно потребностями дифференцированного рассмотрения феномена правореализации: на определенных этапах общетеоретического исследования реализации права возникла необходимость выйти за рамки чисто организационной концепции и обособить деятельность, которая не просто сопряжена с организацией осуществления юридических норм, а выражает как раз государственно-властные функции компетентных органов в процессе правового регулирования⁴³. В числе причин, вызвавших эту потребность, ученый отметил следующую: существенные специально-юридические, организационно-технические вопросы, которые связаны с профессиональными сторонами деятельности юристов, возникают именно в

---

⁴¹ Пиголкин А. С. Понятие правоприменения и его место в механизме социального регулирования // Правоприменение в Советском государстве. М., 1985. С. 9.

⁴² Там же. С. 16.

⁴³ Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Проблемы теории права. Курс лекций. М., 2010. С. 585.

процессе применения права — специальной деятельности компетентных органов, обеспечивающих реализацию права на основании их государственно-властных полномочий⁴⁴.

Один из дискуссионных вопросов правоприменения связан именно с его субъектным составом. Хотя в целом утвердилась точка зрения, что субъектом применения права может быть только носитель власти, она подверглась определенной критике. Такова была позиция М. С. Строговича: «Было бы неправильно считать, что применение права — это прерогатива только государственных органов и общественных организаций, граждане же призваны лишь соблюдать и исполнять нормы права, но не применять их. Разумеется, не все нормы права применяются гражданами, а лишь те, которые, как сказано выше, предоставляют гражданам самим решать на основе права, закона те или иные вопросы их отношений друг с другом и с государственными органами и общественными организациями. Так, если двое людей вступают в брак — именно они применяют соответствующую норму семейного права, а работник загса, регистрирующий брак, тоже применяет норму семейного права, но не материально-правовую норму, а норму процедурного характера, предусматривающую условия и порядок регистрации брака»⁴⁵.

Тем не менее общепризнанным все-таки остается подход к применению права как к властной деятельности, что подтверждается ранее приведенными ссылками на действующее российское законодательство, из контекста которых ясно, что субъектами применения права считаются именно носители власти; что касается самостоятельных действий граждан по осуществлению своих прав, то по отношению к ним используются понятия «правореализация» или «использование права».

---

⁴⁴ Там же. С. 585.

⁴⁵ Строгович М. С. Социалистическая законность и применение советского права // Избранные труды: в 3 т. Т. 1. Проблемы общей теории права. М., 1990. С. 127.

Вместе с тем стоит подчеркнуть, что в современных условиях государство не имеет монополии на правоприменение хотя бы потому, что не является единственным субъектом, наделенным властью. Полномочия по применению права находятся не только у органов местного самоуправления, но и у руководящих органов юридических лиц, поскольку, например, деятельность руководителя предприятия, налагающего на своего сотрудника меры дисциплинарной ответственности на основании трудового законодательства, структурно и функционально не отличается от действий государственного органа, применяющего административное наказание.

В современной литературе справедливо отмечается, что представление о сущности правоприменения непосредственно производно от правопонимания. Так, если понимать феномен права в духе узкого позитивизма, как замкнутую систему норм, то правоприменение «сводится к дедуцированию индивидуальных предписаний из общих норм, а основной задачей юриспруденции становится максимально точное толкование правил, выраженных в нормативных актах»⁴⁶; если же, с учетом современного состояния права, понимать его как открытую систему, где ведущую роль играют правовые принципы, то правоприменение следует рассматривать прежде всего как творческую деятельность⁴⁷.

Для дальнейшего уточнения природы правоприменения следует сопоставить его с существующими формами реализации права, которыми являются: соблюдение — воздержание от нарушения запретов; исполнение — действие в соответствии с обязывающей нормой; использование — деяние на основе юридического дозволения.

---

⁴⁶ Кашанин А. В., Третьяков С. В. Общетеоретические основания исследования проблем правоприменения // Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2008. С. 39.

⁴⁷ См.: Там же. С. 58—60.

Власть — это прежде всего возможность результативного воздействия на что-либо. «Власть, — отмечает А. Кожев, — имеется только там, где есть движение, изменение, действие (действительное или хотя бы возможное)... Очевидно то, что Власть принадлежит тому, кто изменяет, не тому, кто изменяется; Власть по сути своей *активна*, а не *пассивна*»⁴⁸. В этой связи прежде всего обращает на себя внимание то, что «применение», по смыслу самого слова, несовместимо с пассивностью и, следовательно, не может происходить в форме бездействия, то есть соблюдения права.

Таким образом, можно сформулировать следующее краткое определение: правоприменение — *это активная реализация права на основе властных полномочий*. Такая трактовка, разумеется, не исключает иных дефиниций; в частности, она вполне согласуется с вариантом, принадлежащим С. С. Алексею: «Применение права, если дать ему юридически глубинную характеристику, представляет собой *властную индивидуально-правовую деятельность*, которая направлена на решение юридических дел и в результате которой в ткань системы включаются *индивидуальные предписания*»⁴⁹.

В контексте настоящего исследования некоторых пояснений требует используемая терминология.

Дело в том, что в современной монографической и учебной литературе при характеристике властной реализации права оперируют разными терминами. Чаще всего в качестве них используются такие формулировки, как «правоприменение», «применение права» и «правоприменительная деятельность». Может возникнуть вопрос о том, как соотносятся указанные определения.

Анализ соответствующей литературы показывает, что вышеуказанные словесные обозначения, как правило, не несут в себе самостоятельной

---

⁴⁸ Кожев А. Понятие власти. М., 2007. С. 15.

⁴⁹ Алексеев С. С. Общая теория права: курс в 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 321.

смысловой нагрузки. По сути дела, речь идет о разных терминологических обозначениях одного и того же явления (понятия). В частности, известный специалист в области юридической деятельности В. Н. Карташов при анализе проблем социальной ценности и закономерностей развития правоприменительной деятельности использует термины «правоприменительная деятельность» и «правоприменение» в качестве синонимичных⁵⁰. Авторы коллективной монографии «Правоприменение в Советском государстве» в качестве равнозначных используют все вышеуказанные термины (правоприменение, применение права, правоприменительная деятельность)⁵¹. Аналогичная ситуация характерна и для других работ.

Такой подход положен и в основу настоящего исследования.

Чаще всего правоприменение проявляет себя в деятельности по разрешению правовых споров. Разумеется, в ряде случаев правоприменение возможно и при иных обстоятельствах, когда спор отсутствует, однако в целом этот вариант является сугубо вторичным и не относится к основополагающим характеристикам правоприменительной деятельности.

По своему внутреннему составу правоприменение представляет собой процесс, в котором чередуются операции интеллектуального (установление фактических обстоятельств дела, поиск и интерпретация правовой нормы) и волевого характера (принятие решения по делу и его исполнение).

И. Кант представил этот процесс в виде логической схемы, включающей в себя три элемента: большая посылка — норма закона; меньшая посылка — требование поступать в соответствии с законом; вывод — решение (приговор)⁵².

---

⁵⁰ См.: Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 1989. С. 141—154.

⁵¹ См.: Правоприменение в Советском государстве. М., 1985. С. 18—23, 30—33.

⁵² См.: Кант И. Метафизика нравов // Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 234.

«Установление фактических обстоятельств, требующих правового решения, — отмечали В. М. Горшенев и П. Е. Недбайло, — состоит в определении их достоверности и юридической значимости. Затем необходимо отыскать в системе права норму, которая связывала бы с данными фактами юридические последствия, и убедиться в ее подлинности. В тех случаях, когда норма издана местными представительными или исполнительными органами или органами отраслевого управления, необходимо проверить соответствие ее закону. Во всех случаях нужно убедиться в действии избранной нормы в данное время и на данной территории, проверить распространимость ее на определенный круг лиц и организаций»⁵³.

При этом познавательный компонент правоприменения имеет первичное и основополагающее значение, поскольку определяет корректность принимаемого решения.

В этой связи ключевую важность приобретает вопрос о критериях достоверности познавательного компонента правоприменительной деятельности. Это подчеркивалось, в частности, В. С. Нерсеянцем: «выявление (сбор), изучение и установление фактических обстоятельств дела должно осуществляться в соответствии с общими требованиями достижения объективной истины об этих обстоятельствах и вместе с тем в строгом соответствии со специальными целями, задачами, формами и средствами их юридического исследования для достижения в конечном счете не абстрактной, а именно конкретной **юридически значимой объективной истины** о правовых свойствах, характеристиках и значениях исследуемых фактов»⁵⁴.

---

⁵³ Горшенев В. М., Недбайло П. Е. Процессуальная форма и ее социально-юридические возможности в социалистическом обществе // Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М., 1976. С. 19.

⁵⁴ Нерсеянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2001. С. 486.

В современном российском законодательстве, в отличие от советского, полностью отсутствует указание на истину как необходимое качество правоприменительного решения, что до некоторой степени дезориентирует субъектов правоприменения. Современные законодательные инициативы, направленные на возвращение в уголовно-процессуальное законодательство принципа объективной истины, несмотря на свою неоднозначность, отражают реально существующую необходимость в легальном закреплении стандартов правоприменительного познания.

В зависимости от степени сложности рассматриваемого дела и диапазона возможностей правоприменителя можно выделять такие виды применения права, как: *механическое*, которое сводится к использованию готовых схем (клише) решений, что выражается, например, в заполнении бланков процессуальных документов при рассмотрении дел о незначительных правонарушениях; и *творческое*, которое требует не только сложного анализа фактических и юридических материалов, но и самостоятельной выработки решения, не сводящейся к выбору из нескольких заранее известных вариантов. Наиболее ярким примером творческого правоприменения является формирование так называемой правовой позиции суда, которая призвана восполнить имеющуюся в этом типе применения права неопределенность и функционально сопоставима с правовой нормой.

В составе механизма защиты прав человека и, соответственно, в правозащитной системе общества применение права занимает одно из центральных мест. Это обусловлено природой прав человека как идеальных моделей, относящихся к сфере долженствования, а не к фактической социальной действительности. Поэтому необходимы специальные усилия для того, чтобы перевести права человека из абстрактных требований в реальную социальную практику.

В. Д. Зорькин подчеркивает: «Нельзя рассматривать правоприменение только как юридическое прилагательное к нормативному существительному. Нормотворчество без правоприменения порождает мертвое право, а значит,

это дефектное, некачественное нормотворчество, потому что право, которое не действует, — это, строго говоря, не право»⁵⁵.

Т. М. Пряхина и Е. В. Розанова рассматривают правоприменительную практику как право, которое озвучил суд по отношению к потребностям социальной действительности. По их мнению, правоприменительная практика представляет собой ответ на вопрос об истинности нормы права, раскрывает волю законодателя в процессе применения правового акта. «При неизменности текстуального выражения воли законодателя, — отмечают Т. М. Пряхина и Е. В. Розанова, — она обновляется, обретает полноту и многогранность, соприкасаясь с развивающимися общественными реалиями и действующим правом»⁵⁶.

Воля законодателя, отмечал Н. М. Коркунов, как бы преломляется на практике, проходя через сознание правоприменителей, и поэтому в некоторой степени уклоняется от своего начального направления. И это, по его мнению, не является необходимым злом, а представляет собой положительное, несомненное благо⁵⁷. Только благодаря такому преломлению воли законодателя в общественном сознании законность отличается от произвола и деспотизма, служит обеспечению права и свободы. Если рассматривать законность как безусловное господство воли властвующего, выраженной в форме общих правил закона, то найти существенную разницу между «законным» и «произвольным» порядком не получится. Подобный подход соответствует сложившемуся пониманию того, что положения Европейской конвенции существуют не сами по себе, а лишь в том виде, в каком их трактует и применяет Европейский суд по правам человека.

---

⁵⁵ Зорькин В. Д. Правоприменение как стратегическая проблема... С. 20.

⁵⁶ Пряхина Т. М., Розанова Е. В. Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2010. № 2. С. 84—85.

⁵⁷ См.: Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 169—170.

Правоприменительное решение выступает в роли юридического факта, что видно даже из самого его определения как «акта». Причем таковым в зависимости от характера конкретной ситуации оно является не только для своих адресатов (например, сторон судебного разбирательства), но и для других участников общественных отношений (например, государственных органов). Правоприменитель проверяет фактические обстоятельства дела, определяет их юридические последствия и делает юридически значимый вывод, оформляемый соответствующим образом. Формальная определенность этого вывода обеспечивает возможность правоприменительному акту выступать в качестве относительно самостоятельного (от исследованных судом фактических обстоятельств) основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений, то есть юридического факта. Таким образом, решением правоприменителя определенно устанавливается наличие или отсутствие прав и обязанностей в спорных или неочевидных ситуациях⁵⁸.

Как верно подчеркивает В. В. Лазарев, деятельность правоприменителя в ряде случаев является совершенно необходимым дополнением к законодательному установлению: «Часто законодатель употребляет общие (оценочные) понятия, объективно не имея возможности проявить свою волю во всей полноте. Он рассчитывает на естественное развитие нормы в ходе правоприменительной практики. Фактически суд по велению законодателя (прямого или косвенному) вынужден конкретизировать норму в ходе ее применения»⁵⁹.

Интерпретационная деятельность как процесс, направленный на выяснение смысла правовых норм, представляет собой неотъемлемую

---

⁵⁸ См.: Вороненков Д. Н. Теоретические и нормативные основы судебного контроля в механизме разделения властей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01, 12.00.11. М., 2009. С. 4.

⁵⁹ Лазарев В. В. Нормативная природа судебного прецедента // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 94—95.

составную часть правоприменительной деятельности. Однако интерпретационная деятельность имеет и самостоятельное правозащитное значение, выходящее за рамки конкретного правоприменительного процесса. Возникающая неопределенность в понимании смысла тех или иных нормативных положений, определяющих само содержание прав человека или механизма их защиты, является серьезным препятствием в работе правозащитной системы, а устранение такой неопределенности, соответственно, выступает в качестве самостоятельного вида правозащитной деятельности. При этом вопрос об обязательности или рекомендательности актов толкования права носит вторичный характер, поскольку само по себе разъяснение смысла правовых норм является неотъемлемой частью механизма правового регулирования.

Помимо интерпретации, правоприменение включает в себя и такую немаловажную функцию, как проверка содержания применяемого закона: «Очень большую роль в ограничении произвола играет текст закона, и совершенно особую — правоприменитель, то есть судебные органы. Судья, применяя закон, следует официальному толкованию, но у судьи есть и право, и обязанность осуществления контроля за содержанием закона в процессе правоприменения, хотя в судебной функции в ее сегодняшнем виде недостаточно прописаны полномочия суда в сфере проверки содержания применимого права»⁶⁰.

В отношении «правовых позиций», занимающих промежуточное место между правотворчеством, правоприменением и толкованием права, официальная доктрина, представленная, в частности, в работах В. Д. Зорькина, такова: будучи стабилизирующим началом правоприменительной практики, эти позиции выведены за рамки системы судебного обжалования и, соответственно, пересмотра решений.

---

⁶⁰ Мишина Е. Судейское усмотрение и правоприменение // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Волкова. М., 2011. С. 113.

Следовательно, ни гражданин, ни какой-либо государственный орган не вправе инициировать отмену или изменение этих правовых позиций. Вместе с тем это не означает их абсолютной неизменности, что находилось бы в противоречии с природой правового регулирования в целом и судебного правоприменения в частности, зависящих от широкого социального контекста и от эволюции социальных условий, которая иногда носит быстротекущий характер. Поэтому сам орган, выносящий соответствующие решения, в первую очередь Конституционный Суд Российской Федерации, не связан собственными ранее сформулированными правовыми позициями. В соответствии с концепцией «живого права», происходит определенная адаптация конституционных положений о правах человека к изменяющимся общественным отношениям и потребностям. В этих случаях может быть принято новое решение, содержащее отличную от прежней правовую позицию. При этом, как подчеркивает В. Д. Зорькин, отмены ранее принятого решения или корректировки всей правоприменительной практики не происходит; более того, ранее выработанная правовая позиция также сохраняет свою силу, и возможно обращение к ней в случае необходимости⁶¹.

Правда, в этом случае вызывает некоторые сомнения стабилизирующая функция правовых позиций, поскольку в том случае, если по одному и тому же вопросу приняты разноречивые и особенно взаимоисключающие правовые позиции, то не совсем ясно, по каким именно критериям будет определяться применимость одной из них, и если этот выбор будет зависеть от воли правоприменителя, то не будет ли этим нарушаться такой фундаментальный принцип, как правовая определенность.

Одна из основных проблем правоприменительной деятельности в сфере защиты прав человека связана с тем, что органы и институты, призванные способствовать беспрепятственному осуществлению прав и свобод граждан, могут становиться источником их нарушения. Как отмечает,

---

⁶¹ См.: Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 133.

например, В. И. Крусс, именно на уровне правоприменения возникают наиболее реальные возможности как правомерного ограничения, так и неправомерного ущемления прав человека: «Ведь в конечном счете “поражающим” эффектом обладают не нормативные, а правоприменительные ограничения»⁶².

В. Д. Зорькин также специально ставит проблему соблюдения прав человека в деятельности правоприменительных органов, в первую очередь полицией и специальными службами, особенно в связи с их противодействием террористическим угрозам. Эта проблема, как он отмечает, характерна не только для России, но и для многих стран мира, в том числе западных, и сформулирована в Глобальной контртеррористической стратегии, принятой Генеральной ассамблеей ООН в сентябре 2006 года. В частности, задачи борьбы с терроризмом в последние годы нередко используются в качестве оправдания пыток; применение силы, включая специальные средства, в ходе антитеррористических операций. В этих случаях всегда возникают вопросы о соразмерности и оправданности действий спецслужб и полиции в отношении как террористов, так и заложников; сохраняется неопределенность и в оценке правомерности уничтожения подозреваемых в ходе контртеррористической операции, а также в соблюдении прав человека в процессе осуществления государственного надзора за гражданами в рамках оперативной деятельности и т. п.⁶³

Для обеспечения законности и результативности правоприменительной деятельности в сфере прав человека, безусловно, необходимо еще множество условий социально-экономического, политического и специально-юридического характера.

---

⁶² Крусс В. И. Теория конституционного правоупотребления. М., 2007. С. 469.

⁶³ См. подробнее: Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 437—440.

Применение права выступает в качестве необходимого посредника между нормативным закреплением прав человека и их практическим осуществлением в тех случаях, когда непосредственное использование прав их носителями сталкивается с какими-либо препятствиями или когда такое посредничество обусловлено самой конструкцией реализуемого субъективного права. По словам В. В. Бутнева, «орган, наделенный государственно-властными полномочиями, олицетворяет собой **внешнюю** по отношению к регулятивному и охранительно-материальному правоотношениям **силу**, способную посредством специального аппарата **привести в действие**, вопреки желанию и сопротивлению обязанного лица, охранительно-материальное правоотношение и тем самым восстановить, если это возможно, регулятивное материальное правоотношение»⁶⁴.

В этой связи теоретический и практический интерес представляет проблема функций правоприменительной деятельности в правозащитной системе.

Теоретико-методологической основой ее решения является учение о функциях юридической деятельности как родовой категории. По определению В. Н. Карташова, специалиста в указанной области, функции юридической деятельности представляют собой «относительно обособленные направления гомогенного влияния ее на объективную и субъективную реальность, в которых проявляются и конкретизируются ее природа, творчески-преобразующая роль и социально-правовое назначение...»⁶⁵.

Принято подразделять функции юридической деятельности на общесоциальные (экономическая, политическая, социальная,

---

⁶⁴ Бутнев В. В., Тарусина Н. Н. Актуальные проблемы гражданского процессуального права: учеб. пособие. Ярославль, 2012. С. 27.

⁶⁵ Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 1989. С. 124.

воспитательная) и специально-юридические (регистрационно-удостоверительная, правоконкретизирующая и правоохранительная), каждая из которых состоит из соответствующих подфункций⁶⁶.

Поскольку указанные функции отражают наиболее общие направления влияния юридической деятельности на различные стороны социально-правовой жизни, то они так или иначе проявляются и в правоприменительной деятельности, в том числе осуществляемой в сфере правозащиты. Следовательно, в самом общем виде функции правоприменительной деятельности в правозащитной системе могут быть представлены в виде *общесоциальных*, выражающих основные направления влияния указанной деятельности на различные сферы общественной и государственной жизни (экономическая, политическая, культурная и пр.), и *специально-юридических*, характеризующих собственно юридическую направленность соответствующей деятельности и ее правовые последствия.

С учетом такого подхода, основными специально-юридическими функциями правоприменения в правозащитной системе, на наш взгляд, выступают:

1) *индивидуализирующая функция* — конкретизация субъектного состава и содержания юридически допустимого поведения с учетом пределов и ограничений прав человека применительно к рассматриваемому отдельно взятому случаю;

2) *гарантирующая функция* — устранение возникших препятствий на пути правореализации и предоставление носителю субъективного права фактического доступа к соответствующему социальному благу.

Последнее обстоятельство, в частности, означает, что необходимым элементом правоприменительной деятельности в контексте защиты прав человека следует признавать не только само вынесение правоприменительного акта, но и его исполнение.

---

⁶⁶ См.: Карташов В. Н. Указ. соч. С. 128—141.

В соответствии с внутренней дифференциацией правоприменительной деятельности можно выделить два основных режима выполнения ею правообеспечительных функций:

1) *регулятивный* — выражается в том, что правоприменитель участвует как носитель власти в основной процедуре использования лицом предоставленных ему субъективных прав;

2) *охранительный* — связанный с содействием правоприменителя в пресечении незаконных препятствий к правореализации, а также в устранении их последствий и восстановлении законного правопользования.

Как отмечал Л. Д. Воеводин, «восстановление нарушенных прав не является и не может являться неременной формой осуществления прав в каждом отдельном случае, так как в своем подавляющем большинстве права и свободы претворяются в жизнь беспрепятственно и не подвергаются каким-либо ущемлениям. И тем не менее взятый в целом механизм реализации прав граждан не может не включать в себя восстановление нарушенных прав»⁶⁷.

Исходя из этого, целесообразно дифференцировать правоприменение в сфере обеспечения прав личности на основании особенностей механизма реализации прав личности. С учетом такого подхода можно выделить такие виды правоприменения, как факультативное и обязательное.

Факультативное правоприменение имеет место в тех случаях, когда реализация прав человека вполне возможна и без участия правоприменителя, а его вмешательство осуществляется лишь тогда, когда происходит нарушение права. Факультативность характерна, в частности, для правоприменения в сфере защиты личных прав человека — права на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, личную и семейную тайну, на

---

⁶⁷ Воеводин Л. Д. Социально-правовой механизм осуществления прав, свобод и обязанностей граждан и место в нем правоприменения // Правоприменение в Советском государстве. С. 164.

тайну переписки, неприкосновенность жилища и т. п., — которые реализуются лицом самостоятельно и независимо от носителей власти, однако обращение к последним может оказаться необходимым в случае, когда права ущемлены и требуют восстановления.

Обязательное правоприменение происходит там, где юридическая конструкция субъективного права или процедура его реализации в соответствии с Конституцией, законами или другими источниками права таковы, что изначально предполагают участие органов власти. «Особенностью такой формы реализации права является то, что обладатель того или иного субъективного права не может его реализовать, опираясь только на свои силы и возможности. В сфере частного права он опирается на содействие второй стороны — гражданина, частного лица; в сфере публичного права второй стороной выступает должностное лицо государства (общественной организации), с которой гражданин и устанавливает юридическое отношение в интересах реализации принадлежащего ему субъективного права»⁶⁸.

С обязательным правоприменением связана значительная часть политических и социально-экономических прав человека; так, право граждан избирать и быть избранными (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ) не может быть осуществлено без правоприменительной деятельности избирательных комиссий по составлению списков избирателей, регистрации кандидатов, организации голосования и др.; право граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33) обесценилось бы без соответствующей обязанности этих органов рассматривать данные обращения и принимать решения по их существу; права на социальное обеспечение, образование и охрану здоровья непосредственно гарантируются при помощи правоприменительных актов.

---

⁶⁸ Гревцов Ю. И. Социология права. СПб., 2001. С. 123.

Указанные режимы и виды правоприменения относятся к правообеспечительной деятельности в целом. Вместе с тем в контексте настоящего исследования особый интерес представляют те формы деятельности индивидуально-властного характера, которые непосредственно выражают и оформляют ее правозащитное содержание. В связи с этим особый интерес представляет такое понятие, как «способ применения права», или «способ правоприменения».

Характерными чертами способа правоприменения выступают:

- комплексность содержания;
- особый состав субъектов, которые участвуют в правоприменении;
- своеобразиие юридического процесса и процессуального урегулирования соответствующей деятельности;
- специфичный характер юридических фактов, которые влекут за собой развитие правоприменения;
- своеобразиие цели и конечного результата властной правореализации;
- объективно сложившийся однородный характер деятельности субъектов⁶⁹.

С учетом изложенных черт, способ правоприменения определяется как «процессуально закрепленная, объективно сложившаяся организационно-правовая деятельность специальных субъектов, характеризующаяся однородностью действий по достижению целей властной реализации правовых норм»⁷⁰.

В качестве основных способов правоприменительной деятельности выступают: оперативно-исполнительный (исполнительно-распорядительный), контрольно-надзорный, поощрительный, юрисдикционный.

---

⁶⁹ См.: Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009. С. 419.

⁷⁰ Вопленко Н. Н. Указ. соч. С. 434.

Все указанные способы так или иначе используются в различных областях правового регулирования общественных отношений. Тем не менее можно заметить, что существуют определенные объективные зависимости между способом правоприменительной деятельности и ее функциональным назначением, характером решаемых задач и целей. Так, для правоприменительной деятельности, нацеленной на обеспечение наиболее благоприятного режима реализации прав личности в режиме регулятивного (бесконфликтного) регулирования, наиболее типичными оказываются такие способы, как оперативно-исполнительный (исполнительно-распорядительный) и поощрительный. Субъекты правоприменительной деятельности в данном случае преследуют такие цели, как стимулирование социально-активного правомерного поведения (поощрительный способ) и организация процесса правомерной реализации субъективных прав (и обязанностей).

Что же касается правоприменения, осуществляемого в сфере защиты прав личности, то здесь объективно на передний план выходит юрисдикционный способ, связанный с рассмотрением в особом процессуальном порядке соответствующих уголовных, административных, гражданских дел. Особое значение указанного способа обусловлено, в частности, тем, что в правовом государстве в судебном порядке могут быть обжалованы в том числе решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления и соответствующих должностных лиц. Основными целями правоприменительной деятельности в указанной сфере выступают предупреждение и пресечение нарушений прав личности (и других субъектов правоотношений), наказание виновных, восстановление нарушенных прав. В той мере, в какой указанные задачи могут быть решены при помощи контрольно-надзорной и исполнительно-распорядительной деятельности, в процесс защиты права включаются и эти способы правоприменительной деятельности. В основном их поле деятельности — это предупреждение и

пресечение возможных нарушений правопорядка. Когда же речь идет о наказании виновных, контрольно-надзорный и исполнительно-распорядительный способы дополняются юрисдикционным.

Таким образом, в правозащитной системе современного государства правоприменительная деятельность выступает одним из важнейших и объективно необходимых средств перевода общеобязательных нормативов поведения в практическую плоскость. При этом специфика правозащитного и, шире, правообеспечительного регулирования накладывает свой «отпечаток» на содержание указанной деятельности, а также способы, методы и другие аспекты ее осуществления. Подробнее указанная специфика будет рассмотрена в последующих главах. Здесь же хотелось бы отметить, что образ правоприменительной деятельности исторически формируется под воздействием как субъективных (представления о справедливости, свободе, равенстве и пр.), так и объективных факторов (реальная практика деятельности соответствующих органов и должностных лиц). Одна из серьезных причин негативного отношения к институтам, осуществляющим правоприменение, кроется в несовпадении реальной практики индивидуально-властного регулирования общественных отношений и соответствующих духовно-нравственных представлений личности и общества (справедливость, законность и пр.). Профилактике подобных противоречий призвана служить правоприменительная политика, опирающаяся на современные научные разработки.

Глава 2.

Механизм правоприменительной деятельности как составная часть правозащитной системы

§ 1. Субъекты правоприменительной деятельности по защите прав и свобод человека

Субъект правоприменительной деятельности — это лицо или орган, наделенный в установленном порядке властными полномочиями по принятию решений индивидуального характера, имеющих обязательную силу.

Ю. А. Тихомиров справедливо отмечает некоторую двойственность представлений о субъекте правоприменения. С одной стороны, до некоторой степени корректно считать такими субъектами всех лиц, так или иначе вовлеченных в правоприменительную деятельность с самыми разными функциями. С другой стороны, оправдано и более узкое понимание: «В более узком смысле “правоприменяющий субъект” (“правоприменитель”) — это лицо, выполняющее служебную функцию по управлению на профессиональных началах, обладающее специальным правовым статусом, которое осуществляет государственно-властную деятельность, носящую официальный юридический характер и направленную на реализацию права посредством издания правоприменительных актов — документов, содержащих соответствующие его компетенции, обязательные персонифицированные правовые предписания, адресованные конкретным субъектам»⁷¹.

Общеобязательность принимаемых решений является основным отличительным свойством субъекта правоприменения. Далеко не все институты правозащитной системы обладают такого рода полномочиями,

---

⁷¹ Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. С. 321.

среди них существуют и такие организации, решения которых не имеют обязательной силы (Уполномоченный по правам человека, общественные правозащитные структуры) или являются условно-обязательными (органы прокуратуры). Правоприменительные акты носят обязательный характер, то есть подлежат безусловному выполнению всеми субъектами, которым они адресованы. Так, вступившие в законную силу судебные акты, иные законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения федеральных судов, мировых судей и судов субъектов РФ являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, физических и юридических лиц и подлежат беспрекословному исполнению на всей территории РФ. Неисполнение судебного решения, иное проявление неуважения к суду влечет ответственность, предусмотренную федеральным законом⁷².

Основными субъектами правоприменительной деятельности в современном обществе являются государственные органы, правозащитные функции которых определяются принципом разделения властей. При этом законодательная власть, которой иногда приписывается верховное значение в системе государственных органов, правоприменительными полномочиями в сфере защиты прав человека не наделена.

Органы судебной власти. Традиционно лидирующее место, отводимое судебной власти в системе институтов защиты прав человека, имеет как исторические, так и теоретико-идеологические основания. Именно с правосудием генетически связаны первые практики ограничения государственного произвола и предоставления подданным государства независимой защиты на случай нарушения их прав, причем эта защита подкреплялась силой государственной власти.

---

⁷² См.: Вороненков Д. Н. Судебный контроль в механизме разделения властей // Право и государство: теория и практика. 2009. № 8 (56).

Таким образом, налицо определенное, хотя и не фатальное противоречие между двумя свойствами судебной власти и правосудия: с одной стороны, самостоятельность и независимость суда, с другой — необходимость обращения к иным государственным органам для обеспечения исполнения судебных решений.

При этом на органы судебной власти ложится особая миссия арбитра между различными субъектами права, включая органы власти, что вытекает из принципа универсальности судебной защиты.

В России становление и эволюция суда как органа защиты прав человека носила длительный, напряженный и противоречивый характер, причем в основном имел место своего рода синкретизм правосудия, то есть его включенность в общие практики осуществления государственной власти без должной организационной самостоятельности; лишь со второй половины XIX века начинается процесс реформирования судебной системы на началах, характерных для европейской культуры, включая разделение властей и процессуальную состязательность, причем эти принципы сами по себе не получили единодушного признания, и их последующее внедрение шло крайне нелинейным путем, поскольку периоды их относительно полной реализации сменялись этапами их отрицания.

Некоторые ученые характеризовали эту разновидность государственной власти как систему судебных учреждений или органов государства. Известный юрист С. В. Позднышев считал, что судебная власть является ветвью государственной власти. Ее должны осуществлять отдельные органы, за которыми не закреплены административные или законодательные функции. Ученый подчеркивал, что судебная власть призвана заниматься осуществлением закона, утверждением его господства и ведением борьбы с произволом и насилием⁷³. И. Я. Фойницкий, определяя

---

⁷³ Цит. по: Дмитриев Ю. А., Черемных Г. Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8. С. 46.

роль судебной власти в государстве, писал, что она, получая право существовать в законе и силу в представительной власти, в свою очередь служит правительственной власти и ограждает ее законные интересы⁷⁴.

Второй вариант понимания судебной власти можно назвать «функциональным», или «деятельностным», поскольку в нем за основу принимается представление о правосудии как о совокупности юридически значимых действий. К этому направлению принадлежит, например, отечественный процессуалист Н. Н. Розин, связывавший положение суда с юридическими функциями государства, в частности с юрисдикционной — разрешением конкретных вопросов или споров о праве с целью достижения задач правового мира, обеспечения спокойного обладания правами⁷⁵.

Особняком стоит позиция П. И. Люблинского, настаивающего на специфической природе судебной власти и отрицающего ее органическую связь с государственностью: «По существу идея суда стоит обособленно от государства. Суд есть явление, связанное только с правом. Он стоит вне государства, а порою и над ним. Лишь расширение области официального права влечет за собою постепенное вторжение государственного начала в отправление правоприменения. Стремясь стать властным, суд ищет сближения с государственной принудительной властью и становится одной из функций ее — властью судебною»⁷⁶.

Наиболее продуктивным выглядит интегративный подход к судебной власти, предполагающий систематизацию всех ее значимых черт. Так, Н. А. Колоколов отмечает, что судебная власть имеет следующие сущностные характеристики: она реальна, обладает всеми родо-видовыми признаками и чертами, присущими любой иной власти; будучи социальным

---

⁷⁴ См.: Там же. С. 158.

⁷⁵ См.: Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 3-е изд. Петроград, 1916. С. 96—99.

⁷⁶ Люблинский П. И. Суд и права личности // Суд и права личности: сб. ст. / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. М., 2005. С. 32.

явлением, существует только в динамике; в пределах своей компетенции сильнее любой организации или индивида, обладающих такой же компетенцией на территории конкретного государства; одновременно носит частноправовой и публично-правовой характер; проявляется в правоприменительной, правотолковательной и правотворческой сфере; не может существовать вне нормативного регулирования; опосредуется в правоприменении (процессах), его результатах (судебных актах); является животворящим источником права⁷⁷.

На основании анализа существующей в России нормативной конструкции судебной власти, а также сопоставления вышеприведенных позиций предпримем попытку выработки интегративного определения понятия «судебная власть», включающего в себя наиболее важные ее особенности.

Вполне очевидно, что по отношению к понятию «судебная власть» родовым является более широкое понятие «власть». В свою очередь, власть — это прежде всего возможность результативного воздействия на что-либо. «Власть, — отмечает А. Кожев, — имеется только там, где есть движение, изменение, действие (действительное или хотя бы возможное)... Очевидно то, что Власть принадлежит тому, кто изменяет, не тому, кто изменяется; Власть по сути своей *активна*, а не *пассивна*»⁷⁸.

Вместе с тем было бы неточностью рассматривать власть как особый вид деятельности. Иначе говоря, судебная власть не тождественна правосудию. Различие судебной власти и судопроизводства явно вытекает хотя бы из ч. 2 ст. 118 Конституции РФ: «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства». Таким образом, деятельность судов — это не

---

⁷⁷ См.: Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен. М., 2007.

⁷⁸ Кожев А. Понятие власти. М., 2007. С. 15.

сама судебная власть, а лишь способ ее осуществления; судебная власть есть предпосылка правосудия, его основание.

Судебная власть проявляет себя в деятельности по разрешению правовых споров. Разумеется, в ряде случаев правосудие возможно и при иных обстоятельствах, когда спор отсутствует, однако в целом этот вариант является сугубо вторичным и не относится к основополагающим характеристикам судебной деятельности. По своей природе суд — это институт разрешения социальных конфликтов.

Разумеется, деятельность по рассмотрению и разрешению конфликтов не монополизирована судебными органами: в этом качестве действуют и иные социальные институты: прокуратура, медиация, неформальные механизмы. Отличительными чертами судебной власти являются особенности принимаемых на ее основе решений. Во-первых, эти решения выносятся соответствующими субъектами во исполнение юридически закрепленных за ними полномочий. Во-вторых, эти решения носят юридически обязательный и окончательный характер.

Наконец, судебная власть в полном смысле слова имеет место лишь в том случае, когда указанные полномочия осуществляются органами, наделенными организационной самостоятельностью, что чаще всего основано на принципе разделения властей; только в этом случае можно констатировать существование особого вида государственной власти.

Учитывая сказанное выше, представляется возможным дать следующее определение судебной власти: *судебная власть — это юридически закрепленная за обособленной системой органов возможность принимать окончательные и общеобязательные решения по существу правовых споров.*

Еще одно характерное свойство суда как правозащитного института — его универсальность. Суд обладает предельно широкой юрисдикцией, охватывающей весь круг возможных случаев нарушения прав человека и их защиты. Универсальность судебной защиты, таким образом, проявляется в том, что любые права человека могут быть обеспечены в судебном

порядке — разумеется, с учетом специализации судебных органов (суды общей юрисдикции, арбитражные суды, конституционная юстиция и др.).

Кроме того, суд является универсальным субъектом рассмотрения жалоб на действия всех остальных органов и должностных лиц, занимающихся защитой прав и свобод человека.

Органы исполнительной власти являются второй по значимости группой субъектов, осуществляющих правозащитную деятельность в форме правоприменения. Особенности этих органов как субъектов правоприменения состоят в следующем:

1) широкая и разнообразная юрисдикция, охватывающая практически все сферы государственного управления;

2) концентрация в руках органов исполнительной власти более обширных, чем у суда, полномочий в сфере регулятивного правоприменения;

3) специализированный, в отличие от универсальности судебной защиты, характер компетенции каждого правоприменительного органа;

4) упрощенный, по сравнению с судопроизводством, характер правоприменительной процедуры;

5) централизованный характер системы органов исполнительной власти, что означает отсутствие у них независимости при осуществлении правоприменительной деятельности;

б) соединение полномочий по вынесению правоприменительного решения и по его исполнению.

Проблемность правоприменительной деятельности органов исполнительной власти в сфере защиты прав человека прежде всего связана с особенностями организации этой ветви власти. Так, для России характерно недостаточно четкое закрепление компетенции данных органов, в том числе в сфере правоприменения, чего не удалось избежать и в ходе административной реформы: «Такая ситуация складывается, например, когда в структуре федеральных органов, осуществляющих свои полномочия в определенной отрасли, упраздняются федеральные службы, а их

контрольные и надзорные полномочия не перераспределяются между министерством и агентствами»⁷⁹.

Административный порядок защиты прав человека, характерный для органов исполнительной власти, является менее совершенным по сравнению с судебным правоприменением, поскольку в системе исполнительной власти в значительно меньшей степени обеспечивается объективность и беспристрастность проводимого разбирательства в связи с наличием у них общего соподчинения, что создает практически неограниченные возможности для оказания влияния на конкретное правоприменительное решение.

Приоритет суда по отношению к органам исполнительной власти в сфере правоприменения закреплен не только доктринально, но и на уровне правовых позиций самих российских судов. Так, в своем Постановлении от 17 марта 2009 года № 5-П Конституционный Суд РФ указал на то, что, исходя из права на судебную защиту как основной юридической гарантии всех остальных прав и свобод, а также из особой роли судебной власти и исключительного характера ее полномочий, только суд обладает правом выносить окончательные решения по существу юридических споров, что означает невозможность преодоления судебного решения актом какого-либо другого правоприменительного органа. Иначе говоря, если в решении административного органа устанавливаются иные права и обязанности участников спора, нежели в решении суда, принятом по тому же спору, то происходит нарушение судебных гарантий прав человека, а также принципа независимости суда. При этом аналогичная позиция, состоящая в неприемлемости внесудебного изменения обязательных решений, принятых судом, содержится в Постановлении Европейского суда по правам человека от 19 апреля 1994 года по делу «Ван де Хурк против Нидерландов». Исходя

---

⁷⁹ Лемешева Ю. В., Мишина Е. А. Применение права органами публичной власти // Правоприменение: теория и практика... С. 195.

из этого Конституционный Суд РФ признал не соответствующими ч. 1 ст. 46, ст. 57, ч. 1 и 2 ст. 118 Конституции РФ те положения налогового законодательства (абз. 4 и 5 п. 10 ст. 89 НК РФ), которые создавали в правоприменительной практике ситуацию, когда налоговым органом в результате проведения выездной налоговой проверки могло быть принято решение, влекущее изменение прав и обязанностей налогоплательщика, которые были установлены судебным актом, принятым в связи с ранее проведенной первоначальной проверкой⁸⁰.

Органы прокуратуры занимают в правозащитной системе неоднозначное место. По ряду параметров они близки к органам судебной власти, что выражается, во-первых, в такой их общей характеристике, как независимость, а во-вторых, в том обстоятельстве, что в Конституции Российской Федерации статья о прокуратуре помещена в главу «Судебная власть». Вместе с тем российская модель прокуратуры не позволяет говорить о полноценном вхождении прокуратуры в судебную систему. Прокуратура сконструирована как особая структура государственных органов, не относящихся ни к одной из ветвей власти.

Правозащитная направленность деятельности прокуратуры не вызывает особых сомнений, поскольку сама идея надзора за исполнением законов как основной функции прокуратуры автоматически предполагает, что предметом этого надзора может служить и реализация законодательных гарантий прав и свобод человека. Кроме того, в Законе о прокуратуре специально выделен в качестве самостоятельного направления надзор за соблюдением прав и свобод человека.

Вместе с тем природа прокурорского надзора и соответствующих актов прокурорского реагирования с точки зрения теории правоприменения является не до конца определенной. Как известно, одной из основных

---

⁸⁰ См.: Власенко Л. В. Налоговые правовые позиции судов: теория и практика. М., 2011. С. 89—91.

характеристик правоприменения является то, что принимаемое в результате решение должно носить юридически обязательный характер. С одной стороны, это требование вроде бы выполняется, поскольку ст. 6 Закона о прокуратуре именуется «Обязательность исполнения требований прокурора», а п. 1 данной статьи определяет случаи, когда требования прокурора подлежат неукоснительному выполнению в установленный срок, причем к ним отнесены и полномочия, связанные с надзором за соблюдением прав и свобод человека.

С другой стороны, обязательность требований прокурора оказывается в значительной степени декларативной, поскольку механизм их принудительного исполнения не предусмотрен и, по существу, наиболее реальной формой действенного восстановления прокуратурой нарушенных прав и свобод человека является ее обращение с иском в суд в соответствии с п. 4 ст. 27 Закона о прокуратуре.

Другим относительно действенным средством правовой защиты, которым располагает прокуратура, может считаться полномочие по возбуждению производства об административном правонарушении, предусмотренное п. 3 ст. 27 Закона о прокуратуре.

Особенность прокурорской деятельности в сфере защиты прав и свобод человека, особенно по сравнению с правосудием, состоит в том, что при внешней независимости (что роднит прокуратуру с органами судебной власти) отсутствует высокая степень самостоятельности прокурора внутри самой системы прокуратуры, которая построена централизованно и основана на вертикальном подчинении. Отсюда, например, вытекает практика определения приоритетов прокурорского надзора за тем, как соблюдаются права и свободы человека, при помощи указаний вышестоящих руководителей, в первую очередь Генерального прокурора Российской Федерации. Так, прокурорам было рекомендовано акцентировать основное внимание на защите трудовых, имущественных, жилищных и политических прав граждан, в том числе на проверке выполнения работодателями своих

обязанностей по выплате заработной платы и обеспечению безопасных условий труда; надзоре за исполнением земельного, финансового, таможенного, налогового и банковского законодательства, а также законодательства об охране природы и др.⁸¹

С одной стороны, практика установления приоритетов правозащитной деятельности имеет определенные положительные стороны, поскольку позволяет сконцентрировать усилия и ресурсы на каких-либо наиболее актуальных или проблемных направлениях, что к тому же подкрепляется на властных полномочиях вышестоящих прокуроров. С другой стороны, подобное централизованное определение приоритетов может привести к тому, что все остальные направления защиты прав человека, не предписанные свыше, могут оказаться на периферии внимания надзорного органа.

§ 2. Нормативные основания правоприменительной деятельности в сфере защиты прав человека

Правоприменительная деятельность выступает в качестве важнейшего объекта конституционного и законодательного регулирования. Это обстоятельство вызвано прежде всего тем, что именно правоприменение является наиболее распространенным и юридически корректным средством защиты прав человека и, следовательно, центральным условием построения правового государства⁸².

Вместе с тем наиболее фундаментальное значение (как с теоретической точки зрения, так и в контексте правоприменительной практики) для защиты

---

⁸¹ См.: Росинский В. В. Конституционные основы правозащитной деятельности прокуратуры Российской Федерации. М., 2010. С. 117.

⁸² См.: Изварина А. Ф. Судебная власть в Российской Федерации: содержание, организация, формы. Ростов н/Д, 2005. С. 26.

прав человека, в том числе национальными правоприменительными органами, имеют нормы международного права.

Так, одним из базовых источников международного права в данной сфере является Международный билль о правах человека, представляющий собой совокупность четырех относительно самостоятельных документов, которые детализируют положения Всеобщей декларации прав человека 1948 года.

В течение всего XX столетия непрерывно шел процесс наращивания международно-правовой основы правозащитной деятельности, который имел два параллельных и относительно самостоятельных направления: во-первых, создание институциональных механизмов защиты прав человека на международном уровне, включая создание международных судебных органов; во-вторых, расширение признания международных норм о защите прав человека властями национальных государств, включая практику применения международно-правовых норм внутригосударственными судебными органами. XX век ознаменовался созданием нормативной базы для образования универсального механизма правовой охраны и защиты прав человека. Именно таким образом формировался двуединый международно-национальный конгломерат норм и основанной на них правоприменительной практики по защите прав человека, который сегодня является общим для правозащитных систем большинства стран Запада.

При этом, как принято считать, наиболее впечатляющие результаты в сфере гармонизации национальных правозащитных систем были достигнуты на европейском континенте благодаря развивающейся в послевоенные годы системе «европейского права», всесторонне обеспеченной правоприменительными процедурами и институтами.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, вступившая в силу 3 сентября 1953 года, наиболее ценна именно тем, что не ограничилась не только общими декларациями о правах человека, но и

конкретными материально-правовыми нормами, а дополнила их хорошо продуманным процессуальным механизмом.

Первоначально Европейская конвенция не представляла собой всеобъемлющий свод норм о правах человека по типу Всеобщей декларации прав человека или международных пактов. По существу, это документ в первом своем варианте носил достаточно частный характер и был посвящен лишь некоторым отдельным правам человека, прежде всего так называемым «правам первого поколения», то есть личным и политическим правам.

Постепенно круг общественных отношений, регулируемых Конвенцией, расширялся при помощи института протоколов, равных Конвенции по юридической силе и фактически являющихся дополнениями к ней, которые предусмотрели ряд новых прав (например, право собственности, право на образование и др.). Кроме того, происходит фактическое изменение смысла положений Конвенции без внесения в них формальных поправок благодаря практике Европейского суда, который вкладывает в те или иные статьи Конвенции новый юридический смысл с учетом меняющихся обстоятельств (например, с точки зрения правоприменения особо значимыми являются выработанные Европейским судом концепции «справедливого судебного разбирательства» по ст. 6 Конвенции и «эффективного средства правовой защиты» по ст. 13 Конвенции).

В настоящее время структуру Конвенции о защите прав человека и основных свобод составляют три раздела, состоящие из 59 статей, и пять дополнительных протоколов (1, 4, 6, 7 и 11), представляющих собой составные части общего текста Конвенции. Основными правами, которые закреплены в этих документах, являются:

- право на жизнь (ст. 2);
- право на свободу и безопасность (ст. 5);
- право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6);

- право на назначение наказания только на основании закона (ст. 6 и 7);
- право на уважение частной и семейной жизни (ст. 8);
- право на эффективное средство правовой защиты (ст. 13);
- право на защиту собственности (ст. 1 Протокола № 1);
- право на апелляцию по уголовным делам (ст. 2 Протокола № 7);
- право на компенсацию в случае судебной ошибки (ст. 3 Протокола № 7);
- право не подвергаться суду или наказанию вторично (ст. 4 Протокола № 7).

Среди положений Конвенции представляется необходимым также отметить запрещение пыток (ст. 3), запрещение лишения свободы за долги (ст. 1 Протокола № 4), отмену смертной казни (ст. 1 Протокола № 6).

Вместе с меняющимся содержанием самих норм Конвенции происходит изменение и самой юрисдикции Европейского суда — в основном в сторону ее расширения, рассмотрения новых типов дел в целях усиления юридической защиты личности.

Изначально задачи по практическому внедрению европейских правозащитных стандартов были возложены на Европейскую комиссию по правам человека, Европейский суд по правам человека, Комитет министров Совета Европы. Однако с 1 ноября 1998 года Протокол № 11 объединил первые два из этих органов в постоянно действующий Европейский суд по правам человека со штаб-квартирой в Страсбурге (Франция).

Вступление России в Совет Европы 28 февраля 1996 года и ратификация 5 мая 1998 года Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод со всей определенностью означают полное признание европейской концепции защиты прав и свобод человека, включая всю сложившуюся практику европейского правосудия.

Из ст. 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод вытекает, что ее ратификация означает не только признание юрисдикции

европейских организаций, но и возложение государством на себя обязанности, во-первых, юридически закрепить соответствующие права в своем национальном законодательстве, а во-вторых, принимать все необходимые меры к обеспечению их фактической реализации, включая привлечение к ответственности за их нарушения.

Универсальность прав, предусмотренных Конвенцией, касается и их действия по кругу лиц: так, Д. Гомьен, Д. Харрис и Л. Зваак подчеркивают, что термин «каждый», используемый в ст. 1 Конвенции, говорит о необходимости защиты прав не только граждан государства, но и иностранцев, лиц, не имеющих гражданство, а также недееспособных лиц, например детей и инвалидов⁸³.

Ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предоставляет индивидам, неправительственным организациям или группам лиц обращаться в Европейский Суд по правам человека с жалобой на неисполнение национальными властями соответствующего государства своих обязательств, вытекающих из участия в Конвенции. М. Л. Энтин отмечает, что это право является сердцевиной системы, учрежденной Конвенцией, и сыграло в ее эволюции решающую роль⁸⁴.

По словам известного французского ученого К. Васака, Конвенция получила ценность фактически благодаря ее механизму, а не защищаемым ею правам. Впервые в человеческой истории появился международный механизм, функционирующий вне государства и выражающий общие ценности всего человечества⁸⁵.

---

⁸³ См.: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 32.

⁸⁴ См.: Энтин М. Л. Международные гарантии прав человека: Опыт Совета Европы. М., 1997. С. 6.

⁸⁵ См.: Vasak K. The Council of Europe // The International Dimensions of Human Rights. Paris, 1982. Vol. 2. P. 673.

Национальный уровень нормативного регулирования правоприменительной деятельности по защите прав и свобод человека возглавляется Конституцией Российской Федерации. Социальная значимость правоприменительных отношений, их полисубъектность, непосредственная связь с государственной властью, всепроникающий и универсальный характер — все это с необходимостью предопределяет их регулирование на конституционном уровне⁸⁶.

Статьи 2, 17 и 18 Конституции РФ защиту прав человека закрепляют в качестве основного приоритета правоприменительной деятельности. Практическое воплощение этой идеи до настоящего времени представляет определенную трудность как с точки зрения ее законодательного оформления и доктринального осмысления, так и в особенности для построения соответствующей правоприменительной практики.

Ст. 46 Конституции Российской Федерации предоставляет каждому право на судебную защиту своих прав и свобод. В соответствии с ч. 2. ст. 46, каждый имеет право обратиться в суд с обжалованием решения и действия (или бездействия) органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений, а также должностных лиц. Это право закреплено Федеральным законом «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»⁸⁷. В п. 1. ст. 27 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти

---

⁸⁶ См.: Абросимова Е. Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. М., 2002.

⁸⁷ См.: Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан: Федеральный закон от 27 апреля 1993 года № 4866-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 19. Ст. 685. (в ред. от 09.02.2009). СПС «Консультант Плюс».

субъектов Российской Федерации»⁸⁸ содержится право на обжалование в судебном порядке законов субъекта РФ, правовых актов законодательного (представительного) органа государственной власти, правовых актов органов исполнительной власти субъекта РФ и правовых актов их должностных лиц, которые нарушают права и свободы человека.

Таким образом, базовым нормативным основанием, определяющим правозащитную направленность правоприменения в современном демократическом государстве, в частности России, является предусмотренное международными и национальными актами право на защиту, составным и наиболее важным элементом которого выступает право на судебную защиту.

С нашей точки зрения, право граждан на судебную защиту относится к группе политических прав, что обусловлено характером и содержанием данного конституционного права, определяющего режим взаимодействия личности и государства путем закрепления и правового обеспечения возможности обращаться к суду как государственному органу за авторитетным решением по возникшему спору в связи с предполагаемым нарушением его прав (в этом смысле данное право близко по своему существу к таким правам, как конституционное право граждан на участие в управлении делами государства и право на обращение в государственные органы).

Право на судебную защиту в российском конституционном варианте самым прямым образом коррелирует с такими положениями европейского уровня, как право на справедливое судебное разбирательство и право на

---

⁸⁸ См.: Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005; 2000. № 31. Ст. 3205; 2001. № 7. Ст. 608; 2002. № 19. Ст. 1792; № 30. Ст. 3024; № 50. Ст. 4930; 2003. № 27 (Ч. 2). Ст. 2709. (в ред. от 04.11.2014, с изм. от 12.04.2002). СПС «Консультант Плюс».

эффективное средство правовой защиты, в связи с чем судебная защита прав граждан должна осуществляться в полном соответствии с данными стандартами, в том числе на основе складывающейся практики Европейского суда, причем не только по делам, участником которых была Россия, но и по всем делам, касающимся толкования и применения различных положений Конвенции.

Использование формулировки «каждый» при описании круга субъектов права на судебную защиту может пониматься как стремление предоставить ее максимально широкой категории лиц, включая не только физических, но и юридических. На основании ст. 15 Конституции РФ, право на судебную защиту является непосредственно действующим; Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» подтвердил обязанность судов обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина, в случае отсутствия конкретных материальных или процессуальных норм в российском законодательстве применяя положения Конституции РФ.

А. Я. Курбатов на основе анализа ряда постановлений и определений Конституционного суда РФ выделил следующие элементы развиваемой в его правовых позициях концепции универсальности судебной защиты прав человека:

1. В том случае, когда кто-либо считает свои права нарушенными, не имеет значения то, закреплено ли нормами процессуальными законодательства рассмотрение подобной жалобы — она в любом случае требует разрешения по существу в судебном порядке.

2. Разрешение вопроса о том, какими именно органами должно рассматриваться дело при отсутствии такой процессуальной регламентации, должно осуществляться с учетом характера нарушенных прав и содержания жалобы.

3. Объектом судебной защиты являются права, нарушенные не только органами законодательной или исполнительной, но и судебной власти.

4. Решения высших судебных органов, принятые в порядке обжалования, сами по себе не выведены из числа объектов судебного обжалования, которое может проводиться в порядке надзора⁸⁹.

В качестве конституционных элементов или гарантий права на судебную защиту можно рассматривать следующие конкретные права граждан:

— право на компенсацию причиненного ущерба, установленное ст. 52 Конституции РФ;

— право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти, которое гарантировано ст. 53 Конституции РФ;

— право на получение квалифицированной юридической помощи, узаконенное ст. 48 Конституции РФ;

— право на обжалование незаконных действий и решений государственных органов и должностных лиц, закрепленное в ч. 2 ст. 46 Конституции РФ.

Правовые позиции Европейского суда в отношении российской модели права на судебную защиту изложены, в частности, в Постановлении от 24 июля 2003 года «Дело Рябых против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99). Основные претензии, изложенные в этом постановлении, касаются такого элемента правоприменительного механизма, как пересмотр судебных решений. Европейский суд обращает особое внимание на принцип правовой определенности, который, помимо всего прочего, означает невозможность пересмотра принятого судом окончательного решения. Суд ссылается на правило «*res judicata*», то есть недопустимость повторного

---

⁸⁹ См. подробнее: Курбатов А. Я. Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России. М., 2013. С. 17—18.

рассмотрения дела, по которому уже принято решение. При этом институт пересмотра судебных решений должен использоваться не для изменения принятых решений по существу, а лишь для исправления судебных ошибок; отступления от этого правила возможны лишь по причинам непреодолимого характера⁹⁰.

При этом важно иметь в виду, что сам Европейский суд по правам человека не выполняет функции проверки решений национальных судов по типу новой судебной инстанции (Решение Европейского суда о приемлемости жалобы «Андерсон против Соединенного Королевства» № 44958/98, р. 8)⁹¹. Европейский суд осуществляет совершенно новое судопроизводство с иным предметом. Однако тот факт, что ответчиком в таких процессах неизменно выступают конкретные национальные государства, а поводом к жалобе являются проводимые национальными властями правоприменительные процедуры, с неизбежностью означает компенсаторный и коррекционный характер европейского правосудия по отношению к национальным правоприменительным практикам.

Для разграничения отечественной и европейской юрисдикции в сфере правоприменения имеет принципиальное значение Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 года № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда». Запрос был связан с тем, что военнослужащему Константину Маркину военные суды отказали в предоставлении отпуска по уходу за ребенком, сославшись на то, что подобное право законом предоставлено

---

⁹⁰ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 12.

⁹¹ См.: Решение Европейского Суда о приемлемости жалобы «Андерсон против Соединенного Королевства» № 44958/98, р. 8. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 22.05.2010).

только женщинам-военнослужащим. В марте 2012 года решением Европейского суда было констатировано, что в данном случае допущено нарушение статей 8 (право на частную жизнь) и 14 (запрет дискриминации) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Опираясь на решение Европейского суда, К. Маркин обратился за пересмотром своего дела. Президиум Ленинградского окружного военного суда обратился в Конституционный Суд Российской Федерации за проверкой конституционности соответствующих норм гражданского процессуального законодательства, которые объявляют постановления Европейского суда по правам человека основанием для пересмотра гражданского дела по новым обстоятельствам. Конституционный суд РФ счел, что поскольку Конституция Российской Федерации и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод строятся на одних и тех же ценностях, то вывод о нарушении Конвенции требует проверки конституционности нормы, затронутой постановлением ЕСПЧ. Такое решение может быть принято лишь Конституционным Судом Российской Федерации, но не судами общей юрисдикции⁹².

Достаточно интересным представляется комментарий Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина к этому случаю, когда Конституционный Суд выразил несогласие с позицией Европейского суда по правам человека. Так, в своем определении от 15 января 2009 года № 187-О-О по жалобе К. А. Маркина Конституционный Суд счел, что предоставление военнослужащим-женщинам права на отпуск по уходу за ребенком до того, как ему исполнится три года, в сочетании с отсутствием такого права у военнослужащих-мужчин не является нарушением принципа

---

⁹² По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президиума Ленинградского окружного военного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 года № 27-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

равенства перед законом и судом по признаку пола. Европейский суд полагает, что это решение лишено разумного основания. Как указывает В. Д. Зорькин, в действительности здесь речь идет не о том, что военнослужащие мужского пола дискриминируются по отношению к женщинам, а о том, что установлен общий запрет предоставления такого отпуска военнослужащим, причем для женщин сделано исключение в связи с необходимостью для новорожденного находиться рядом с матерью. При этом особенности правового статуса военнослужащих в целом обосновываются конституционно закрепленной возможностью ограничения прав человека в целях обеспечения обороны страны.

Общий вывод, сформулированный В. Д. Зорькиным, таков: *«Решения Европейского Суда должны исполняться безусловно — идет ли речь о выплате компенсации или о восстановлении нарушенного права заявителя в конкретном деле. Однако, как давно известно, при отсутствии явных механизмов *restitutio in integrum* в самой Конвенции выбор конкретных способов восстановления остается за государством-ответчиком под контролем действенности принятых мер со стороны Комитета министров Совета Европы. Собственно, это тоже одно из проявлений принципа субсидиарности деятельности Европейского Суда»⁹³.*

Одной из наиболее характерных черт законодательного регулирования правоприменительных отношений в сфере защиты прав человека является «двойной» характер этого регулирования, поскольку применение права представляет собой процесс, одновременно подчиняющийся как материально-правовым, так и процессуально-правовым нормам; как следствие, в правоприменении практически неразрывно сплетаются два типа правоотношений: материальные и процессуальные.

Так, активно применяемая Европейским судом конструкция «надлежащей» («должной») правовой процедуры объединяет совокупность

---

⁹³ Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 426.

юридических принципов и требований как процессуального, так и материально-правового характера⁹⁴.

Интенсивность процессуального регулирования прямо зависит от субъектного состава правоприменительной деятельности: максимально подробной является процессуальная регламентация правоприменения, осуществляемого судебными органами, а минимальной — в случае, когда оно производится органами исполнительной власти.

Вопрос о возможности существования материально-правовых или процессуальных отношений в сфере правоприменения в отдельности друг от друга, а также об их приоритетности или равноправии не получил в юридической литературе определенного решения.

Я. М. Брайнин вполне убедительно обосновывал идею о том, что процессуальное правоотношение является вторичным по отношению к материальному и следует за ним: «если встать на точку зрения, что в случаях неправильного применения уголовного закона уголовно-правовое отношение отсутствует, то надо признать, что не существует в таких случаях и уголовно-процессуального отношения, потому что, если уголовный закон применен неправильно, это значит, что и уголовно-процессуальный закон применен неверно: если лицо, невиновное в совершении инкриминируемого ему преступления, привлечено к уголовной ответственности по какой-либо статье Уголовного кодекса, то и постановление следователя о привлечении этого лица в качестве обвиняемого как уголовно-процессуальный акт незаконно. Следовательно, в этом случае отсутствует и уголовно-процессуальное отношение между лицом, незаконно привлеченным к ответственности, и органом государственной власти, осуществившим незаконное привлечение к уголовной ответственности»⁹⁵.

---

⁹⁴ См.: Султанов А. Р. Должная правовая процедура и правовые стандарты Европейского суда по правам человека // Евразийская адвокатура. 2013. № 1. С. 64.

⁹⁵ Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 97.

Необходимо отметить, что закрепленные Конвенцией гарантии справедливого судебного разбирательства носят главным образом именно процессуальный, а не материально-правовой характер; к ним относятся, в частности, гарантированность права на доступ к суду, возможность производить в суде допрос свидетелей или представлять иные доказательства, равноправие сторон в судебном разбирательстве, объективность и незаинтересованность судей и т. п.

Продолжает оставаться актуальным вопрос о возможности установления нормативных оснований правоприменительной деятельности иными, кроме международных договоров и нормативно-правовых актов, источниками права.

Важно учитывать и то обстоятельство, что Европейский суд по правам человека (постановления ЕСПЧ по делам «Коновалов против Российской Федерации», «Филатенко против Российской Федерации»), как указывает О. В. Макарова, ссылается на Постановления Пленума Верховного Суда РФ как на акты российского прецедентного права⁹⁶. Таким образом, по сути, происходит международное признание судебных актов в качестве источников права.

Дискуссия о судебном прецеденте как источнике российского права самым непосредственным образом имеет отношение к вопросу о нормативных основаниях правоприменения как правозащитного средства. Фактически, несмотря на некоторую неопределенность законодательства в данной области, прямой запрет на судебное правотворчество отсутствует, что на практике выливается в обширную правоисполнительную нормотворческую деятельность судебных органов различного уровня, по сути, равнозначную подзаконному правотворчеству. Основная часть такого рода нормативных правоположений выносится именно по вопросам,

---

⁹⁶ См.: Макарова О. В. Разъяснения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ как форма судебного надзора // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 75.

связанным с пробельностью положений о правах человека и гарантиях их защиты.

§ 3. Правозащитные принципы в правоприменении

Как особая форма (разновидность) юридически значимой деятельности, правоприменение опирается на систему базовых правовых идей, которые определяют его сущность и социальную направленность. Такие основополагающие (исходные, генеральные и пр.) идеи принято называть принципами права⁹⁷. По отношению к правоприменительной деятельности указанные принципы выступают в единстве трех сторон: требования, идеала и знания⁹⁸.

Принципы относятся к сфере должного и закрепляют объективно необходимые и субъективно осознанные варианты юридически необходимого поведения в тех или иных сферах регулируемых правом отношений. В этом своем качестве они выступают в виде законодательно закрепленных или логически выводимых руководящих требований правоприменительной деятельности. Следование принципам права выступает в качестве общей обязанности правоприменителя.

Принципы права вместе с тем выражают и закрепляют определенные идеалы соответствующей деятельности. Речь идет об идеалах законного, справедливого, гуманного и т. д. правоприменения. В действительности, конечно, указанные идеалы реализуются далеко не всегда, правоприменительная деятельность зачастую бывает и несправедливой, и негуманной и пр. Значение принципов, учитывая сказанное, состоит в том,

---

⁹⁷ См.: Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2010.

⁹⁸ См.: Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009. С. 56.

что они содержат в себе потенциал обновления и совершенствования правоприменения в направлении достижения его идеального образа.

Наконец, принципы представляют собой особую форму знания о закономерностях соответствующей деятельности. В них в концентрированном виде закреплено знание, в частности, об объективно необходимых и наиболее рациональных способах индивидуально-властного регулирования общественных отношений. Поэтому игнорирование принципов чревато не только дегуманизацией правоприменительной деятельности, но и ее неэффективностью.

В сфере правоприменения действуют и общеправовые, и межотраслевые, и отраслевые принципы права. При этом, на наш взгляд, учитывая, что Конституция Российской Федерации содержит в главе «Основы конституционного строя» нормативные положения о высшей ценности прав человека и обязанности государства их защищать (ст. 2), а в главе «Права и свободы человека и гражданина» — о том, что права человека определяют деятельность всех ветвей государственной власти, представляется уместным ставить вопрос о существовании такой группы (разновидности) принципов права, как «правозащитные принципы». Речь идет о группе принципов права различного уровня, посредством которых реализуется идея приоритета прав и свобод человека.

К числу общих принципов указанной группы, определяющих наиболее существенные требования и идеалы правоприменительной деятельности, можно отнести следующие: принцип правовой определенности; принцип пропорциональности; принцип разделения властей; принцип независимости суда; принцип социального государства.

Принцип правовой определенности. Основное содержание принципа правовой определенности состоит в том, что в рамках российской правовой системы права и обязанности субъектов права должны иметь максимально конкретное содержание и не допускать произвольного толкования, что могло бы противоречить принципу правового равенства.

Значение данного принципа в сфере правоприменения обусловлено тем, что права и обязанности граждан устанавливаются не только нормативными, но и индивидуальными правовыми актами, которые также должны подчиняться требованию правовой определенности.

Теоретическое объяснение принципа правовой определенности наиболее убедительно можно дать исходя из некоторых положений такого интенсивно развивающегося сегодня научного направления, как коммуникативная теория права. Собственно, ни в одной из основных теоретических концепций права не отрицается, что содержание любого юридического текста или правового предписания должно соответствовать требованиям ясности, конкретности и точности. Так, в рамках традиционного для советской юридической науки нормативного подхода к праву А. С. Пиголкин подчеркивал: «Неудачно или неточно употребленный в законе термин, неверный оборот, неправильно построенная или непонятная фраза, ошибочная пунктуация приводят к многочисленным запросам и спорам, волоките, к необходимости давать дополнительные разъяснения и самое главное — к извращению смысла закона и ошибкам в его применении... Чем яснее и доступнее текст нормативного акта, тем меньше затруднений он вызовет при применении правовых норм»⁹⁹. Точность, корректность и простота текста рассматривались им как условие полноты выражения воли законодателя¹⁰⁰.

Однако именно коммуникативная концепция права дает наиболее сильные теоретические аргументы в пользу принципа правовой определенности как в правоприменительном его аспекте, так и в правотворческом. Так, М. ван Хук описывает право как процесс и средство

---

⁹⁹ Пиголкин А. С. Язык советского закона и юридическая терминология // Правоведение. 1968. № 5. С. 46.

¹⁰⁰ См.: Шубенкова К. В. Теоретико-правовые концепции А. С. Пиголкина: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2013. С. 96—97.

человеческого взаимодействия, как диалектический обмен точками зрения; в рамках теории права нельзя больше ограничиваться описанием права как одностороннего процесса (от выборов — через законотворчество — к судебному правоприменению), а необходимо учитывать и вторую сторону этого процесса, ответную реакцию индивидов и групп¹⁰¹. Поэтому язык, по существу, является единственно возможной средой правового общения и способом передачи правовой информации, будучи интерактивным процессом социального конструирования¹⁰².

Положения коммуникативного подхода могут получить дальнейшее развитие в рамках «дискурсивной» теории права, которая в соответствии с идеями «дискурсивной этики» (К. Апель, Ю. Хабермас) могла бы, в частности, конкретизировать права участников социальной коммуникации: право участвовать в диалоге, их свободу, равенство и т. п.¹⁰³

С точки зрения коммуникативной концепции само право вовсе не сводится к каким-либо исходящим от государства или иных субъектов нормам, требованиям, предписаниям и т. п. Действительно, социальный эффект от такого рода явлений существенно зависит от общего контекста. Если норма не становится реально действующим фактором поведения, она с социальной точки зрения безразлична. Любой текст будет правовым не потому, что в нем разрешены или запрещены какие-то действия, и не потому, что он создан государством или иным субъектом власти, а лишь в силу того, что лица, воспринимающие и интерпретирующие этот текст, расценивают

---

¹⁰¹ См.: Хук М. ван. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 21—23.

¹⁰² См.: Там же. С. 175.

¹⁰³ См., например: Честнов И. Л. Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 38.

его именно как обязывающий, то есть легитимируют его, признавая как источник своих прав и обязанностей¹⁰⁴.

Одним из основных требований к текстуальной стороне правовой коммуникации является именно ее отчетливость и определенность, с тем чтобы все ее участники могли беспрепятственно считывать всю необходимую правовую информацию и чтобы диалог проходил без смысловых искажений, ставящих под угрозу права субъектов соответствующего взаимодействия.

Определенность в сфере правоприменительной деятельности по защите прав человека, как представляется, проявляет себя в двух основных смысловых формах:

— как требование ясности и однозначности содержания как нормативных, так и индивидуальных (правоприменительных) актов¹⁰⁵;

— как требование окончательности принимаемых правоприменителем решений и, как следствие, ограничение возможностей их пересмотра.

В первом значении правовая определенность производна, в частности, от такой правовой ценности, как равенство, поскольку наличие возможностей для разноречивого толкования тех или иных положений создает опасности для их произвольного применения, что, в свою очередь, означает риск неравноправия субъектов, оказавшихся в сходных ситуациях правоприменительной практики.

Во втором значении содержание принципа правовой определенности было раскрыто, в частности, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389

---

¹⁰⁴ См.: Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 35.

¹⁰⁵ См., например: Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 36—40.

Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ “Нижнекамскнефтехим” и “Хакасэнерго”, а также жалобами ряда граждан».

Конституционный Суд Российской Федерации указал, например, на то, что процессуальная проверка судебных решений с перспективой их пересмотра означает их неокончательный характер. Суд выделил основные условия, которым должны соответствовать процедуры пересмотра решений в порядке надзора: эффективность, экономию процессуальных средств, прозрачность правоприменения, справедливость судебного решения. Для этого необходимо, чтобы была исключена возможность как необоснованного затягивания судебного разбирательства, так и его неоправданного возобновления.

Правовая определенность требует признания законной силы судебных решений, а также их неопровержимости («res judicata»). Это не означает, что сам институт пересмотра решений препятствует правовой определенности. Система судебных инстанций является совершенно необходимым элементом правосудия, поскольку представляет собой средство дополнительного внутреннего контроля достоверности и справедливости принимаемых решений.

Однако такое социальное ценное значение судебного пересмотра может быть обеспечено лишь при помощи системы ограничительных мер. Так, необходимо регламентировать основания для изменения или отмены судебных решений, вступивших в законную силу. С точки зрения Конституционного Суда РФ, такие основания могут носить сугубо исключительный характер. Если решение суда вступило в законную силу, то оно должно подлежать отмене или изменению лишь в том случае, когда в судопроизводстве была допущена такая судебная ошибка, которая не только непосредственно повлияла на результат всего процесса, но и привела к

серьезному нарушению прав и свобод конкретного лица либо защищаемых законом публичных интересов.

Основания к изменению или отмене судебного решения, вступившего в силу, должны подчиняться принципу пропорциональности, то есть быть адекватными тем целям, которым они служат; при этом иная позиция высшей судебной инстанции относительно того, каким должно быть судебное решение, сама по себе не может являться причиной для отмены принятого решения.

Пересмотр решений суда по инициативе, исходящей от государственных должностных лиц, которые не являются участниками судопроизводства, неприемлем, поскольку, согласно п. 1 ст. 6 Конвенции, каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на разбирательство дела в суде.

Указанная проблема получила толкование и в Постановлении Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан». Сначала оно не было исполнено Верховным Судом РФ, что потребовало вынесения определения Конституционным Судом РФ от 11 ноября 2008 года № 556-О-Р о разъяснении указанного постановления.

Конституционный Суд РФ в Постановлении указал: «...из конституционных принципов состязательности и равноправия сторон и связанного с ними принципа диспозитивности следует, что процессуальные отношения в гражданском судопроизводстве возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе непосредственных участников спорного материального правоотношения, имеющих возможность с помощью суда распоряжаться своими процессуальными

правами, а также спорным материальным правом. При этом предполагается такое построение судопроизводства, при котором функция суда по разрешению дела отделена от функций спорящих перед судом сторон: осуществляя правоприменение как свою исключительную функцию (статья 118, часть 1, Конституции Российской Федерации), суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, и потому не может принимать на себя выполнение их процессуальных функций (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2002 года № 4-П по делу о проверке конституционности статьи 140 ГПК РСФСР и от 28 ноября 1996 года № 19-П по делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР, Определение от 13 июня 2002 года № 166-О). Такой подход нашел отражение и в носящих рекомендательный характер Процедурах эффективного осуществления основных принципов независимости судебных органов (приняты 24 мая 1989 года Экономическим и Социальным Советом ООН, резолюция 1989/60), согласно которым, в частности, ни от одного судьи нельзя требовать выполнения функций, не совместимых с его независимым статусом»¹⁰⁶.

Такая позиция распространяется на арбитражное судопроизводство, что нашло подтверждение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 января 2008 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положений статей 9 и 10 Федерального конституционного закона “Об арбитражных судах в Российской Федерации” и статей 181, 188, 195, 273, 290, 293 и 299 Арбитражного процессуального кодекса Российской

---

¹⁰⁶ См.: По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 932.

Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Себ русский лизинг”, общества с ограниченной ответственностью “Нефте-Стандарт” и общества с ограниченной ответственностью “Научно-производственное предприятие “Нефте-Стандарт”»¹⁰⁷.

Принцип пропорциональности. По своему происхождению и содержанию принцип пропорциональности восходит к идее справедливости как одной из наиболее глубоких и древнейших для правовой традиции. Формами ее проявления в разные периоды были правило талиона как требование соразмерности наказания и преступления, золотое правило нравственности «не делай другому того, что бы ты не хотел, чтобы было причинено тебе», категорический императив И. Канта и т. п.¹⁰⁸

«Принудительный закон, — по словам И. Г. Фихте, — должен действовать так, чтобы из каждого нарушения права для нарушителя неотвратимо и с механической необходимостью так, чтобы он мог с полной уверенностью предвидеть это, неотвратимо происходило такое же нарушение его собственного права»¹⁰⁹.

В современном российском законодательстве принцип пропорциональности, равно как и принцип справедливости, не закреплен на общеправовом уровне. Из всех отраслей права принцип справедливости прямо фигурирует лишь в уголовном законодательстве, причем в редакции, соответствующей идее пропорциональности: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать

---

¹⁰⁷ См.: Российская газета. 2008. 26 янв. № 4573.

¹⁰⁸ См.: Варламова Н. В. Принцип пропорциональности как основа осуществления публично-властных полномочий // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева / отв. ред. А. М. Ширвиндт. М., 2014. С. 4—5.

¹⁰⁹ Фихте И. Г. *Основа естественного права согласно принципам наукоучения*. М., 2014. С. 130.

характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» (ст. 6 УК РФ).

В уголовно-процессуальном законодательстве справедливость или пропорциональность в качестве общих принципов отсутствуют. В то же время справедливость указана в УПК РФ в качестве одного из требований к приговору суда, наряду с законностью и обоснованностью. Впрочем, понятие справедливости здесь не раскрыто и, по существу, отождествлено с законностью: «Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона» (ч. 2 ст. 297 УПК РФ).

В то же время неверно было бы утверждать, что принцип пропорциональности в правоприменении отсутствует или что он имеет узкую сферу применения — лишь в уголовно-правовых отношениях. В действительности принцип пропорциональности является общим началом правоприменения в России на основании наднациональных (международно-правовых) установлений.

В рамках европейского права, в соответствии с практикой Европейского суда по правам человека, пропорциональность рассматривается как принцип, регулирующий ограничения прав человека. Поскольку те или иные формы и способы ограничения прав человека характерны практически для всех сфер правоприменительной деятельности, пропорциональность можно считать принципом правоприменения.

Как указывает, в частности, Н. В. Варламова, принцип пропорциональности включает в себя четыре основных требования, предъявляемых к мерам, которые принимаются органами публичной власти и содержат в себе ограничение какого-либо права: 1) наличие легитимной цели; 2) соответствие этой меры поставленной цели; 3) необходимость меры, то есть способствование достижению цели с наименьшим ограничением

прав; 4) соразмерность, то есть наличие справедливого баланса между важностью преследуемой цели и тяжестью вводимых правоограничений¹¹⁰.

Принцип разделения властей. Всякая власть всегда стремится к расширению своих властных полномочий, властного пространства, стремится распространить свое влияние на более широкий круг субъектов и отношений. Это неизбежно ведет к ущемлению свободы и интересов подвластных¹¹¹. Для того, чтобы избежать узурпации власти, злоупотребления властью, была разработана идея об организации государственной власти на основе принципа разделения властей. При этом существование в государстве независимой судебной власти, осуществляющей контроль за остальными двумя ветвями власти, в первую очередь за исполнительной властью, является средством обеспечения верховенства законов, прав и свобод личности.

Принцип разделения властей определяет прежде всего взаимодействие различных субъектов правоприменительной деятельности. В концепции Дж. Локка, ставшего создателем первичного варианта теории разделения властей, государственная власть, как известно, делится на законодательную, исполнительную и федеративную¹¹². Локк не выделял судебную власть в качестве самостоятельной, но рассматривал «судебные учреждения» наряду с «общим установленным законом» в качестве главного признака политического (гражданского) общества. По его мнению, политическое общество возникает там, где происходит отказ от «частного суда» и «общество становится третейским судьей, устанавливая постоянные правила, беспристрастные и одни и те же для всех сторон, и с помощью людей, получивших от общества полномочия проводить в жизнь эти правила,

---

¹¹⁰ См.: Варламова Н. В. Принцип пропорциональности как основа осуществления публично-властных полномочий // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева / отв. ред. А. М. Ширвиндт. М., 2014. С. 9.

¹¹¹ См.: Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 2000. С. 148.

¹¹² Там же. С. 346—349.

разрешает все разногласия, которые могут возникнуть между любыми членами этого общества...»¹¹³.

В труде «О духе законов» Ш. Л. Монтескье выделяет не «ветви», а «роды» власти, которые считает универсальными для любого государства. Судебная власть, по его мнению, то же, что исполнительная власть по предметам, относящимся к области гражданского права. В силу судебной власти государь или правитель карает преступления и разрешает столкновения частных лиц. Необходимость отдельного существования судебной власти обусловлена тем, что в случае ее соединения с законодательной властью жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем; в случае же соединения с исполнительной властью судья получает возможность стать угнетателем¹¹⁴.

Помимо общей идеи о необходимости строгого отделения судебной власти от двух остальных, Монтескье формулирует еще целый ряд положений относительно надлежащего устройства судебной власти в целях обеспечения политической свободы в государстве. Так, он полагает, что судебную власть должен осуществлять не какой-либо постоянно действующий орган, а народные представители, имеющие ограниченный срок полномочий. Это, по мнению Монтескье, позволит придать судебной власти не персональный, а обезличенный характер: «судебная власть, столь страшная людям, не будучи связана ни с известным положением, ни с известной профессией, становится, так сказать, невидимой и как бы несуществующей. Люди не имеют постоянно перед глазами судей и страшатся уже не судьи, а суда»¹¹⁵.

К числу других идей Ш. Л. Монтескье, касающихся организации судебной власти, относятся следующие:

---

¹¹³ Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения. Т. 3. М., 1988. С. 311.

¹¹⁴ См.: Монтескье Ш. Л. О духе законов. СПб., 1900. С. 156.

¹¹⁵ Там же. С. 158.

— необходимость предоставления лицу, находящемуся под судом, возможности влиять на состав судей путем их избрания или отвода;

— неизменность судебных приговоров и минимизация судебного усмотрения;

— «суд равных» (право каждого быть судимым лицами, равными ему по общественному положению)¹¹⁶.

По мнению В. Д. Зорькина, в современной России доктрина разделения властей, содержание которой в значительной мере задано правовыми позициями Конституционного Суда РФ, складывается из четырех основных идей: 1) установление системы юридических гарантий, исключающих возможность концентрации власти у какого-либо одного государственного органа и одновременно обеспечивающих их взаимодействие; 2) невозможность подчинения органов одной ветви власти органам другой ветви, а также совмещения функций разных ветвей власти у одного органа; 3) недопущение конфликтности и противостояния в отношениях между различными ветвями власти; 4) распространение принципа разделения властей в системе федеративного устройства не только на федеральном, но и на региональном уровне¹¹⁷.

Вместе с тем авторы аналитического доклада «Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст» приходят к выводу: «Принцип разделения властей, формально не ставящийся под сомнение, оказывается деформированным через избирательное законодательство, систему разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, практику согласования проектов федеральных законов по предметам совместного ведения с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, порядок формирования Совета Федерации Федерального

---

¹¹⁶ См.: Там же. С. 158.

¹¹⁷ См.: Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 142—143.

Собрания и органов власти субъектов Федерации, решения Конституционного Суда Российской Федерации, деятельность государства в бюджетной и налоговой сферах в контексте федеративных отношений, управление собственностью, находящейся на территориях субъектов Федерации»¹¹⁸.

Взаимодействие судебной и законодательной власти при следовании принципу разделения властей характеризуется, тем не менее, известным доминированием законодательной власти, поскольку законодательные акты являются безусловно обязательными для суда. Эта ситуация до некоторой степени корректируется такими инструментами, как возможность проверки законов Конституционным Судом РФ, а также правом законодательной инициативы судебных органов. В целом следует констатировать, что модель согласованного взаимодействия судебной и законодательной власти по вопросам защиты прав человека в России не сформирована.

Принцип независимости суда. Одной из наиболее значимых и характерных особенностей суда как одного из ведущих субъектов правоприменения и правозащитной деятельности является его независимость. Принцип независимости характерен для судебной власти вдвойне: во-первых, она самостоятельна наравне с другим ветвями власти — в соответствии со ст. 10 Конституции РФ; во-вторых, каждый отдельный носитель судебной власти — судья — является независимым и подчиняется только закону (ч. 1 ст. 120 Конституции). Таким образом, имеют место два уровня независимости судебной власти — общая и специальная. Общая независимость судебной власти (или ее внешний аспект) вытекает из принципа разделения властей и означает прежде всего невозможность вмешательства одной ветви власти в деятельность других (что не исключает взаимодействия и даже взаимовлияния между ними на законных

---

¹¹⁸ Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст: аналитический доклад / отв. ред. А. Н. Медушевский. М., 2014. С. 51—52.

основаниях). Специальная независимость (или ее внутренний аспект) характеризует внутреннее устройство судебной системы, в рамках которой отсутствует административное подчинение и каждый судья принимает решения самостоятельно, руководствуясь исключительно законом.

В литературе встречаются позиции, отражающие стремление исследователей усилить независимость суда в идеологическом отношении путем придания ему промежуточного положения между органами государства и институтами гражданского общества. Такую идею высказывает, в частности, В. В. Лазарев: «Судебная власть признается одной из ветвей государственной власти, и суд в этой ипостаси несомненно является государственным органом. Однако в противостоянии личности и государства, объединений граждан и государства суд, руководствуясь нормами Конституции о высшей ценности прав и свобод человека, непосредственном их действии, об обеспечении их правосудием и о самостоятельности органов судебной власти по отношению к другим органам государства, оказывается в положении представителя гражданского общества»¹¹⁹.

Значение принципа независимости суда, помимо прочего, тесно связано с осуществлением таких фундаментальных для правоприменения идей, как равенство и объективность (беспристрастность). В. А. Лазарева верно отмечает в отношении данного принципа: «Только независимость суда создает сторонам действительно одинаковые условия для исполнения своих профессиональных обязанностей, включая механизмы компенсации их фактического и процессуального неравенства в досудебном производстве. Только независимость суда, как видим, является гарантией состязательности уголовного судопроизводства. Она заставляет органы уголовного преследования выяснять и учитывать мнение защиты по всем вопросам,

---

¹¹⁹ Лазарев В. В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 21.

которые могут вызвать в суде разногласие, заботиться о тщательном соблюдении прав обвиняемого, о полноте и всесторонности исследования, о качестве обвинительных доказательств, поскольку независимый суд не позволит себе закрыть глаза даже на незначительные огрехи расследования»¹²⁰.

Независимость суда, впрочем, не может и не должна трактоваться как его полная бесконтрольность и изоляция от общества. В таком случае суд не мог бы выполнять свои социальные функции. Тот факт, что основная миссия суда заключается в защите прав и свобод человека, сам по себе означает, что юридическая независимость суда сочетается с его социальной ответственностью. Следует в этой связи обратить внимание на конструкцию принципа независимости суда, которая содержит существенную оговорку: судья подчиняется только закону. Эта формулировка, кстати, должна интерпретироваться расширительно, включая нормы не только закона, но и международного права и других признанных в России официальных источников права. Таким образом, независимость суда обусловлена его зависимостью от требований закона. В частности, независимость суда корректируется такими нормативными положениями, как принцип гласности судебного разбирательства, принцип обязательности судебных постановлений, система обжалования судебных решений и др.

Принцип социального государства. Согласно ст. 7 Конституции РФ, Российская Федерация является социальным государством, его политика направлена на создание условий, которые обеспечивают достойную жизнь и свободное развитие человека. Данный принцип имеет важное ориентирующее значение во всей системе российского законодательства, поскольку определяет одну из целевых подсистем правового регулирования; цель построения социального государства не является, конечно,

---

¹²⁰ Лазарева В. А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу. М., 2010. С. 68.

единственной или даже главенствующей в российской правовой системе, однако ее общественная и юридическая значимость подкрепляется как ее конституционным закреплением, так и большим числом конкретных нормативных предписаний в различных отраслях права.

В сфере правоприменения основной формой осуществления принципа социального государства выступает предоставление надлежащей правовой защиты социально-экономическим правам и свободам человека.

В настоящее время практически общепризнано, что появление в конституциях западных стран и в актах международного права такой группы прав человека, как социально-экономические, связано с влиянием социалистических стран, прежде всего СССР, где эти права имели приоритетное значение. Возникнув как «права трудящихся», притом, что так называемые «эксплуататоры» ими не наделялись, эти права впоследствии, соединившись с принципами равенства, стали распространяться на всех членов общества¹²¹.

Социально-экономические права и свободы обычно относят к правам «второго поколения», а это означает, что они не имеют такой давней традиции правового закрепления, в том числе и на уровне судебной защиты, как классические личные и политические права. Сама возможность защиты экономических, социальных и культурных прав человека в судебном порядке длительное время являлась предметом дискуссий.

В рамках либеральных теорий права, как известно, зачастую вообще отрицается, что социально-экономические права человека носят собственно юридический характер: «государство в осуществлении своих социально-экономических задач не связано правом и действует вопреки праву; здесь законодатель и правительство руководствуются соображениями социальной солидарности, эгалитаризма, гуманизма, целесообразности, фактических

---

¹²¹ См., например: Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М., 2007. С. 166—167.

возможностей и потребностей экономики. В этом смысле социальное законодательство — гуманное, моральное и т. п. — является произвольным»¹²².

В англосаксонской системе права, как отмечают Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин, многие из так называемых социально-экономических прав не считаются правами в собственном смысле слова и, соответственно, не получают судебной защиты; им приписывается не юридический, а моральный характер; при этом в суде могут защищаться некоторые права, производные от них (например, защищается не конституционное право на труд, но право на вознаграждение за труд)¹²³.

Однако в целом в современных правовых системах социально-экономические права уже получили всестороннее признание, обеспечены многими гарантиями и их статус не ставится под сомнение, что требует и адекватного процессуального подкрепления на уровне правоприменения.

Основной проблемой правоприменения в сфере социального государства и, соответственно, социально-экономических прав является то, что данные права чаще всего имеют материальное содержание, сопряженное с государственными расходами и, следовательно, требующее бюджетного финансирования. Очень часто причиной нарушения этих прав является отсутствие денежных средств, и эта проблема, разумеется, не может получить надлежащего решения при помощи правоприменения.

Вместе с тем правовые позиции российских судов в этом отношении вполне определены: отсутствие или нехватка бюджетных средств не являются юридически достаточным основанием для ограничения социально-экономических прав граждан.

---

¹²² Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства: учеб. пособие. М., 2003. С. 205.

¹²³ См.: Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М., 2007. С. 167.

Примером может служить Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 года № 9-П, принятое в связи с проверкой законов о федеральном бюджете на 2002, 2003 и 2004 годы, которыми предусматривалось приостановление права граждан, уволенных с военной службы и не обеспеченных жильем, на получение ежемесячной целевой компенсации за наем жилья, в соответствии с абз. 2 п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Решение Конституционного Суда состояло в том, что подобное приостановление не соответствует Конституции Российской Федерации, поскольку такой отказ государства от фактической реализации субъективного права граждан возможен лишь при условии, что будет предоставлена аналогичная по объему компенсация, иначе нарушается принцип соразмерности¹²⁴.

В. Д. Зорькин отмечает, что около трети рассматриваемых Конституционным Судом Российской Федерации жалоб граждан касаются вопросов социальной справедливости. При этом Председатель Конституционного Суда РФ подчеркивает, что во всех рассмотренных случаях суд исходил из общего принципа: отмена ранее введенных законом мер социального обеспечения в виде льгот и компенсаций является неконституционной¹²⁵.

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам отмечает, что судебная защита и обеспечение в судебном порядке может прямо распространяться на ряд статей соответствующего Пакта, включая положения, касающиеся недискриминации (статья 2.2), равенства прав

---

¹²⁴ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 года № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А. В. Жмаковского» // Сборник законодательства Российской Федерации. 2004. № 19 (часть II). Ст. 1923.

¹²⁵ Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. С. 336.

мужчин и женщин (статья 3), равной оплаты (статья 7 а) 1)), профсоюзов (статья 8), экономической и социальной эксплуатации детей и молодежи (статья 10.3), бесплатного и обязательного начального образования (статья 13.2), религиозных и частных учебных заведений (статьи 13.3 и 4), а также свободы научных исследований и творческой деятельности (статья 15.3).

§ 4. Эффективность правоприменительной деятельности по защите прав человека

Правозащитная деятельность государственных, в том числе правоприменительных, органов в современной России сопряжена с множеством серьезных проблем. Пожалуй, наиболее полно они могут быть описаны при помощи формулировки «эффективность средств правовой защиты».

Проводимые социологические исследования показывают, что не более трети населения нашей страны считает, что права человека в России эффективно защищаются государством. В частности, в литературе приводятся следующие обобщенные среднестатистические индексы эффективности защиты государством прав и свобод граждан: личные права и свободы граждан (38 % — эффективно защищены государством, 35 % — не защищены, 27 % — затруднились оценить); социальные, экономические и культурные права и свободы граждан (31 % — эффективно защищены государством, 35 % — не защищены, 34 % — затруднились оценить); политические права и свободы граждан (30 % — эффективно защищены государством, 44 % — не защищены, 26 % — затруднились оценить)¹²⁶.

---

¹²⁶ См.: Ишеков К. А. Реализация конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти: конституционно-правовое исследование. Саратов, 2013. С. 53.

Проблемы эффективности правового регулирования в течение многих лет были предметом исследования в советской и постсоветской юридической науке. Был выработан определенный доктринальный подход к пониманию эффективности права в целом, а также отдельных элементов правовой системы, включая правоприменительную деятельность¹²⁷.

Термин «эффективный» буквально означает «действенный, дающий определенный эффект»¹²⁸. Правоприменение представляет ценность не само по себе, а в контексте тех социальных результатов (эффектов), которые оно призвано вызывать и фактически вызывает в системе правового регулирования общественных отношений. При этом эффективность правоприменения, как и эффективность права в целом, неизменно ассоциируется с определенными позитивными изменениями, с достижением социально-полезных целей. Противоположный эффект свидетельствует о дефектности и, соответственно, неэффективности соответствующей деятельности. Следовательно, в самом общем виде эффективной является такая правоприменительная деятельность, которая позволяет достигать намеченных социально-полезных результатов с наименьшими издержками.

В контексте изложенного подхода одной из ключевых является проблема определения объективных критериев, а также средств, способов, условий обеспечения эффективной правоприменительной деятельности. Как отметил, в частности, В. В. Лазарев, «возникает необходимость различать осознаваемую людьми объективную возможность, способность правоприменительных актов содействовать достижению определенной цели, а также то, какие социальные силы заинтересованы в данной категории актов, каким интересам и потребностям они удовлетворяют (качество

---

¹²⁷ См.: Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов (Вопросы теории). Казань, 1975. С. 53; Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979; Правоприменение в Советском государстве. М., 1985.

¹²⁸ См.: Словарь иностранных слов. 9-е изд., испр. М., 1982. С. 595.

социальной ценности) и, с другой стороны, каков эффект или результат действия конкретных актов»¹²⁹.

Анализ научной литературы показывает, что проблема эффективности правоприменения в отечественной литературе поднимается в двух ракурсах: абстрактно-теоретическом и содержательно-практическом.

В первом случае в поле зрения авторов находятся теоретико-методологические проблемы эффективности в их преломлении к праву и правоприменительной деятельности. Мы условно называем этот подход абстрактно-теоретическим в том смысле, что он, отвлекаясь от содержательного анализа целей правоприменительной деятельности, вырабатывает наиболее общие подходы в области определения ее эффективности. В рамках такого подхода эффективность правоприменительных актов определяется, например, «как соотношение между результатами индивидуального регулирования и целью правовой нормы, при котором в акте индивидуального регулирования (правоприменительном акте) использованы в рамках закона определенные возможности для усмотрения правоприменителя, восполнены пробелы в законе, устранены другие его дефекты»¹³⁰.

Содержательно-практический подход, напротив, в большей мере сориентирован на выявление конкретных показателей эффективности правоприменительной (и любой другой) деятельности. В качестве них могут выступать, например, такие критерии, как состояние законности и правопорядка, степень удовлетворения прав личности и др. Речь здесь идет не просто о соответствии правоприменения целям правового регулирования, а о вполне конкретных правовых результатах правоприменительной деятельности. Так, по мнению, в частности, Е. П. Шикина, «общим мерилom эффективности правоприменения во всех его видах является то, насколько

---

¹²⁹ Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов... С. 53.

¹³⁰ Правоприменение в Советском государстве. М., 1985. С. 91.

полно и реально пользуются граждане и их объединения, а также все другие субъекты правами, предусмотренными законом, но предоставляемыми или обеспечиваемыми правоприменительными органами; насколько точно исполняют они возложенные на них обязанности»¹³¹. Указанный подход в современной литературе развивают представители либертарно-юридического правопонимания, связывая проблему эффективности правового регулирования с обеспечением свободы человека. «С либертарно-юридических позиций правовое регулирование эффективно, если посредством него удастся достичь максимально возможной в данных социальных условиях меры свободы человека, то есть наиболее прочных гарантий его свободы, безопасности и собственности при минимальных ограничениях прав и свобод»¹³².

На наш взгляд, указанные подходы (абстрактно-теоретический и содержательно-практический) было бы неправильно противопоставлять в качестве взаимоисключающих. Речь, по сути дела, идет о разных уровнях теоретического осмысления проблемы правовой эффективности. Абстрактно-теоретический подход неизменно требует соответствующего содержательного наполнения, а практический, в свою очередь, теоретико-методологического обоснования. Поэтому в действительности они дополняют друг друга.

Определенного прояснения требуют и такие термины, как «критерии» и «условия» эффективности правоприменительной деятельности. В литературе они не всегда корректно разграничиваются, что ведет к необоснованному смешению качественно разных явлений в сфере обеспечения и определения эффективности правоприменения.

---

¹³¹ Цит. по: Правоприменение в Советском государстве. М., 1985. С. 92.

¹³² Варламова Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб., 2010. С. 133—134.

Заслуживает внимания, в частности, позиция Е. П. Рысиной, которая полагает, что эффективность — это такое свойство, которое как лежит внутри явления, так и зависит от внешних факторов. Соответственно, критерии, описывая должное состояние объекта, находятся внутри него, условия же выступают в качестве внешнего фактора¹³³.

На наш взгляд, изложенный подход нуждается в дальнейшем развитии и уточнении. Одним из направлений такого развития может служить соотношение *субъективного и объективного в правовой сфере*.

Критерии — это показатели, которые всегда кем-то вырабатываются и устанавливаются. Конечно, выработка критериев эффективности той или иной деятельности не является абсолютно произвольной. В конечном счете критерии должны иметь значение научно обоснованных, следовательно, объективно-обусловленных факторов. Тем не менее сказанное не отменяет того факта, что критерии устанавливаются субъектами правовой деятельности. Они зависят от господствующих нравственных установок общества, ценностных доминант политической власти и других субъективных факторов.

В отличие от критериев, условия объективны по своему происхождению и действию. Они «говорят» о том, что фактически имеется в экономической, политической, духовной и других сферах общественной жизни. Критериями можно манипулировать, условиями — нельзя.

С учетом указанных различий хотелось обратить особое внимание на те критерии эффективности правоприменительной (прежде всего, судебной) деятельности, которые отражают современный уровень правового развития демократических государств. Для нашей страны предлагаемая конструкция имеет непосредственное практическое значение, поскольку был принят Федеральный закон от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации

---

¹³³ См.: Рысина Е. П. Эффективность российской правовой политики: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2013. С. 24.

Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»¹³⁴.

Статья 13 Европейской конвенции закрепляет право каждого лица, чьи права нарушены, «на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве». Это положение выступает не только в качестве общей декларации, но и в качестве конкретного критерия, который использует в своей практике Европейский суд по правам человека для оценки того, предоставляют ли соответствующую защиту национальные судебные органы.

Эффективность средств правовой защиты Европейским судом рассматривается не просто как обобщенная характеристика правоприменения, но как набор вполне определенных и поддающихся более или менее точному выявлению свойств судебной процедуры в ее нормативном и фактическом состоянии.

Одним из ведущих критериев эффективности защиты прав человека является, в частности, ее *доступность*. Иначе говоря, правоприменительные процедуры должны предоставлять всем лицам, чьи права подвергаются реальным или предполагаемым нарушениям, максимально широкие возможности для обращения за помощью. Так, из п. 95 Постановления Европейского суда по делу «Аксой против Турции» от 18 декабря 1996 года следует, что средство правовой защиты не является эффективным в том случае, если возможность его использования неоправданно затруднена какими-либо действиями или бездействиями властей государства. Эта формулировка порождает очевидную проблему, связанную с выражением «неоправданно». Толкование этого положения требует, по всей видимости,

---

¹³⁴ О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: Федеральный закон от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

отграничить разумные процедурные требования, необходимые для организации правоприменения, от излишних и искусственных ограничений, призванных сузить поле защиты для определенных лиц или по отдельным категориям дел.

Как подчеркивает один из специалистов по практике Европейского суда Д. Холлинер, критерием эффективности средства правовой защиты в смысле Европейской конвенции является возможность для заявителя прибегнуть к этому средству независимо от усмотрения другого лица¹³⁵. Иначе говоря, доступ к правоприменению не должен быть обусловлен посредничеством каких-либо иных органов или должностных лиц, что не исключает, разумеется, их дальнейшего участия в судопроизводстве.

Еще один критерий эффективности правоприменения — это его *своевременность*. Вводя это требование, Европейский суд исходит из социальной функции правоприменения как формы обеспечения социально значимых индивидуальных и коллективных интересов. Поскольку любой интерес определяется условиями места и времени, защита этих интересов также не может абстрагироваться от этих факторов. В частности, следует учитывать, что все общественные отношения разворачиваются, как правило, в течение ограниченного временного промежутка и судебная защита такого интереса, который возник и существовал в рамках одного из этих отношений, становится неактуальной после того, как соответствующее отношение прекращается. Именно этим вызвана необходимость не только установления сроков производства по делу, но и оценки длительности этих сроков с точки зрения эффективности.

В практике Европейского суда по правам человека этот критерий известен в самых различных формулировках: от радикального требования,

---

¹³⁵ См.: Холлинер Д. Ведение дел в российских судах в расчете на разбирательство в Страсбурге // Обращение в Европейский Суд по правам человека / под общ. ред. Ф. Лича. М., 2006. С. 2.

чтобы разбирательство было «незамедлительным» (Постановление по делу «Аксой против Турции» от 18 декабря 1996 года) до более умеренного варианта: следует обеспечить ускорение разбирательства и не допускать его чрезмерной продолжительности (Постановление по делу «Вассерман против Российской Федерации» (№ 2) от 10 апреля 2008 года).

Конституция Российской Федерации не содержит прямого упоминания о разумной продолжительности правоприменения как неотъемлемой составляющей права на судебную защиту. При этом, однако, нельзя забывать о том, что рассмотрение дел в разумно-достаточные сроки является международным обязательством нашей страны, взятым в момент ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ставшей тем самым частью российской правовой системы. Исполнение этого обязательства важно еще и потому, что внушительная доля жалоб российских граждан на нарушение права на справедливое судебное разбирательство удовлетворяется Европейским Судом по правам человека именно по причине превышения его разумных сроков.

В целях исполнения рекомендаций Европейского суда Государственная дума Российской Федерации 21 апреля 2010 года приняла Федеральный закон № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права исполнения судебного акта в разумный срок» и Федеральный закон № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”». Принятие указанного законодательства, несмотря на некоторые недостатки, имеет, без сомнения, прогрессивное значение¹³⁶.

---

¹³⁶ См.: Кирчак А. П. К законопроекту Верховного суда Российской Федерации о вознаграждении за медленное судопроизводство // Российский судья. 2009. № 11. С. 48.

Еще одной важнейшей составляющей эффективного средства правовой защиты является такое требование к правоприменителю, как *беспристрастность*. Это качество означает прежде всего отсутствие личной заинтересованности в каком-либо конкретном исходе рассматриваемого дела, вынесение решения исключительно на основании исследования доказательств в рамках соответствующей процедуры; равное отношение к сторонам спора, демонстрируемое как в содержании принимаемого решения, так и в текущем взаимодействии с участниками процесса¹³⁷.

Еще одним критерием эффективности средства правовой защиты является его *способность к реальному восстановлению прав заявителя* или, когда это невозможно, к компенсации причиненного вреда. В этой связи реальной проблемой становится механизм исполнения правоприменительных актов, поскольку даже при формально вынесенном решении, восстанавливающим нарушенные права, но в отсутствие его исполнения, фактически восстановления не происходит.

В отечественной теории права существует мнение, что исполнение правоприменительного акта в состав самой правоприменительной деятельности не входит. Такую позицию занимает, в частности, Н. Н. Вопленко: «реализация принятого решения, при всей несомненной и исключительной важности, выходит за пределы проблемы применения права. Она, как правило, протекает в новых исполнительно-распорядительных отношениях, может осуществляться иными субъектами и в иных процедурных формах. Исполнение принятого решения, на наш взгляд, выступает составной частью правоохранительной, а не правоприменительной деятельности»¹³⁸.

---

¹³⁷ См., например: Барбакадзе Е. Т. Гарантии объективного и справедливого судебного разбирательства гражданских дел в судах общей юрисдикции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2014. С. 66—68.

¹³⁸ Вопленко Н. Н. Реализация права. Волгоград, 2001. С. 35.

Основания для иной точки зрения дает практика внедрения в российскую правовую систему европейских стандартов. Согласно авторитетному экспертному мнению А. И. Ковлера, в течение долгого времени бывшего судьей Европейского суда по правам человека от Российской Федерации, наиболее острой проблемой и, соответственно, наиболее частым поводом обращения российских граждан в Европейский суд является именно неисполнение судебных решений, причем чаще всего в части присужденных денежных выплат. Как отмечал А. И. Ковлер, динамика изменения числа заявлений по данному поводу свидетельствует о том, что в отношении исполнения судебных решений эффективный механизм защиты прав в России не создан¹³⁹.

Аналогично отмечает А. А. Иванов: неисполнение судебных решений является одним из самых распространенных предметов постановлений Европейского суда по правам человека, принятых против Российской Федерации (наряду с другой часто встречающейся проблемой — несвоевременным рассмотрением гражданских дел)¹⁴⁰.

При этом, как подчеркивает А. И. Ковлер, следует различать два аспекта реализации соответствующих решений Европейского суда: Россия проявляет достаточную дисциплинированность в отношении исполнения индивидуальных решений, предусматривающих компенсационные выплаты конкретным гражданам, однако решения институционального характера, направленные на устранение принципиальных проблем структурного значения, принимаются медленно и не всегда эффективны¹⁴¹.

---

¹³⁹ См. Ковлер А. И. Надзорная инстанция в системе гражданского судопроизводства в России: взгляд из Страсбурга // Закон. 2009. № 5. С. 128.

¹⁴⁰ См. Иванов А. А. Влияние Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на развитие правовых систем европейских стран // Права человека: практика Европейского суда по правам человека. 2006. № 9. С. 65.

¹⁴¹ См.: Ковлер А. И. Указ. соч. С. 128.

Так, одной из причин такого неисполнения судебных решений становилось наличие специального порядка взыскания денежных средств с казны Российской Федерации.

Соответствующие положения Правил исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти, стали предметом проверки Конституционного Суда РФ.

Указанные Правила предусматривали, в частности, что при исполнении судебных решений, принятых по искам к государственным органам, не применяется принудительный порядок, закрепленный законодательством об исполнительном производстве; у судебных приставов отсутствуют необходимые полномочия по контролю за ведением исполнительного производства; недостаточны гарантии выплат при нехватке средств и т. п.

Постановлением Конституционного суда РФ от 14 июля 2009 года было признано, что тем самым нарушался ряд конституционных положений: принцип разделения властей, принцип равенства всех перед законом и судом, право на судебную защиту. Требуя от взыскателя направлять в Министерство финансов Российской Федерации заверенную копию судебного решения, Правительство РФ превысило свои полномочия, поскольку ввело формальные основания для невыплаты присужденной суммы; кроме того, отсутствовал механизм ответственности Министерства финансов за ненадлежащее выполнение своих обязанностей. Таким образом, Правительство РФ создавало условия для неисполнения судебных решений или для нарушения законных сроков их исполнения.

При этом сама необходимость наличия особого порядка исполнения судебных решений, вынесенных в отношении государственных органов, Конституционным судом не отрицается. Однако при этом должны быть предусмотрены все гарантии прав граждан.

Важно, разумеется, чтобы само по себе исполнение таких судебных решений не приводило к нарушению работы самих государственных органов, что могло бы стать дополнительным источником ущемления прав и свобод человека; поэтому требуется введение мер для перераспределения бюджетных средств в случае возникновения такой необходимости.

Важно иметь в виду позицию Европейского суда, который распространительно толкует зону ответственности российского государства за исполнение судебных решений: «Европейский суд рассматривает ответственность России как государства — ответчика по данным делам чрезвычайно широко, устанавливая эту ответственность за неисполнение решений не только собственно государственными органами (министерствами, ведомствами и т. д.), но и муниципальными образованиями, бюджетными и казенными предприятиями и учреждениями»¹⁴².

Еще одним значимым элементом модели эффективного средства правовой защиты является требование *обеспечения доступной юридической помощи*. Так, согласно ст. 47 Хартии основополагающих прав Европейского Союза от 7 декабря 2000 года, посвященной праву на эффективное средство правовой защиты, право на юридическую помощь включает в себя три основных компонента: 1) право на юридическую консультацию; 2) право на представительство; 3) право на защиту; условием доступа к правовой помощи является недостаток ресурсов; объем помощи должен быть таким, чтобы обеспечивать эффективный доступ к правосудию¹⁴³.

Таким образом, концепция эффективного средства правовой защиты акцентирует внимание на таких принципах правоприменения, как его

---

¹⁴² Филатова М. А. Европейские стандарты правосудия по гражданским делам и их значение для российской правовой системы // Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 180.

¹⁴³ См.: Красногорова А. С. Доступная юридическая помощь по гражданским делам. М., 2012. С. 9.

практическая доступность и осуществимость, недопустимость ограничения каких-либо прав граждан иначе как для достижения надлежащих конституционных целей при соблюдении принципа пропорциональности, независимость и беспристрастность разбирательства, его своевременность, фактическое исполнение принятого правоприменительного решения.

Конкретными мерами, способствующими достижению такого результата, могут быть: территориальное приближение судов первой инстанции к населению; всестороннее законодательное закрепление равноправия сторон в процессе, совершенствование порядка обжалования решений, предоставление доступной юридической помощи, повышение уровня профессиональной подготовки как судейского корпуса, так и остального персонала судов¹⁴⁴.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что европейская концепция эффективности правовой защиты дает российскому правоприменению вполне конкретные ориентиры для дальнейшего развития.

---

¹⁴⁴ См.: Гессен И. В., Жуйков В. М. Судебная реформа в прошлом и настоящем. М., 2007.

Глава 3. Тенденции и перспективы развития правоприменения как элемента правозащитной системы в России

§ 1. Диверсификация и интернационализация правоприменения в сфере защиты прав человека

Развитие правоприменения в постсоветский период характеризуется некоторыми специфическими тенденциями, которые не были свойственны российской правовой системе в предшествующее время. В первую очередь они связаны с постоянными реформами различного уровня.

Применительно к правовой реформе справедливы слова С. А. Пашина: «Нормотворчество выступает, прежде всего, средством воспроизводства деятельности, но лишь в относительно небольшой степени оказывается инструментом ее реформирования. В поле зрения необходимо включить реальную практику функционирования правоохранительных органов и судов, их явно не противоречащие законодательству обыкновения, гасящие реформаторские импульсы и технологии, противостоящие нововведениям»¹⁴⁵.

Одна из наиболее наглядных тенденций — диверсификация механизмов правоприменения в сфере защиты прав человека. Под диверсификацией понимается их количественное усложнение, или, иначе говоря, усиление вариативности в сфере применения права, появление новых форм и способов защиты.

В свою очередь, диверсификация происходит по нескольким направлениям. Во-первых, она выражается в появлении новых институтов. Сравнительно новыми для отечественной правовой системы являются, в частности, арбитражные суды, а также вся система конституционной

---

¹⁴⁵ Пашин С. А. Становление правосудия. М., 2011. С. 47.

юстиции, включающая в себя Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации.

Во-вторых, формой диверсификации является введение новых звеньев в уже существующие системы правоприменительных органов. Примером может служить появление таких новшеств в судебной системе, как мировые судьи и апелляционные арбитражные суды. Усложнение имеющихся институциональных структур обусловлено, разумеется, возрастающей нагрузкой на судебные органы.

В-третьих, происходит диверсификация в процедурной сфере — вводятся новые процессуальные формы и виды производств. Этот процесс идет в известной мере параллельно формированию новых органов: если в советское время судебные органы действовали путем уголовного и гражданского судопроизводства, то уже в Конституции РФ 1993 года названы четыре вида судопроизводства — конституционное, гражданское, административное и уголовное (ч. 2. ст. 118). Этот перечень не является исчерпывающим, поскольку в нем отсутствует пятый вид судопроизводства, объективно существующий в России, — арбитражное.

Кроме того, постоянно возникают новые разновидности уже ставших традиционными видов юрисдикционных правоприменительных процедур (уголовной, гражданской), например: приказное производство, апелляционное производство, производство с участием присяжных заседателей, производство при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и т. п.

Особая ситуация складывается с административным судопроизводством, которое не обеспечено специализированной системой органов. Отсутствие административных судов не означает, что у человека нет возможности защищать себя от произвола государственных органов. В настоящее время допускается рассмотрение многих споров с государством в порядке гражданского судопроизводства. Нормами Арбитражного

процессуального кодекса Российской Федерации¹⁴⁶ предусмотрено право арбитражных судов рассматривать споры, которые вытекают из административных правовых отношений, с участием граждан-предпринимателей, юридических лиц и государственных образований. Такие законодательные акты, как «О прокуратуре Российской Федерации»¹⁴⁷, «О Правительстве Российской Федерации»¹⁴⁸, «Об общих принципах организации местного самоуправления»¹⁴⁹, «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме»¹⁵⁰,

---

¹⁴⁶ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012. (в ред. от 31.12.2014, с изм. от 21.03.2014). СПС «Консультант Плюс».

¹⁴⁷ См.: О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 17 ноября 1995 года № 168-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472. (с изм. от 05.06.2007). СПС «Консультант Плюс».

¹⁴⁸ См.: О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 17 декабря 1997 года № 2-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 51. Ст. 5712; 1998. № 1. Ст. 1. (в ред. от 12.03.2014). СПС «Консультант Плюс».

¹⁴⁹ См.: Об общих принципах организации местного самоуправления: Федеральный закон Российской Федерации от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 35. Ст. 3506; 1996. № 17. Ст. 1917; 1997 № 12. Ст. 1378, № 49. Ст. 5500; 2000. № 32. Ст. 3330; 2003. № 40. Ст. 3822. (в ред. от 21.07.2005). СПС «Консультант Плюс»; О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления»: Федеральный закон Российской Федерации от 18 апреля 2005 года № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 12.

¹⁵⁰ См.: Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 19 сентября 1997 года № 124-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 38. Ст. 4339. (ред. от 10.07.2001, с изм. от 10.06.2002). СПС «Консультант Плюс»; Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан

позволяют осуществлять судебный нормоконтроль за актами органов государственной власти и местного самоуправления и в рамках гражданского судопроизводства оспаривать нормативно-правовые акты, в которых ограничиваются или нарушаются права человека¹⁵¹.

В целом диверсификация правоприменения имеет двойкий эффект: с одной стороны, она позволяет специализированно рассматривать различные категории дел и предоставляет лицу расширенный набор процессуальных средств для защиты своих прав; с другой стороны, объективно происходит усложнение порядка защиты своих прав и снижение доступности правоприменения.

В частности, именно следствием диверсификации является специально отмеченная Европейским судом по правам человека проблема российского правоприменения, связанная с недостаточно четким разграничением полномочий между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. В Постановлении по делу «Безымьянная против России» от 22 декабря 2009 года Европейский суд установил, что «в данном деле заявительница оказалась в ситуации “судебного вакуума”, когда по не зависящим от нее причинам суды отказывались рассматривать ее дело под предлогом того, что это не входило в их компетенцию. Соответственно, ЕСПЧ признал нарушение права заявительницы на доступ к суду»¹⁵².

Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253. (ред. от 24.11.2014, с изм. от 16.12.2014). СПС «Консультант Плюс».

¹⁵¹ См.: Новикова И. В. Судебный нормоконтроль как способ судебной защиты местного самоуправления // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития: материалы всерос. науч.-практ. конф., Воронеж, 14—15 нояб. 2003 г.: в 5 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1: Конституционное и международное право, теория государства и права. С. 308—312.

¹⁵² Филатова М. А. Европейские стандарты правосудия... С. 47.

Другая важнейшая тенденция развития правозащитной деятельности — интернационализация. В последние годы стало практически общепринятым использование близкого ей по смыслу термина «глобализация». Как представляется, в отношении правоприменительной деятельности нет оснований констатировать такое явление, как глобализация, поскольку не сложилась не только всемирная судебная система, но даже практика обжалования в международных судах решений национальных правоприменительных органов. Вместе с тем, бесспорно, факт усиления влияния международных факторов на развитие правоприменения имеет место. Поэтому, как представляется, вполне корректно обозначать эту тенденцию именно как интернационализацию.

После Второй мировой войны начался бурный, ранее никогда не зафиксированный рост активности международного сообщества по созданию системы правозащитных институтов, включая формирование их нормативно-правовой основы и организационно-политические меры по их учреждению, финансированию и обеспечению практической деятельности.

Первым в длинном ряду таких международных документов явилась Всеобщая декларация прав человека, которая хотя и имеет, в соответствии с Уставом ООН, рекомендательный характер, признана Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года в качестве идеала для всех народов и государств; именно она содержит общее представление о свободной личности, не знающей страха и нужды, как общий образец или модель прав человека. Последующие международно-правовые акты, как глобальные, так и региональные, закрепили еще несколько идей принципиального значения:

— обязанность не только международных институтов, но и национальных государств в полном объеме защищать все международно признанные права и свободы;

— представление не о производном, а о прирожденном и неотъемлемом характере прав человека, их независимости от воли государства;

— независимость как содержания прав человека, так и их защиты от политических, экономических и культурных особенностей того или иного общества.

Начинает формироваться концепция планетарного гуманизма, основанного на защите прав человека¹⁵³; правозащитная тематика начинает включаться в число глобальных проблем современности, наряду с экологическими, энергетическими, демографическими проблемами.

Так, отечественный ученый-юрист А. С. Пиголкин предложил концепцию «прав человечества», относя к ним, в частности, право на мир и безопасность, на пользование общим достоянием человечества, на благоприятную окружающую среду¹⁵⁴; ведущее значение в их системе должно, по его мнению, иметь «право на бессрочное существование человечества»¹⁵⁵.

Тот факт, что основной объем международного правозащитного регулирования пришелся не на глобальные, а на региональные международные организации, не остался незамеченным в юридической науке. Объяснение этого факта специалисты усматривают прежде всего в том, что нахождение баланса интересов и ценностей, крайне затрудненное в мировых масштабах из-за очевидных и глубоких культурных различий, гораздо проще достигается в рамках группы стран, объединенных хотя бы

---

¹⁵³ См.: Колотова Н. В. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы // Государство и право. 2001. № 5. С. 89.

¹⁵⁴ См.: Шубенкова К. В. Теоретико-правовые концепции А. С. Пиголкина: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2013. С. 36.

¹⁵⁵ Пиголкин А. С. Правовая система России в условиях глобализации // Правовая система России в условиях глобализации: сб. материалов «круглого стола» / под ред. Н. П. Колдаевой, Е. Г. Лукьяновой. М., 2005. С. 66—67.

некоторой общностью традиций. При этом данный общекультурный фактор имеет и вполне конкретные практические последствия в области права: «Будучи более “приближенными” в силу культурно-исторических и пространственно-правовых особенностей к определенным государствам, такие межгосударственные организации пользуются достаточным доверием участвующих в них сторон, и, соответственно, их решения обладают высокой способностью к исполнению в рамках национальных правопорядков»¹⁵⁶.

Роль Конвенции о защите прав человека и основных свобод в различных европейских странах неодинакова. Так, в Германии она считается своего рода «продолжением текущего законодательства»¹⁵⁷. Высший Федеральный Суд своим Решением от 10 января 1966 года предусмотрел возможность непосредственного применения положений Конвенции, поскольку Германия присоединилась к ней с формулировкой, предусматривающей придание ей силы закона; кроме того, многие положения Конвенции прямо допускают возможность обращения физических лиц с претензиями по поводу ее нарушения.

В Великобритании Конвенция воспринимается скорее как вспомогательное правовое средство в тех случаях, когда национальное право страдает неопределенностью.

В Португалии Конвенция о защите прав человека и основных свобод, как и все ратифицированные договоры, подлежит непосредственному применению, но не имеет приоритета перед положениями Конституции.

В Конституции Королевства Нидерландов также предусмотрена общая норма, согласно которой договоры, способные по своему содержанию обязывать всех лиц, становятся после их опубликования безусловными для

---

¹⁵⁶ Грачева С. А., Рафалюк Е. Е. Обеспечение прав человека в рамках европейской и межамериканской интеграции (компаративистский анализ) // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 109.

¹⁵⁷ См.: Хартвич М. Защита прав человека в Федеративной Республике Германии // Защита прав человека в современном мире: сб. ст. М., 1993. С. 71.

исполнения (ст. 93). И в Нидерландах официально опубликованные договоры могут непосредственно обязывать физических и юридических лиц и подлежат прямому применению всеми органами государства, в том числе судами.

Эти примеры отражают общую тенденцию интернационализации правовых систем законодателями европейских государств.

Как верно отмечает В. Д. Зорькин, для России интернационализация прав и свобод, как и механизмов их защиты, является прямым следствием вовлечения страны в общемировые процессы экономического и культурного взаимодействия, преодолевающие национальные границы государств, в силу чего становятся необходимыми соответствующие правовые инструменты, не ограниченные национальным правовым пространством¹⁵⁸.

Регионализация как форма интернационализации правозащитных механизмов дает о себе знать не только в европейских странах. Так, принята Конвенция СНГ о правах человека (ратифицирована Российской Федерацией), по своей функции аналогичная соответствующим актам других регионов мира.

Одновременно продолжается сложный и в некотором смысле драматичный процесс вхождения России в европейское правовое пространство, в рамках которого периоды интенсивного освоения соответствующих институтов и принципов сменяются замедлением динамики, дистанцированием России от европейского опыта правоприменения, но который в целом проходит под знаком признания европейских достижений и стремления учитывать их без потери национального суверенитета.

4 февраля 2010 года Президент РФ Д. А. Медведев отметил, что российское государство заинтересовано в приближении судебной системы к европейскому образцу, с тем чтобы граждане России могли получать

---

¹⁵⁸ См.: Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке... С. 426.

эффективную защиту внутри страны и не были вынуждены обращаться за помощью в европейские судебные органы¹⁵⁹.

Будучи, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, частью правовой системы России, Конвенция должна использоваться правоприменителями при разрешении конкретных дел. Это положение не отрицается ни на доктринальном уровне, ни в правовых позициях высших национальных судов.

Признание юрисдикции Европейского суда порождает формально-юридические обязанности российского государства не только по исполнению конкретных судебных решений этого органа, но и по стратегическому следованию его правовой политике, в том числе путем внесения в российское законодательство изменений для устранения выявленных Европейским судом нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Собственно, Россия берет на себя обязательство выявлять и пресекать подобные нарушения своими силами, без участия Европейского суда.

Влияние норм европейского права на российскую практику защиты прав человека в порядке правоприменения объективно нарастает.

Так, А. Л. Бурков совершенно обоснованно подчеркивает: «Конституционный Суд РФ признал, что решения международных судов могут привести к пересмотру дел, рассмотренных в нарушение норм международного права. Этот вывод Конституционного Суда РФ идет намного дальше конституционного положения, согласно которому международные договоры являются частью российской правовой системы. Это значит, что Конституционный Суд РФ признал решения международных судов, принятых в отношении России, юридическими фактами, достаточными для пересмотра решений национальных судов. Другими словами — источниками российского права. Решения российских судов

---

¹⁵⁹См.: Белов С. Дмитрий Медведев предложил достойно отметить юбилей СНГ // Российская газета. 2010. 5 февр. № 5103.

могут быть пересмотрены на основании постановления ЕСПЧ. Это новый подход для Российской Федерации, страны континентальной системы права, где практика судов, как правило, не рассматривается в качестве источника права»¹⁶⁰.

26 февраля 2010 года Конституционный Суд РФ принял Постановление № 4-П, в котором в очередной раз подтвердил обязательность решений Европейского Суда для судебных и правоприменительных органов России. Многие средства массовой информации отмечают, что принципиально важным в постановлении Конституционного Суда РФ стало положение, в котором сказано, что «решения Европейского Суда по правам человека обязательны для России. Государство обязано не только произвести компенсационные выплаты человеку, нарушение прав которого установлено Европейским Судом, но и обеспечить, насколько это возможно, полное восстановление нарушенных прав, в том числе в отношении других лиц, оказавшихся в положении заявителя»¹⁶¹.

Примеры корректного применения положений Конвенции в судебной практике дает, в частности, Верховный Суд Российской Федерации. Так, в Определении от 29 января 2009 года по надзорной жалобе Управления социальной защиты г. Армавира он оставил без изменения Определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда, а надзорную жалобу — без удовлетворения, указав в качестве основания на Постановление Европейского суда по правам человека «Рябых против Российской Федерации» от 24 июля 2003 года, где содержится вполне определенно и недвусмысленно выраженное требование, чтобы пересмотр

---

¹⁶⁰ Бурков А. Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М., 2010. С. 79.

¹⁶¹ См.: По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой: Постановление Конституционного суда РФ от 26 февраля 2010 года № 4-П // Российская газета. 2010. 12 марта. № 5130.

судебных решений производился лишь для целей исправления судебных ошибок и не вел к нарушению принципа правовой определенности.

В. А. Карташкин вполне обоснованно отмечает, что механизм защиты прав человека, учрежденный в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Протоколом № 11, по существу, носит характер наднациональной власти¹⁶². Впрочем, выполняя определенные контрольные функции в отношении национальных судов и других правоприменительных органов, Европейский суд все-таки не образует какой-либо наднациональной судебной инстанции, поскольку осуществляет пересмотр дел в собственном смысле, не изменяет и не отменяет конкретных судебных решений¹⁶³.

Основным средством воздействия Европейского суда на национальные правовые системы являются вырабатываемые им правовые позиции, которые могут пониматься как особый вид международно-правовых норм, создаваемых в связи с конкретными делами, но, в соответствии с природой судебного прецедента, распространяемых на аналогичные дела и имеющих силу для государств, присоединившихся к Конвенции¹⁶⁴.

Одна из центральных проблем в сфере интеграции российской и европейской правозащитных систем связана с определенными противоречиями между интернационализацией (глобализацией), с одной стороны, и государственным суверенитетом, с другой. Эта проблема возникает по той причине, что правосудие и вообще применение права

---

¹⁶² См.: Карташкин В. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и становление правового государства в России // Права человека и политическое реформирование (юридические, этические, социально-психологические аспекты) / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1997. С. 56.

¹⁶³ См.: Горшкова С. А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. М., 2001. С. 38.

¹⁶⁴ Аверьянов К. Ю. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников права // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2 (23). С. 280.

представляют собой традиционную сферу государственной юрисдикции, или способ реализации суверенитета. Поэтому любое признание полномочий иностранных или международных правоприменительных органов на территории государства может рассматриваться как ограничение государственного суверенитета.

Вместе с тем в случае признания Российской Федерацией юрисдикции Европейского суда по правам человека, как представляется, основания для утверждений об угрозе суверенитету отсутствуют. Во-первых, в рамках современного международного правопорядка модель государственного суверенитета уже подверглась существенным изменениям и в настоящее время суверенитет не рассматривается в том смысле, который придавался данному понятию в эпоху абсолютизма — как ничем не ограниченная верховная государственная власть. Суверенитет государств взаимно сдерживается их международными обязательствами, в первую очередь в интересах мира и глобальной безопасности. Во-вторых, само по себе заключение международных соглашений представляет собой форму осуществления государственного суверенитета, поэтому признание юрисдикции Европейского суда не может считаться нарушением суверенитета, поскольку оно произведено Российской Федерацией добровольно, в форме подписания и ратификации соответствующего международного договора. Верно отмечает В. В. Лапаева: «Только на такой основе, то есть добиваясь демократизации наднационального правообразования и активно участвуя на равных в международном политико-правовом дискурсе, в ходе которого формируется современное представление о правах человека, можно в нынешних условиях успешно отстаивать национальный суверенитет страны. Однако данный подход предполагает ориентацию на такую модель государственного суверенитета,

которая позволила бы сочетать принцип суверенитета с объективными тенденциями юридической глобализации»¹⁶⁵.

По мысли С. И. Максимова, в современных условиях суверенитет и права человека одновременно выступают двумя основаниями легитимности права, в силу чего нет необходимости делать между ними выбор, а следует искать способ их сочетания: «Современный дискурс легитимации обосновывает сочетание действия народного суверенитета с системой прав человека. Смысл последних заключается в том, что они институционализируют коммуникативные условия для формирования разумной политической воли. Это значит, что легитимными признаются лишь те регулятивы, которые могли бы быть приняты всеми возможными заинтересованными лицами. В целом, личная и публичная (гражданская) автономии взаимно дополняют друг друга, однако при этом нормативный приоритет находится на стороне личных прав»¹⁶⁶.

Вместе с тем, разумеется, такая модель носит лишь идеальный характер. Легитимность международного и национального права в российских условиях пока далека от гармонизации, скорее их взаимодействие продолжает носить конфликтный характер; в частности, сохраняется проблематичность признания решений Европейского суда по правам человека внутри страны, например их использования в практике российских правоприменителей.

Так, далеко не всегда корректны способы перенесения положений международного права в тексты российских законодательных актов. Этот

---

¹⁶⁵ Лапаева В. В. Правовая демократия и правовой суверенитет как альтернативы «суверенной демократии» // Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Алферова. М., 2010. С. 167.

¹⁶⁶ Максимов С. И. Дискурсивно-экзистенциальная природа прав человека // Антропологія права : філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): статті учасників VII Міжнародного «круглого столу» (м. Львів, 9—10 грудня 2011 року). Львів: Галиц. друкар, 2011. Вип. 7. С. 343.

вопрос исследован, в частности, Г. В. Игнатенко, который обратил внимание на то, что в ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации допущено отступление от конституционного положения, поскольку являющиеся общепризнанными принципы и нормы международного права и международные договоры нашей страны названы в УПК составной частью не правовой системы России, как в Конституции, а законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство. Разумеется, с юридической точки зрения именовать международные договоры частью национального законодательства некорректно. При этом Конституционный Суд РФ в своих решениях не обратил внимания на ошибочность такой формулировки, а, напротив, счел, что она конкретизирует ст. 15 Конституции РФ¹⁶⁷.

Поиск оптимальной формулы сочетания внутригосударственных и международных (европейских) механизмов правоприменения по-прежнему не завершен. Так, на доктринальном уровне нет определенности в том, являются ли решения Европейского суда по правам человека неотъемлемой составной частью российского права или же они имеют какой-то иной статус. Например, В. В. Лазарев полагает: «Интернационализация национальных правовых систем способна выдвинуть решения ЕСПЧ на первый план, но пока преждевременно объявлять решения ЕСПЧ частью национального права; предпочтительнее формула “входят в правовую систему”. Тем самым не нивелируются особенности систем национального и международного права, а, напротив, идет поиск их оптимального взаимодействия в национальном механизме правового регулирования»¹⁶⁸.

---

¹⁶⁷ См.: Игнатенко Г. В. Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия: сб. научных публикаций за сорок лет (1972—2011 годы). М., 2012. С. 368—369.

¹⁶⁸ Лазарев В. В. Место и роль суда... С. 28—29.

Эмпирические исследования правоприменения в России дают основания полагать, что формальное признание приоритета международного права вообще и европейских стандартов правосудия в частности соединяется с фактическим игнорированием норм Европейской конвенции со стороны российского правоприменителя: «Анализ судебной практики показал, что судьи не применяют практику ЕСПЧ из-за отсутствия знаний о Конвенции, но при проведении интервью вопреки очевидному судьи настаивали на том, что они не только знакомы с конституционной нормой о непосредственном применении норм международного права в правовой системе России, Конвенцией и практикой ЕСПЧ, но и, более того, применяют Конвенцию, сообразно тому, как она понимается в постановлениях ЕСПЧ. Судьи заявляют, что они “учитывают” Конвенцию, практику ЕСПЧ, но не указывают названия конкретных дел или статьи Конвенции, которые они используют при вынесении решения по делу»¹⁶⁹.

Таким образом, интернационализация в сфере защиты прав человека является реально действующим фактором для правоприменения на нормативном уровне, однако широкого и успешного внедрения международных стандартов в юридическую практику пока не происходит. Причинами тому являются нехватка необходимой правовой информации, недостаточный уровень квалификации кадров правоприменителей, что, в свою очередь, обусловлено определенным отставанием в сфере высшего юридического образования, а также недостаточность тех гарантий реализации европейских принципов правоприменения, которые предусмотрены в российском национальном законодательстве.

---

¹⁶⁹ Бурков А. Как судьи и адвокаты применяют Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М., 2012. С. 327.

§ 2. Основные направления правоприменительной политики в сфере защиты прав человека

Для обозначения системы основных мер по совершенствованию правоприменительной деятельности в области защиты прав и свобод человека представляется наиболее целесообразным использование такого сравнительно нового для отечественной юридической науки понятия, как правоприменительная политика.

Полноценное изучение проблем правоприменительной политики фактически началось в российской правовой науке лишь в 90-х годах XX века, хотя отдельные упоминания о ней можно встретить и ранее. Так, В. Н. Кудрявцев писал, что юридическая политика лежит в основе создания новых норм и деятельности правоприменительных органов, и выделял три основных направления деятельности государства, в которых она реализуется: 1) правотворчество; 2) применение права; 3) развитие правосознания и правовой культуры трудящихся¹⁷⁰.

Правовая реформа, проводимая в России с начала 90-х годов по настоящее время, наглядно показала, что преобразование правовой системы общества не сводится к законотворчеству. Это послужило для юридической науки в качестве своеобразного импульса к развитию концепции правоприменительной политики. Как отмечает В. А. Рудковский, «практика правового регулирования “понуждает” государственную власть вырабатывать определенные приоритеты в сфере реализации принятого законодательства, сосредотачивать политические усилия на тех или иных участках, направлять и координировать правоприменительную деятельность в соответствии со стратегическими целями и текущими задачами

---

¹⁷⁰ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 165—166.

государства, иными словами, вырабатывать и проводить в жизнь определенную правоприменительную политику»¹⁷¹.

Наличие в государстве правоприменительной политики как относительно самостоятельного явления предполагает, что применение права не осуществляется случайным образом, а представляет собой системную деятельность.

Центральным признаком и критерием правоприменительной политики, как представляется, выступает наличие целеполагания. В этом смысле защита прав и свобод человека должна рассматриваться не как отдельное направление правоприменительной политики, а как ее общая цель, поскольку не существует таких органов или функций правоприменения, которые не имели бы отношения к защите прав человека.

К субъектному составу правоприменительной политики относятся как органы законодательной власти, определяющие основные принципы и формы правоприменительной деятельности на уровне нормативно-правового регулирования, так и органы исполнительной власти, реализующие аналогичное воздействие путем издания подзаконных актов. Основные ориентиры правоприменительной политики могут устанавливаться как Президентом Российской Федерации в форме посланий к Федеральному Собранию, так и Правительством РФ в виде концепций, стратегий и иных документов программно-директивного характера.

Однако ведущую роль в правоприменительной политике играют, как представляется, судебные органы. Это их положение обусловлено, во-первых, универсальностью права граждан на судебную защиту; во-вторых, наличием института судебного контроля за деятельностью иных органов власти; в-третьих, принципом обязательности судебных постановлений, который дает возможность судам, в особенности высшим, корректировать

---

¹⁷¹ Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права / под ред. Н. Н. Вопленко. Волгоград, 2009. С. 265.

правоприменительную политику и восполнять ее пробелы при помощи формулирования «правовых позиций», принятия актов официального толкования права, обобщения судебной практики и т. п.

Одним из основных направлений правоприменительной политики является совершенствование структуры правоприменительных органов. Одним из направлений ее развития является специализация, которая способствует максимально эффективному осуществлению правоприменения и качественному рассмотрению дел.

Однако при этом целесообразно создавать специализированные системы органов лишь в том случае, когда существует достаточно крупная категория дел, специфика которых требует самостоятельного углубленного изучения и применения нормативно-правового материала, а также когда отраслевые особенности этой группы правоотношений определяют специфику производства по данной категории дел.

Предпринятая ликвидация системы арбитражных судов с включением их в состав судов общей юрисдикции, с одной стороны, имеет своим эффектом упрощение судебной системы и снижение коллизионности в вопросах подсудности; с другой стороны, это до некоторой степени противоречит идее специализации, поскольку в результате одна система судов вынуждена будет действовать в двух различных процессуальных режимах.

Как отметил Ю. А. Тихомиров при обсуждении проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», «необходимость объединения судов была обоснована Президентом РФ целью предотвращения обвинительного уклона в деятельности судов. Вместе с тем, — подчеркнул выступающий, — эта формулировка явно недостаточна и представляется не вполне убедительной, а именно: обвинительный уклон может иметь место при любой системе организации судов. Соответственно, мощная, хорошо работающая система в связи с предстоящей ее перестройкой

признана недееспособной. При этом ни в научном, ни в судебском сообществах предполагаемые нововведения должным образом не обсуждались»¹⁷².

На этом фоне по-прежнему остро ощущается необходимость законодательного конституирования административной юстиции. Не случайно этому вопросу было уделено специальное внимание в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2012 года. «В самое ближайшее время, — отметил В. В. Путин, — нужно создать специальную законодательную базу для административного судопроизводства. Мы с Председателем Верховного Суда на этот счет несколько раз говорили очень подробно. Нужно сформировать в судах судебные составы, разрешающие споры граждан с органами власти всех уровней, — важнейшая задача, которая у нас пока не решена. Дополнительной защитой прав граждан послужит возможность подавать коллективные иски, иски в интересах неограниченного круга лиц, а также иски от лица общественных организаций»¹⁷³. Резонными представляются предложения ученых о принятии Административного процессуального кодекса РФ, единого для всех судов общей юрисдикции¹⁷⁴.

В отношении структуры и компетенции правоприменительных органов остается актуальной задача обеспечения их независимости и беспристрастности. Западные ученые, исследующие российскую правоприменительную практику, обращают внимание на то, что в значительной мере продолжает сохраняться бюрократическая система

---

¹⁷² Васильева Л. Н. Обсуждение законопроекта о поправке к Конституции РФ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 136.

¹⁷³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 // Российская газета. 2012. 13 декабря. № 5960.

¹⁷⁴ См.: Ярошенко Н. И. Основные направления реформирования судов общей и специальной юрисдикции // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 68.

подотчетности, характерная для советского периода, связанная с подчинением вышестоящим органам и должностным лицам, статистическими показателями и существенно ущемляющая независимость правоприменителя¹⁷⁵.

Основным ориентиром развития правоприменительной практики может стать идея эффективного средства правовой защиты, сложившаяся в практике Европейского суда по правам человека, с такими ее показателями, как доступность средства защиты, тщательность и всесторонность исследования обстоятельств дела, разумный срок производства по делу, обеспечение восстановления нарушенных прав.

Выносимые Европейским судом по правам человека решения против Российской Федерации по-прежнему предоставляют обширный материал, касающийся несовершенства существующих правоприменительных процедур и, соответственно, возможных направлений ее дальнейшего развития.

Примером может служить одно из сравнительно недавних таких решений — Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Свинаренко и Сляднев против России» от 17 июля 2014 года, которым было установлено нарушение п. 1 ст. 6 и ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Следует отметить, что данное решение включено в обзор судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 24 декабря 2014 года.

Основная жалоба заявителей была связана с тем, что в зале судебных заседаний суда первой инстанции в ходе судебного разбирательства, длившегося более двух лет, их содержали в металлической клетке, в чем ими усматривается нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и

---

¹⁷⁵ См.: Соломон П. Подотчетность судей в посткоммунистических государствах: от бюрократической к профессиональной подотчетности // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования. М., 2011. С. 80—87.

основных свобод в части запрета обращения или наказания, унижающего достоинство человека.

Контрдоводы представителей Российской Федерации состояли в том, что содержание подсудимых в металлической клетке выполняло определенные социально и юридически значимые функции, в частности предотвращение побега подсудимых, пресечение их возможного неправомерного поведения, а также их защита от потерпевших.

Данные аргументы не были поддержаны Европейским судом, итоговое решение которого свелось к тому, что содержание подсудимых в клетке на всеобщем обозрении, в присутствии присяжных и общественности, на протяжении столь долгого времени объективно носило унижительный характер, подрывало их репутацию, создавало у них ощущения страха и беспомощности, тем самым нарушая ст. 3 Конвенции.

Анализ причин, по которым Европейский суд отверг аргументацию российских властей в данном деле, одновременно указывает на некоторые общие проблемы, связанные с обеспечением прав человека в российском правоприменении:

1. Европейский суд отмечает, что российская сторона не представила никаких конкретных доказательств того, что действительно существует такая угроза безопасности, которая оправдывала бы содержание подсудимых в клетке (п. 137 Постановления). Это замечание отражает такую реально существующую проблему, как низкий уровень обоснованности законодательных и вообще нормативно-правовых моделей правоприменительной деятельности, который обнаруживается в подобных случаях, когда недостаточно простой ссылки на соответствующую норму права, а необходимо проверить правомерность самого нормативного предписания, например, с точки зрения конституционной или международно-правовой допустимости ограничения того или иного права.

2. Европейский суд отметил также, что нет никаких подтверждений того, что суд рассматривал вопрос о наличии угрозы безопасности и о

необходимости применения в данном деле такой меры, как содержание в клетке. С точки зрения Европейского суда, подобного рода правоограничения должны быть строго индивидуализированы и их использование должно быть мотивировано в каждом конкретном случае с учетом обстоятельств дела. Вместе с тем в России такая практика является повсеместной в отношении всех подсудимых, кто находится под стражей, безотносительно к конкретной ситуации (п. 123,124 Постановления). Иначе говоря, те меры принуждения, которые в российской правоприменительной практике используются почти автоматически, требуют более выборочного подхода и должны получать необходимое обоснование в каждом случае.

3. Нормы, предусматривающие помещение подсудимых в клетку, содержатся в ведомственных актах МВД РФ, которые имеют гриф секретности и не публиковались.

4. Как подчеркивает Европейский суд, даже при наличии необходимости использования каких-либо защитных ограждений (что встречается в практике различных европейских стран), они должны прежде всего соответствовать такому требованию, как обеспечение надлежащих условий участия подсудимых в процессе, включая возможность конфиденциального общения с адвокатами, обращения к суду, а также достаточную площадь, вентиляцию и т. п. (п. 119).

Таким образом, данное постановление намечает целый ряд возможных мер по совершенствованию механизма защиты прав человека в рамках российского правоприменения: проверка обоснованности нормативного закрепления ограничений прав человека в правоприменительных процедурах; обеспечение возможностей для полноценного участия в разбирательстве для всех его субъектов; исключение практики ограничения прав человека неопубликованными или секретными документами; введение практики мотивирования применимости ограничительных мер в каждом отдельном деле.

Улучшение правоприменительной процедуры в первую очередь предполагает расширение процессуальных прав всех ее участников по модели судопроизводства. Так, представляется целесообразным в рамках административного рассмотрения жалоб и обращения граждан предусмотреть возможность заявителя получать информацию о ходе производства по делу, а также заявлять ходатайства в целях защиты своих интересов.

Для повышения эффективности рассмотрения дел в рамках различных производств необходимо развитие стандартов доказывания. Представляется целесообразным введение норм о доказательствах и доказывании в нормативные акты, регламентирующие все виды правоприменительной деятельности, в том числе по рассмотрению жалоб и обращений граждан в органах исполнительной власти. Кроме того, необходимы закрепление и детализация положения о достижении истины как цели правоприменительного процесса как в судебной, так и во внесудебной форме.

Как представляется, все более насущный характер приобретает идея процессуальной экономии, обоснованная, в частности, в работах М. П. Полякова и А. Ю. Смолина. Они понимают идею процессуальной экономии как оптимизацию всего объема затрат на осуществление правовой процедуры в соотношении с целями производства по делу (при этом, как известно, общей целью всех процедур в современной правовой системе является именно защита прав человека). Процессуальная экономия — это упрощение процедуры без упрощенчества, поскольку речь идет о сокращении только тех элементов процессуального механизма, которые не способствуют достижению поставленных целей. По сути, речь идет не о снижении уровня процессуальных гарантий, а скорее о том, чтобы добиться более результативного использования имеющегося набора процессуальных средств. При этом предполагается введение определенного рода лимитов, примером чего может являться процессуальный срок. Его суть заключается в

том, что важно не только уложиться в лимит, но и организовать деятельность так, чтобы использовать из максимально возможного ресурса только ту его часть, которая действительно необходима, но в то же время достаточна для правильного и полного осуществления судопроизводства по каждому уголовному делу или совершения конкретного процессуального действия¹⁷⁶.

Примером действия принципа процессуальной экономии могут служить, в частности, такие институты действующего процессуального законодательства, как возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, в связи с деятельным раскаянием, а также гражданский иск в уголовном процессе. Так, в последнем случае в наибольшей степени защищаются интересы истца, который освобождается не только от уплаты дополнительной пошлины, но и от доказывания своих исковых требований: «И хотя последние из перечисленных обстоятельств и кажутся на первый взгляд креном в сторону ущемления интересов государства, на самом деле представляются разумным балансом интересов государства и личности, тем самым, сообразуясь с принципом процессуальной экономии»¹⁷⁷.

Важнейшим направлением развития правоприменения является повышение его прозрачности (транспарентности): «Прозрачность судебной деятельности и судебной системы может обеспечить значительное снижение уровня коррупции в сфере как укрепления реальной независимости от политического давления, так и воспрепятствования процессам прямого подкупа судей»¹⁷⁸.

Транспарентность, помимо прочего, предполагает открытость правоприменительных органов для граждан, готовность предоставить

---

¹⁷⁶ Поляков М. П., Смолин А. Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Н. Новгород, 2011. С. 57.

¹⁷⁷ Там же. С. 99.

¹⁷⁸ Воскобитова М. Р. Общие стандарты и реалии транспарентности судебной власти // Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 536.

необходимую им информацию в максимально простом порядке, начать правоприменительную процедуру при минимуме формальностей, прежде всего когда речь идет о защите нарушенного права (что уже самым непосредственным образом следует из принципа доступности правовой защиты).

Ю. А. Тихомиров в этой связи упоминает о европейском принципе о «праве быть услышанным», реализации которого должны способствовать все действия работников управления: должностные лица и служащие по отношению к вопросу, который требуется решить, имеют право и обязаны предварительно ознакомиться с материалами дела, получить дополнительную информацию и выслушать аргументы гражданина, если в этом есть необходимость, а также разъяснить порядок разрешения вопроса и обжалования решения¹⁷⁹.

Внедренная система электронной публикации судебных решений, как представляется, стала важным шагом на пути к прозрачности правоприменения, к распространению единых стандартов защиты прав человека и обмену опытом внутри судебной системы. Необходимо расширение этого опыта за счет введения обязательной электронной публикации решений органов исполнительной власти по административным делам, по рассмотрению обращений граждан, а также актов прокурорского надзора.

В этом контексте требуется существенное усовершенствование юридической техники правоприменительных актов. В особенности необходимо приложить усилия к развитию правоприменительной аргументации, то есть технологии обоснования принимаемых решений. Как верно подчеркивает С. Б. Поляков, «содержание юридической аргументации правоприменительных актов независимо от желания правоприменителя дает представление о том, чем он руководствовался при вынесении решения, о

---

¹⁷⁹ Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. С. 327.

фактической и юридической обоснованности решения, то есть является основанием для выводов (диагноза) о мотивах решения и квалификации правоприменителя. Поэтому нужно отметить диагностическую функцию юридической аргументации правоприменителя. Такая функция позволяет принимать решения о пересмотре правоприменительных актов»¹⁸⁰.

Недостаточная обоснованность характерна и для основных процессуальных актов суда и других правоприменительных органов (таких, как приговор или решение суда), а еще в большей степени — для промежуточных актов, например, связанных с рассмотрением текущих ходатайств участников разбирательства. Специальные исследования показывают, что зачастую такие ходатайства вообще не рассматриваются в собственном смысле слова. Работа с такого рода документами, а значит, и само их юридическое значение носят попросту имитационный характер: «Ни в одном из изученных случаев рассмотрение ходатайства не сопровождалось получением каких-либо объяснений от должностных лиц, заявивших ходатайство, свидетелей или иными судебными действиями, которые свидетельствовали бы об устном и непосредственном исследовании материалов. Сами материалы, обосновывающие ходатайства, в суд не представляются, в судебных постановлениях их анализ, по общему правилу, не приводится, поэтому проверить обоснованность судебного решения практически невозможно. Методом включенного наблюдения установлено, что постановления судьями подписываются пачками не только без какого бы то ни было исследования доказательств, но и без ознакомления с самими ходатайствами»¹⁸¹.

---

¹⁸⁰ Поляков С. Б. Функции юридической аргументации в юридической практике // Юридическая техника. Ежегодник. Третьи Бабаевские чтения: Юридическая аргументация: теория, практика, техника. 2003. № 7, Ч. 1. С. 293.

¹⁸¹ Лазарева В. А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу. М., 2010. С. 156.

В качестве специальной юридической гарантии реализации международных стандартов отправления правосудия в российской правовой системе может использоваться правовой мониторинг, заключающийся в разработке государственной программы либо плана мероприятий по реализации международной конвенции, включающего в себя меры: по информированию населения о содержании конвенции; по приведению законодательства в соответствие с международными стандартами; определению полномочий государственных органов по выполнению международных обязательств или перестройке функций органов в новом режиме, определению органов и лиц, ответственных за выполнение международных обязательств, и повышению их профессионального уровня; установлению порядка и сроков подготовки и направления в международные органы национальных докладов о выполнении международных конвенций: «Так, в ходе изучения и обобщения судебной и судебно-арбитражной практики проявляются случаи неединообразного применения законов и иных нормативных правовых актов, пробелы и противоречия в материальном законодательстве. Практика КС РФ выявляет неконституционность отдельных положений законодательства либо обращает внимание на правоприменение, идущее вразрез с конституционным смыслом соответствующих норм»¹⁸².

Велика роль организационно-кадровых мероприятий в формировании правоприменительной политики государства. Сложность правоприменительной деятельности в условиях современной правовой системы, часто предполагающей творческий подход к принятию решений, выдвигает чрезвычайно высокие требования к кадровому составу правоприменителей. Как верно отмечает В. И. Крусс, «в таких ситуациях значительно возрастает уровень требований к правоприменительной

---

¹⁸² Павлушкин А. В., Глазкова М. Е., Черепанова Е. В. Судебная практика в механизме правового мониторинга // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 63.

компетентности должностных лиц, их способности однородным (конституционным) образом воспринимать и оценивать комплекс нормативных и фактических обстоятельств»¹⁸³.

Закрепление в действующем законодательстве возможности выявления психологических свойств личности кандидата на должность, оценки его способности заниматься профессиональной деятельностью по осуществлению правоприменения, возможности реально оценивать создавшуюся правовую ситуацию и принимать правильное решение позволит повысить результативность процесса судебной защиты прав граждан в РФ, эффективность правоприменения и уровень доверия к нему со стороны общества.

Представляется целесообразным и продуктивным развитие системы оценки деятельности правоприменителя и обусловленного этим его продвижения по службе; в данном случае могут быть полезны такие меры, основанные на обобщении опыта зарубежных стран, как введение определенной периодичности оценки деятельности правоприменителя с возможностью отстранения от должности или понижения в классе в случае неудовлетворительного результата; уточнение критериев карьерного роста; формирование кадрового резерва; проведение оценки деятельности специальным независимым органом; ротация составов судов и иных коллегиальных органов; совершенствование процедур разрешения конфликтных ситуаций и т. п.¹⁸⁴

Эффективность правоприменительной деятельности по защите прав и свобод человека — важнейший фактор ее легитимности. Требование легитимности, то есть признания и одобрения со стороны общества, должно

---

¹⁸³ Крусс В. И. Теория конституционного правоупотребления. М., 2007. С. 470.

¹⁸⁴ См., например: Нешатаева Т. Н. Карьерное продвижение судьи // Модернизация статуса судьи: современные международные подходы / отв. ред. Т. Н. Нешатаева. М., 2011. С. 202—203.

адресоваться не только государственной власти и праву в целом, но и каждой из их функций в отдельности, включая правоприменение.

В современных российских условиях проблема легитимности остается далекой от своего решения: «Проблема легитимности заключается не в формально-юридическом аспекте, а в отношении общества к власти в целом. В консервативной модели наблюдается «полуреализованная», «полуосвоенная» легитимность. Данная тенденция проявляется, например, в ограничении представительного характера местного самоуправления, изменении системы выборов на местном уровне. Потеря легитимности характерна для пессимистической модели. Это процессы смены власти, политических режимов, гражданского противостояния»¹⁸⁵.

Для повышения эффективности и легитимности системы защиты прав человека необходимо в максимальной степени задействовать возможности органов государственной власти и институтов гражданского общества, развивать взаимосвязи между ними в рамках формирования культуры прав человека.

Функционирование правозащитных организаций в демократическом государстве должно являться органическим продолжением государственной политики, которое устранил недостатки в деятельности государства по обеспечению защиты прав и свобод человека.

---

¹⁸⁵ Тихомиров Ю. А., Нанба С. Б., Цомартова Ф. В. Социальная концепция права: новый подход // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 35.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие правоприменения в современном российском государстве должно быть стратегически выверенным и производным от баланса несхожих друг с другом интересов общества, государства и личности. Объективно правоприменение было и остается одним из наиболее значимых и социально чувствительных средств правозащиты. Однако его значение выходит далеко за рамки собственно правозащитной системы. Реализуя правозащитные функции, правоприменительная деятельность оказывает серьезное влияние на состояние практически всех сфер жизнедеятельности современного общества и государства: экономику, политику, духовно-нравственную и другие области. Неэффективное, коррумпированное, забюрократизированное, непрофессиональное правоприменение вносит элементы нестабильности во всю правовую систему общества. Вот почему анализ индивидуально-властных аспектов функционирования правозащитной системы современного государства имеет чрезвычайно важное научное и практическое значение.

В работе показано, что, будучи элементом правозащитной системы, правоприменительная деятельность приобретает ряд специфических характеристик, которые важно учитывать не только в общетеоретическом, но и в проблемно-практическом плане, в частности при выработке и реализации соответствующей правовой политики государства. Настоящее исследование подтверждает вывод о том, что основные проблемы правового регулирования в целом и правозащитного в частности в нашей стране сегодня находятся в сфере осуществления права. Поэтому требуют переосмысления и корректировки современные стратегии правового развития страны, которые, как правило, ориентируются на совершенствование законодательства и других источников права. Подобные политические установки, вольно или невольно, оставляют «в тени» обширную область проблем, связанных с практическим осуществлением права, — правореализацию.

Особым потенциалом в плане практического утверждения идеалов справедливости, законности, уважения прав личности и других обладает правоприменительная деятельность. К сожалению, этот потенциал не всегда используется результативно. Зачастую правоприменение выступает не как гарант, а как источник нарушения прав личности. В этом состоит одно из серьезных противоречий, требующих научно обоснованного решения. Его разрешение видится, в частности, на пути последовательного внедрения таких принципов, как правовая определенность, пропорциональность, разделение властей, независимость суда и др.

В частности, правоприменительная деятельность в условиях разделения властей в правовом государстве должна осуществляться на основе оптимального равновесия исполнительной, законодательной и судебной власти, самостоятельного и независимого механизма урегулирования социально-правовых конфликтов между участниками публично-правовых и частно-правовых отношений.

Возрастающая потребность во всестороннем гарантировании прав и свобод граждан ставит перед правозащитной системой и всеми обеспечивающими ее деятельность государственными и общественными институтами задачу достижения независимого, беспристрастного и справедливого правоприменения.

Существенная причина нарушения прав человека — пробелы в законодательстве, в результате которых граждане не могут реализовать свои права. Несоответствие друг другу различных нормативных актов запутывает правоприменительную практику, что также затрудняет использование людьми предоставленных им законом возможностей. В таких условиях государственные должностные лица еще в большей степени должны руководствоваться положениями статьи 18 Конституции Российской Федерации.

Особое значение должно уделяться правовому просвещению населения, так как только знающие о своих правах, существующих способах

их реализации и защиты граждане могут в полной мере и своевременно реализовать и отстоять их, обратившись за помощью к компетентным органам. Повышение уровня правовой грамотности населения несомненно повысит активность граждан в защите своих прав, что неизбежно приведет к более качественной работе должностных лиц.

Важным фактором правоприменительной деятельности является право на судебный контроль, позволяющее каждому обжаловать в суде действия и решения государственного органа, органа местного самоуправления, должностного лица или государственного служащего.

К сожалению, в последние годы нередки случаи, когда судебные органы избегают всестороннего рассмотрения жалоб на органы государственной власти; отмечается низкое качество правоприменительных процедур по защите прав человека, прежде всего в части обеспечения равенства сторон, всесторонности и полноты исследования обстоятельств дела, тщательности исследования доказательств, обоснованности выносимых решений.

Особую проблему составляет результативность правоприменения как его способность не только юридически, но и фактически способствовать устранению допускаемых нарушений прав человека и приведению в начальное правовое состояние через восстановление права, возмещение причиненного вреда или его компенсацию. Основным препятствием на пути достижения эффективности правовой защиты становится несвоевременность принятия решений и в особенности их неисполнение.

Со дня вступления в силу Конвенции о защите прав человека и основных свобод законодательство и правоприменительная практика России испытывают на себе усиливающееся влияние правовых стандартов Совета Европы в области прав и свобод человека.

Опыт Европейского суда по правам человека является для Российской Федерации не только образцом в плане прецедентов по конкретным категориям дел, но и примером того, как относительно недавний по времени

своего создания судебный орган смог завоевать высокий авторитет во всем мире беспристрастностью и юридической обоснованностью своих решений, последовательностью своих правовых позиций, высочайшим уровнем профессионализма судей.

В рамках настоящего исследования далеко не все из обозначенных проблем получили свое научное решение. Проблемы правоприменения требуют дальнейшего научного осмысления, в том числе с учетом объективного многообразия, усложнения и дифференциации форм проявления индивидуально-властной деятельности в современной России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Международные правовые акты

1. Венская декларация и Программа действий : принята 25 июня 1993 года Всемирной конференцией по правам человека // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.
2. Всеобщая декларация прав человека : принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.
3. Декларация прав человека и гражданина 1789 года // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года // Сб. док. Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью / сост.: Т. Н. Москалькова и др. — М., 1998.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1966 года // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. — М., 1990.
6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1966 года // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. — М., 1990.
7. Международные акты о правах человека : сборник документов / сост. и вступ. ст.: В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. — М. : Норма : Инфра-М, 1998. — 784 с.

II. Нормативно-правовые акты и официальные документы

8. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской

Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012. — (в ред. от 31.12.2014, с изм. от 21.03.2014). — СПС «Консультант Плюс».

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552. — (ред. от 05.05.2014). — СПС «Консультант Плюс».

11. Декларация прав и свобод человека и гражданина. Принята Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 года // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 52. — Ст. 1865.

12. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год // Российская газета. — 2011. — 13 мая. — № 5477.

13. О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления» : Федеральный закон Российской Федерации от 18 апреля 2005 года № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1. — Ст. 12.

14. О внесении изменения в статью 22 Федерального закона «О судебных приставах» : Федеральный закон от 22 июля 2008 года № 132-ФЗ // Российская газета. — 2008. — 30 июля. — № 4717.

15. О внесении изменения в статью 3 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» : Федеральный закон от 27 сентября 2009 года № 219-ФЗ // Российская газета. — 2009. — 30 сентября. — № 5007.

16. О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный Конституционный Закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 13. — Ст. 1447; 2001. — № 7. — Ст. 607; № 51. — Ст. 4824. — (в ред. от 04.06.2014). — СПС «Консультант Плюс».

17. О Правительстве Российской Федерации : Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 17 декабря 1997 года

№ 2-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 51. — Ст. 5712; 1998. — № 1. — Ст. 1. — (в ред. от 12.03.2014). — СПС «Консультант Плюс».

18. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 17 ноября 1995 года № 168-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 47. — Ст. 4472. — (с изм. от 05.06.2007). — СПС «Консультант Плюс».

19. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней : Федеральный закон от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 14. — Ст. 1514.

20. О ратификации Протокола № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вносящего изменения в контрольный механизм Конвенции, от 13 мая 2004 года : Федеральный закон от 4 февраля 2010 года № 5-ФЗ // Российская газета. — 2010. — 8 февраля. — № 5104.

21. О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека : Указ Президента Российской Федерации от 6 ноября 2004 года № 1417 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 46. — Ст. 4511. — (в ред. от 01.02.2011). — СПС «Консультант Плюс».

22. О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 22. — Ст. 2331. — (в ред. от 24.11.2014). — СПС «Консультант Плюс».

23. Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан : Федеральный закон от 27 апреля 1993 года № 4866-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1993. — № 19. — Ст. 685. — (в ред. от 09.02.2009). — СПС «Консультант Плюс».

24. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября

1999 года № 184-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 42. — Ст. 5005; 2000. — № 31. — Ст. 3205; 2001. — № 7. — Ст. 608; 2002. — № 19. — Ст. 1792; № 30. — Ст. 3024; № 50. — Ст. 4930; 2003. — № 27 (Ч. 2). — Ст. 2709. — (в ред. от 04.11.2014, с изм. от 12.04.2002). — СПС «Консультант Плюс».

25. Об общих принципах организации местного самоуправления : Федеральный закон Российской Федерации от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 35. — Ст. 3506; 1996. — № 17. — Ст. 1917; 1997. — № 12. — Ст. 1378, № 49. — Ст. 5500; 2000. — № 32. — Ст. 3330; 2003. — № 40. — Ст. 3822. — (в ред. от 21.07.2005). — СПС «Консультант Плюс».

26. Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 19 сентября 1997 года № 124-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 38. — Ст. 4339. — (в ред. от 10.07.2001, с изм. от 10.06.2002). — СПС «Консультант Плюс».

27. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 24. — Ст. 2253. — (в ред. от 24.11.2014, с изм. от 16.12.2014). — СПС «Консультант Плюс».

28. Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 9. — Ст. 1011. — (в ред. от 12.03.2014). — СПС «Консультант Плюс».

29. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 года // Российская газета. — 2012. — 13 декабря. — № 5960.

30. Стенограмма заседания Государственной думы ФС РФ от 20 декабря 2006 года // Бюллетень Стенограммы заседаний Государственной думы ФС РФ № 201 (915). Ч. 1. — С. 23—29.

31. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (часть I). — Ст. 4921. — (в ред. от 03.02.2015). — СПС «Консультант Плюс».

III. Судебная практика

32. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. — 2003. — № 12.

33. Дело «Аксой (Aksoy) против Турции» : Решение Европейского Суда по правам человека от 18 декабря 1996 года. — URL: <http://base.garant.ru/2561452/> (дата обращения: 20.12.2014).

34. Дело «Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) (Первая секция) : Постановление Европейского суда по правам человека от 24 июля 2003 года // Журнал российского права. — 2004. — № 5.

35. Дело «Свинаренко и Сляднев против России» [Svinarenko and Slyadnev v. Russia] (жалоба NN 32541/08 и 43441/08) (I Секция) (извлечение) : Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 17 июля 2014 года. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=406892> (дата обращения: 28.12.2014).

36. Исполнение постановлений Европейского суда по правам человека : Резолюция ПАСЕ № 1226 (2000) от 28 сентября 2000 года // Документы Совета Европы о совершенствовании контрольной системы Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1999—2006). Зарубежная практика конституционного правоприменения. — Вып. 122. — М., 2007.

37. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2003. — № 12. — (в ред. от 05.03.2013). — СПС «Консультант Плюс».

38. О проверке совместимости проектов законов, существующих законов и административной практики со стандартами, установленными в Европейской конвенции о правах человека : Рекомендация Комитета министров Совета Европы Res (2004) 5 от 12 мая 2004 года // Документы Совета Европы о совершенствовании контрольной системы Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1999—2006). Зарубежная практика конституционного правоприменения. — Вып. 122. — М., 2007.

39. По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А. В. Жмаковского : Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 года № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 19 (часть II). — Ст. 1923.

40. По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 05 февраля 2007 года № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 7. — Ст. 932.

41. По делу о проверке конституционности положений статей 9 и 10 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статей 181, 188, 195, 273, 290, 293 и 299 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Себ русский лизинг», общества с ограниченной ответственностью «Нефте-Стандарт» и общества с ограниченной ответственностью «Научно-производственное предприятие

«Нефте-Стандарт» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2008 года № 1-П // Российская газета. — 2008. — 26 янв. — № 4573.

42. По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президиума Ленинградского окружного военного суда : Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 года № 27-П // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 50. — Ст. 6670.

43. По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой : Постановление Конституционного суда РФ от 26 февраля 2010 года № 4-П // Российская газета. — 2010. — 12 марта. — № 5130.

44. Решение Европейского Суда о приемлемости жалобы «Андерсон против Соединенного Королевства» № 44958/98, р. 8. — URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 22.05.2010).

IV. Монографии

45. Абдулаев, М. И. Права человека и закон: историко-теоретические аспекты : науч.-практ. издание / М. И. Абдулаев. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 322 с.

46. Абросимова, Е. Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы / Е. Б. Абросимова. — М. : Институт права и публичной политики, 2002. — 160 с.

47. Азаров, А. Защита прав человека. Международные и российские механизмы / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер. — М. : Московская школа прав человека, 2000. — 392 с.

48. Анисимов, П. В. Права человека и правозащитное регулирование: Проблемы теории и практики : монография / П. В. Анисимов. — Волгоград : Изд-во ВА МВД России, 2004. — 252 с.
49. Анисимов, П. В. Правовое регулирование защиты прав человека : монография / П. В. Анисимов, Н. В. Папичев. — Волгоград : ВА МВД России, 2003. — 176 с.
50. Анисимов, П. В. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека (проблемы теории и практики) : монография / П. В. Анисимов, А. И. Рулев. — Волгоград : ВА МВД России, 2010. — 196 с.
51. Анисимов, П. В. Теоретико-правовые и организационные основы правозащитной системы в Российской Федерации : монография / П. В. Анисимов, Л. В. Медведицкова. — Волгоград : ВА МВД России, 2007. — 152 с.
52. Анишина, В. И. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации: формирование, содержание и перспективы развития : монография / В. И. Анишина. — М. : РАП, 2006. — 272 с.
53. Байтин, М. И. Право и правовая система: вопросы соотношения / М. И. Байтин // Вопросы общей теории государства и права. — Саратов : Изд-во СГАП, 2006. — С. 182—199.
54. Брайнин, Я. М. Уголовный закон и его применение / Я. М. Брайнин. — М. : Юрид. лит., 1967. — 240 с.
55. Бурков, А. Л. Конвенция о защите прав человека в судах России / А. Л. Бурков. — М. : Волтерс Клувер, 2010. — 448 с.
56. Варламова, Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права / Н. В. Варламова. — СПб., 2010. — 140 с.
57. Верховенство права как фактор экономики : международная коллективная монография / под ред. Е. В. Новиковой, А. Г. Федотова, А. В. Розенцвайга, М. А. Субботина. — М. : Мысль, 2013. — 673 с.
58. Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности : монография / Н. В. Витрук. — М. : Норма, 2008. — 210 с.

59. Власенко, Л. В. Налоговые правовые позиции судов: теория и практика : монография / Л. В. Власенко. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. — 159 с.
60. Воеводин, Л. Д. Социально-правовой механизм осуществления прав, свобод и обязанностей граждан и место в нем правоприменения / Л. Д. Воеводин // Правоприменение в Советском государстве / Е. В. Болдырев, С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров, Л. Д. Воеводин и др. ; отв. ред.: И. Н. Кузнецов, И. С. Самощенко. — М. : Юрид. лит., 1985. — С. 159—170.
61. Вопленко, Н. Н. Очерки общей теории права : монография / Н. Н. Вопленко. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. — 898 с.
62. Вопленко, Н. Н. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции : монография / Н. Н. Вопленко, А. П. Рожнов. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. — С. 62—71.
63. Вороненков, Д. Н. Судебная власть в Российской Федерации / Д. Н. Вороненков. — М. : Изд-во ГД ФС РФ, 2006.
64. Воскобитова, М. Р. Общие стандарты и реалии транспарентности судебной власти / М. Р. Воскобитова // Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. — М. : Мысль, 2012. — С. 533—584.
65. Гессен, И. В. Судебная реформа в прошлом и настоящем / И. В. Гессен, В. М. Жуйков. — М. : Статут, 2007. — 415 с.
66. Глухарева, Л. И. Права человека в современном мире: социально-философские основы и государственно-правовое регулирование / Л. И. Глухарева. — М. : Юристъ, 2003. — 304 с.
67. Гомьен, Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право, практика / Д. Гомьен, Д. Харрисон, Л. Зваак ; науч. ред. Л. Б. Архипова ; пер. с англ. — М. : Изд-во МНИМП, 1998. — 600 с.
68. Горшенев, В. М. Процессуальная форма и ее социально-юридические возможности в социалистическом обществе / В. М. Горшенев, П. Е. Недбайло

- // Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под ред. В. М. Горшенева, П. Е. Недбайло. — М. : Юрид. лит., 1976. — С. 7—53.
69. Горшкова, С. А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство : монография / С. А. Горшкова. — М. : НИМП, 2001. — 352 с.
70. Гредескул, Н. А. К учению об осуществлении права: Интеллектуал. процесс, требующийся для осуществления права : социально-юридическое исследование / Н. А. Гредескул. — Харьков : тип. А. Дарре, 1900. — 235 с.
71. Дюрягин, И. Я. Применение норм советского права: теоретические вопросы / И. Я. Дюрягин. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. — 247 с.
72. Жуйков, В. М. Судебная реформа: проблемы доступа к правоприменению. — М. : Статут, 2006. — 283 с.
73. Зинатуллин, З. З. Защита прав и законных интересов обвиняемого — функция российского уголовного процесса : монография / З. З. Зинатуллин, И. Р. Кузуб. — Ижевск : Детектив-Информ, 2000.
74. Зорькин, В. Д. Конституционно-правовое развитие России / В. Д. Зорькин. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. — 720 с.
75. Зорькин, В. Д. Правоприменение как стратегическая проблема / В. Д. Зорькин // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Волкова. — М. : Статут, 2011. — С. 15—24.
76. Зорькин, В. Д. Россия и Конституция в XXI веке / В. Д. Зорькин. — 2-е изд., доп. — М. : Норма, 2008. — 592 с.
77. Зорькин, В. Д. Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. — М. : Норма, 2010. — 544 с.
78. Изварина, А. Ф. Судебная власть в Российской Федерации: содержание, организация, формы / А. Ф. Изварина. — Ростов н/Д : Феникс, 2005. — 344 с.
79. Ишеков, К. А. Реализация конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти: конституционно-

правовое исследование : монография / К. А. Ишеков. — М. : РПА Минюста России, 2013. — 276 с.

80. Кант, И. Метафизика нравов / И. Кант // Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса и др. — М. : Мысль, 1965. — Т. 4. — Ч. 1. — 544 с.

81. Карташкин, В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации : монография / В. А. Карташкин. — М. : Норма : Инфра-М, 2011. — 287 с.

82. Карташов, В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / В. Н. Карташов. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1989. — 218 с.

83. Кашанин, А. В. Общетеоретические основания исследования проблем правоприменения / А. В. Кашанин, С. В. Третьяков // Правоприменение: теория и практика : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. — М. : Формула права, 2008. — С. 12—148.

84. Клеандров, М. И. Экономическое правоприменение в России: прошлое, настоящее, будущее / М. И. Клеандров. — М. : Волтерс Клувер, 2006.

85. Кожев, А. Понятие власти / А. Кожев. — М. : Праксис, 2007. — 192 с.

86. Колоколов, Н. А. Право, закон, судебный прецедент: российский вариант : монография / Н. А. Колоколов, С. Г. Павликов. — М. : Юрист, 2008. — 92 с.

87. Колоколов, Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен / Н. А. Колоколов. — М. : Юрист, 2007. — 328 с.

88. Комаров, С. А. Личность. Права и свободы. Политическая система / С. А. Комаров, И. В. Ростовщиков. — СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2002. — 334 с.

89. Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст : аналитический доклад / отв. ред. А. Н. Медушевский. — М. : Институт права и публичной политики, 2014. — 76 с.

90. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий, постатейный / под ред. Ю. А. Дмитриева. — М. : Юстицинформ, 2007. — 616 с.
91. Коркунов, Н. М. Указ и закон / Н. М. Коркунов. — СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1894. — VIII, 408 с.
92. Красногорова, А. С. Доступная юридическая помощь по гражданским делам : монография / А. С. Красногорова. — М. : ИНФРА-М, 2012. — 100 с.
93. Крусс, В. И. Теория конституционного правопользования / В. И. Крусс. — М. : Норма, 2007. — 752 с.
94. Кудрявцев, В. Н. Право и поведение / В. Н. Кудрявцев. — М. : Юрид. лит., 1978. — 191 с.
95. Курбатов, А. Я. Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России / А. Я. Курбатов. — М. : Юстицинформ, 2013. — 172 с.
96. Лазарев, В. В. Эффективность правоприменительных актов. Вопросы теории / В. В. Лазарев ; науч. ред. А. К. Безина. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1975. — 207 с.
97. Лазарева, В. А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу : монография / В. А. Лазарева. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 168 с.
98. Лемешева, Ю. В. Применение права органами публичной власти / Ю. В. Лемешева, Е. А. Мишина // Правоприменение: теория и практика : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. — М. : Формула права, 2008. — С. 170—197.
99. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения : в 3 т. — М. : Мысль, 1988. — Т. 3. — С. 137—405.
100. Малько, А. В. Теория правовой политики : монография / А. В. Малько. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 328 с.
101. Матузов, Н. И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. — Саратов : Изд-во СГАП, 2003. — 512 с.

102. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. — 294 с.
103. Миронов, М. А. Обращения граждан как элемент системы защиты прав человека и основных свобод: право и практика / М. А. Миронов. — М. : Юридическая литература, 2001. — 392 с.
104. Мишина, Е. Судейское усмотрение и правоприменение / Е. Мишина // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Волкова. — М. : Статут, 2011. — С. 108—115.
105. Монтескье, Ш. Л. О духе законов, или Об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д. : К чему авт. прибавил новые исслед. о законах рим., касающихся наследования, о законах фр. и о законах феодал. / Ш. Л. Монтескье ; пер. с фр. — СПб. : Л. Ф. Пантелеев, 1900. — 706 с.
106. Мордовец, А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / А. С. Мордовец ; под ред. Н. И. Матузова. — Саратов : Изд-во Сарат. ВШ МВД РФ, 1996. — 286 с.
107. Нешатаева, Т. Н. Карьерное продвижение судьи // Модернизация статуса судьи: современные международные подходы : монография / отв. ред. Т. Н. Нешатаева. — М. : Норма : Инфра-М, 2011. — С. 187—203.
108. Пашин, С. А. Становление правосудия / С. А. Пашин. — М. : Р. Валент, 2011. — 456 с.
109. Петрухин, И. Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И. Л. Петрухин, Г. П. Батуров, Т. Г. Морщакова. — М. : Наука, 1979. — 392 с.
110. Пиголкин, А. С. Понятие правоприменения и его место в механизме социального регулирования / А. С. Пиголкин // Правоприменение в Советском государстве / Е. В. Болдырев, С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров, Л. Д. Воеводин и др. ; отв. ред.: И. Н. Кузнецов, И. С. Самощенко. — М. : Юрид. лит., 1985. — С. 5—38.

111. Поляков, М. П. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве : монография / М. П. Поляков, А. Ю. Смолин. — Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2011. — 152 с.
112. Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Волкова. — М. : Статут, 2011. — 317 с.
113. Правоприменение в Советском государстве / Е. В. Болдырев, С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров, Л. Д. Воеводин и др. ; отв. ред.: И. Н. Кузнецов, И. С. Самощенко. — М. : Юрид. лит., 1985. — 304 с.
114. Правоприменение: теория и практика / Н. Т. Вишневская, Е. Б. Ганюшкина, И. В. Гетьман-Павлова и др. ; отв. ред.: Ю. А. Тихомиров. — М. : Формула права, 2008. — 432 с.
115. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — Саратов : Изд-во СГАП, 2010. — 701 с.
116. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Е. В. Аграновская, Н. В. Витрук, Л. Н. Завадская и др. — М. : Наука, 1983. — 264 с.
117. Росинский, В. В. Конституционные основы правозащитной деятельности Прокуратуры Российской Федерации / В. В. Росинский. — М. : Альфа-М, 2010. — 222 с.
118. Ростовщиков, И. В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел / И. В. Ростовщиков. — Волгоград : Изд-во ВЮИ МВД России, 1997. — 192 с.
119. Рудковский, В. А. Правовая политика и осуществление права : монография / В. А. Рудковский ; под ред. Н. Н. Вопленко. — Волгоград : ВА МВД России, 2009. — 336 с.
120. Рыбаков, О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности : монография / О. Ю. Рыбаков. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 352 с.

121. Рябко, А. И. Правосудие и формы права: проблемы взаимной эволюции : монография / А. И. Рябко, О. Н. Василенко. — СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. — 113 с.
122. Синюков, В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В. Н. Синюков. — 2-е изд., доп. — М. : Норма, 2010. — 672 с.
123. Соломон, П. Подотчетность судей в посткоммунистических государствах: от бюрократической к профессиональной подотчетности / П. Соломон // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования. — М. : Статут, 2011. — С. 80—107.
124. Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации / сост. Э. А. Чиркин ; отв. ред. В. С. Нерсесянц. — М. : Юрид. лит., 1990. — 320 с.
125. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. — М. : Мысль, 2012. — 584 с.
126. Стремоухов, А. В. Правовая защита человека: теоретические проблемы : монография / А. В. Стремоухов ; под ред. В. П. Сальникова. — СПб. : Фонд «Университет», 2001. — 416 с.
127. Стремоухов, А. В. Человек и его правовая защита: Теоретические проблемы / А. В. Стремоухов. — СПб., 1996. — 375 с.
128. Строгович, М. С. Социалистическая законность и применение советского права / М. С. Строгович // Избранные труды : в 3 т. — М. : Наука, 1990. — Т. 1. Проблемы общей теории права. — 304 с.
129. Судебная власть в России: История, документы : в 6 т. / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин. — Т. 1: Начала формирования судебной власти. — М. : Мысль, 2003. — 701 с.
130. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров. — М. : Формула права, 2010. — 398 с.
131. Ткаченко, Ю. Г. Нормы социалистического права и их применение / Ю. Г. Ткаченко. — М. : Госюриздат, 1955. — 67 с.

132. Толкачев, К. Б. Личные конституционные права граждан СССР: система, характеристики, особенности реализации / К. Б. Толкачев, А. Г. Хабибуллин. — Уфа : Уфимская ВШ МВД, 1990.
133. Толкачев, К. Б. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан / К. Б. Толкачев, А. Г. Хабибуллин. — Уфа, 1991. — 267 с.
134. Трунов, И. Л. Защита прав личности в уголовном процессе / И. Л. Трунов. — М. : Юриспруденция, 2005. — 304 с.
135. Уздимаева, Н. И. Правовая самозащита : концептуально-проблемные основы теории : монография / Н. И. Уздимаева. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. — 108 с.
136. Фетищев, Д. В. Судебная власть в современном государстве: сравнительно-правовое исследование (история, теория, практика) : монография / Д. В. Фетищев. — М. : Научная книга, 2007. — 312 с.
137. Филатова, М. А. Европейские стандарты правосудия по гражданским делам и их значение для российской правовой системы / М. А. Филатова // Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. — М. : Мысль, 2012. — С. 23—210.
138. Фихте, И. Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / Фихте И. Г. ; пер. с нем. А. К. Судакова. — М. : Канон+ : Реабилитация, 2014. — 392 с.
139. Фомин, А. А. Юридическая безопасность субъектов российского права / А. А. Фомин ; под ред. И. Н. Сенякина. — Саратов : Изд-во СГАП, 2005. — 332 с.
140. Хабриева, Т. Я. Теория современной конституции / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин. — М. : Норма, 2007. — 319 с.
141. Хук, Марк ван. Право как коммуникация / Марк ван Хук ; пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. — СПб. : Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. — 288 с.

142. Цыганаш, В. Н. Судебная власть: понятие, технология, институт. (Концептуальный теоретико-правовой анализ) : монография / В. Н. Цыганаш. — Ростов : РЮИ РПА Минюста РФ, 2009. — 304 с.
143. Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В. С. Шадрин. — М. : Юрлитинформ, 2000. — 232 с.
144. Шевцов, В. С. Права человека и государство в Российской Федерации : монография / В. С. Шевцов. — М. : Профобразование, 2002. — 440 с.
145. Энтин, М. Л. Международные гарантии прав человека: опыт Совета Европы / М. Л. Энтин. — М. : Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1997. — 294 с.
146. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. — М. : Юрид. лит., 1976. — 280 с.
147. Явич, Л. С. Сущность права: Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений / Л. С. Явич. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. — 207 с.

V. Учебные издания

148. Алексеев, С. С. Общая теория права : курс в 2 т. / С. С. Алексеев. — М. : Юрид. лит., 1981. — Т. 1. — 359 с.
149. Алексеев, С. С. Собрание сочинений : в 10 т. / С. С. Алексеев. — М. : Статут, 2010. — Т. 3 : Проблемы теории права: курс лекций. — 782 с.
150. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов / М. В. Баглай, Б. Н. Габричидзе. — М. : ИНФРА-М : КОДЕКС, 1996.
151. Бутнев, В. В. Актуальные проблемы гражданского процессуального права : учеб. пособие / В. В. Бутнев, Н. Н. Тарусина. — Ярославль : ЯрГУ, 2012. — 160 с.
152. Вопленко, Н. Н. Реализация права: учеб. пособие / Н. Н. Вопленко. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. — 48 с.

153. Гревцов, Ю. И. Социология права: курс лекций / Ю. И. Гревцов. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. — 312 с.
154. Гуценко, К. Ф. Правоохранительные органы: учебник для юридических вузов и факультетов / К. Ф. Гуценко, М. А. Ковалев ; под ред. К. Ф. Гуценко. — М. : ЗЕРЦАЛО, 2007. — 440 с.
155. Карташов, В. Н. Юридическая практика / В. Н. Карташов // Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. — Н. Новгород : Изд-во ВШ МВД РФ, 1993. — 544 с.
156. Кокошкин, Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2004. — 260 с.
157. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов ; сост., авт. вступ. ст. и коммент.: А. Н. Медушевский. — М. : РОССПЭН, 2010. — 519 с.
158. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник / М. Н. Марченко. — М. : Проспект, 2006. — 755 с.
159. Мовчан, А. П. Принципы всеобщего уважения прав человека и основных свобод // Курс международного права : в 7 т. / отв. ред. И. И. Лукашук. — М. : Наука, 1989. — Т. 2: Основные принципы международного права. — С. 148.
160. Нерсисянц, В. С. Общая теория права и государства : учеб. для юрид. вузов и факультетов / В. С. Нерсисянц. — М. : Норма, 2001. — 539 с.
161. Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел : курс лекций / под ред. А. С. Мордовца. — Саратов : Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2007. — 248 с.
162. Общая теория государства и права: Академ. курс в 2 т. / ред. М. Н. Марченко. — М. : Зерцало, 1998. — Т. 1: Теория государства. — 416 с.
163. Общая теория государства и права: Академ. курс в 2 т. / ред. М. Н. Марченко. — М. : Зерцало, 1998. — Т. 2: Теория государства. — 640 с.

164. Общая теория прав человека / под ред. Е. А. Лукашевой. — М. : Норма, 1996. — 509 с.
165. Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. — 2-е изд., перераб. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. — 559 с.
166. Правоохранительные органы РФ : учебник / под ред. В. П. Божьева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2011. — 333 с.
167. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / Н. Н. Розин. — 3-е изд. — Петроград : Право, 1916. — 603 с.
168. Рудинский, Ф. М. Личность и социалистическая законность : учебное пособие / Ф. М. Рудинский. — Волгоград, 1976. — 115 с.
169. Рустамов, Х. У. Судебная власть : учебник для вузов / Х. У. Рустамов, А. С. Безнасюк. — М. : Закон и право : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. — 455 с.
170. Савельева, Т. А. Судебная власть в гражданском процессе : учебное пособие / Т. А. Савельева. — Саратов : Изд-во СГАП, 1997.
171. Саидов, А. Х. Общепризнанные права человека : учебное пособие / А. Х. Саидов. — М. : МЗ Пресс, 2004. — 268 с.
172. Сергеев, Л. П. Право на защиту репутации : в помощь лектору / Л. П. Сергеев. — Л. : Знание, 1989. — 32 с.
173. Тарановский, Ф. В. Энциклопедия права : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям / Ф. В. Тарановский. — 3-е изд. — СПб. : Университет, 2001. — 552 с.
174. Тихомиров, Ю. А. Курс сравнительного правоведения / Ю. А. Тихомиров. — М. : Норма, 1996. — 432 с.
175. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / отв. ред. П. А. Lupинская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2010. — 1087 с.
176. Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. — Москва : Зерцало, 2007. — 707 с.

177. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов / А. Ф. Черданцев. — М. : Юрайт, 2000. — 432 с.
178. Четвернин, В. А. Введение в курс общей теории права и государства : учебное пособие / В. А. Четвернин. — М. : Институт государства и права РАН, 2003. — 204 с.

VI. Научные статьи

179. Аверьянов, К. Ю. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников права / К. Ю. Аверьянов // Актуальные проблемы российского права. — 2012. — № 2 (23). — С. 275—284.
180. Амосов, С. Формирование внутреннего убеждения / С. Амосов // Правосудие в Восточной Сибири. — 2003. — № 4 (12).
181. Анисимов, П. В. О методологическом и практическом значении права человека на правовую защиту в формировании правозащитного направления отечественной юридической науки / П. В. Анисимов // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород : Открытое Общество, 2003. — С. 33—45.
182. Антошина, А. Закон о государственной защите свидетелей / А. Антошина // Российская юстиция. — 2004. — № 1. — С. 20—21.
183. Байтин, М. И. Взаимосвязь системы права и системы законодательства / М. И. Байтин, Д. Е. Петров // Вопросы теории государства и права: актуальные проблемы современного Российского государства и права : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. И. Байтина. — Саратов, 2007. — Вып. 6 (15). — С. 5—14.
184. Белов, С. Дмитрий Медведев предложил достойно отметить юбилей СНГ / С. Белов // Российская газета. — 2010. — 5 февр. — № 5103.
185. Брусницын, Л. Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК / Л. Брусницын // Российская юстиция. — 2003. — № 5. — С. 48—50.

186. Булаков, О. Н. Научно-практическая конференция «Судебная власть России: история, теория и практика» / О. Н. Булаков // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 1. — С. 85—86.
187. Бурков, А. Как судьи и адвокаты применяют Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод / А. Бурков // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. — М. : Статут, 2012. — С. 326—340.
188. Буторова, О. Реализация конституционного принципа презумпции невиновности в уголовном процессе / О. Буторова // Право и жизнь. — 1998. — № 18. — С. 22—30.
189. Ванеева, Л. А. Конкретизация в ГПК РСФСР права граждан на судебную защиту / Л. А. Ванеева // Проблемы применения и совершенствования ГПК РСФСР : сб. науч. тр. — Калинин : Изд-во Калинин-университета, 1984. — С. 37—40.
190. Варданян, Д. С. Совершенствование законодательства в сфере правозащитных отношений / Д. С. Варданян // Защита субъективных прав: история и современные проблемы : сб. ст. по итогам Международной научно-практической конференции, г. Волжский, 26 апреля 2006 г. — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2006. — С. 43—48.
191. Варламова, Н. В. Принцип пропорциональности как основа осуществления публично-властных полномочий / Н. В. Варламова // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева / отв. ред. А. М. Ширвиндт. — М. : Статут, 2014. — С. 4—31.
192. Васильева, Л. Н. Обсуждение законопроекта о поправке к Конституции РФ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» / Л. Н. Васильева // Журнал российского права. — 2013. — № 12. — С. 136—140.
193. Власенко, Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения / Н. А. Власенко // Журнал российского права. — 2013. — № 2. — С. 32—44.

194. Власов, Д. С. О понятии правовой позиции международных судов / Д. С. Власов // Российский юридический журнал. — 2005. — № 2 (46). — С. 12—20.
195. Вороненков, Д. Н. Судебный контроль в механизме разделения властей / Д. Н. Вороненков // Право и государство: теория и практика. — 2009. — № 8 (56). — С. 143—147.
196. Гаврикова, Л. Н. Эффективность деятельности судебной власти по обеспечению прав и свобод человека и гражданина / Л. Н. Гаврикова // Бизнес в законе. — 2009. — № 3. — С. 48—52.
197. Гарантии прав человека в России: проблемы и решения : материалы международной научно-практической конференции «Социально-правовые аспекты защиты прав человека в Российской Федерации», 26 февраля 2008 г. — Владивосток : ТГЭУ, 2008. — 372 с.
198. Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. — 2002. — № 1. — С. 3—50.
199. Грачева, С. А. Обеспечение прав человека в рамках европейской и межамериканской интеграции (компаративистский анализ) / С. А. Грачева, Е. Е. Рафалюк // Журнал российского права. — 2014. — № 12. — С. 109.
200. Грудцына, Л. Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России / Л. Ю. Грудцына ; под ред. Н. А. Михалевой. — М. : Деловой двор, 2008. — 352 с.
201. Гукасян, Р. Е. Реализация конституционного права на судебную защиту / Р. Е. Гукасян // Избранные труды по гражданскому процессу. — М. : Проспект, 2008.
202. Дмитриев, Ю. А. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека / Ю. А. Дмитриев, Г. Г. Черемных // Государство и право. — 1997. — № 8. — С. 44—50.

203. Европейский суд по правам человека: правила обращения и судопроизводства : сб. ст. и док. / под общ. ред. А. В. Деменевой, Б. Петранова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. — 200 с.
204. Ефремова, Н. Н. Судебные реформы в России: пути утверждения идей и ценностей правоприменения / Н. Н. Ефремова // Политико-правовые ценности: история и современность. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — С. 226—252.
205. Ефремова, Н. Н. Понятие российского правосудия дореформенного периода в контексте отечественной историографии / Н. Н. Ефремова // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». — 2012. — № 2. — С. 38—44.
206. Зорькин, В. Д. Россия: движение к праву или хаосу? Социально-государственный кризис и правовая система / В. Д. Зорькин // Российская газета. — 2012. — № 5688. — 26 января. — С. 15.
207. Иванов, А. А. Влияние Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на развитие правовых систем европейских стран / А. А. Иванов // Права человека: практика Европейского суда по правам человека. — 2006. — № 9.
208. Игнатенко, Г. В. Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия : сб. научных публикаций за сорок лет (1972—2011 годы) / Г. В. Игнатенко. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. — 416 с.
209. Иншакова, А. О. Правовые стандарты Совета Европы в России / А. О. Иншакова // Обозреватель — Observer. — 2009. — № 9. — Т. 236. — С. 124—126.
210. Каламкарян, Р. А. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь. (Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека) / Р. А. Каламкарян // Государство и право. — 2000. — № 3. — С. 37—50.
211. Каламкарян, Р. А. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь. (Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию

- Всеобщей декларации прав человека). (Окончание) / Р. А. Каламкарян // Государство и право. — 2000. — № 4. — С. 31—41.
212. Карташкин, В. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и становление правового государства в России / В. А. Карташкин // Права человека и политическое реформирование (юридические, этические, социально-психологические аспекты) / отв. ред. Е. А. Лукашева. — М. : ИГП РАН, 1997. — С. 56.
213. Карташов, В. Н. Правозащитные системы: понятие, основные типы и принципы / В. Н. Карташов // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород : Открытое общество, 2003. — С. 11—22.
214. Кирчак, А. П. К законопроекту Верховного Суда Российской Федерации о вознаграждении за медленное судопроизводство / А. П. Кирчак // Российский судья. — 2009. — № 11. — С. 34—35.
215. Ковлер, А. И. Надзорная инстанция в системе гражданского судопроизводства в России: взгляд из Страсбурга / А. И. Ковлер // Закон. — 2009. — № 5. — С. 121—128.
216. Колосова, Н. М. О конституционном праве каждого на международную судебную защиту в России / Н. М. Колосова // Журнал российского права. — 2012. — № 4. — С. 72—77.
217. Колотова, Н. В. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Колотова Н. В. // Государство и право. — 2001. — № 5. — С. 89—102.
218. Крашенинников, Е. А. Право на обращение в суд за судебной защитой / Е. А. Крашенинников // Проблемы применения и совершенствования ГПК РСФСР : сб. науч. тр. — Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1984. — С. 40—42.
219. Лазарев, В. В. Место и роль суда в правовой системе / В. В. Лазарев // Журнал российского права. — 2014. — № 10. — С. 17—30.
220. Лазарев, В. В. Место решений Европейского Суда по правам человека в национальной правовой системе / В. В. Лазарев, Е. Н. Мурашова // Журнал российского права. — 2007. — № 9. — С. 110—124.

221. Лазарев, В. В. Нормативная природа судебного прецедента / В. В. Лазарев // Журнал российского права. — 2012. — № 4. — С. 92—99.
222. Лапаева, В. В. Правовая демократия и правовой суверенитет как альтернативы «суверенной демократии» / В. В. Лапаева // Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Алферова. — М., 2010. — 282 с.
223. Липинский, Д. А. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования / Д. А. Липинский // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. — 2010. — № 4. — С. 55—62.
224. Липинский, Д. А. Юридическая ответственность как институт права / Д. А. Липинский // Юрист. — 2013. — № 12. — С. 3—7.
225. Люблинский, П. И. Суд и права личности / П. И. Люблинский // Суд и права личности : сб. ст. / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. — М. : Статут : РАП, 2005. — С. 32—70.
226. Макарова, З. В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы / З. В. Макарова // Правоведение. — 2000. — № 3. — С. 217—231.
227. Макарова, О. В. Разъяснения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ как форма судебного надзора / О. В. Макарова // Журнал российского права. — 2012. — № 6. — С. 74—79.
228. Максимов, С. И. Дискурсивно-экзистенциальная природа прав человека / С. И. Максимов // Антропологія права : філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): статті учасників VII Міжнародного «круглого столу» (м. Львів, 9—10 грудня 2011 року). Львів : Галиц. друкар, 2011. — Вип. 7. — С. 330—343.
229. Медведицкова, Л. В. Правозащитные государственные органы и общественные организации Российской Федерации / Л. В. Медведицкова // Право как ценность и средство государственного управления обществом : сб.

науч. тр. / редкол.: П. В. Анисимов (отв. ред.) и др. — Волгоград : ВА МВД России, 2005. — Вып. 2. — С. 183—188.

230. Молодкин, Н. Е. Роль судов в защите прав и свобод человека и гражданина / Н. Е. Молодкин // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сб. ст. — Н. Новгород : Открытое Общество, 2003. — С. 113—116.

231. Морщакова, Т. Г. Кризис правосудия? // Открытые глаза российской Фемиды / М. А. Краснов, Е. А. Мишина ; под ред. Т. Г. Морщаковой. — М. : Фонд «Либеральная миссия», 2007. — С. 4—18.

232. Новикова, И. В. Судебный нормоконтроль как способ судебной защиты местного самоуправления / И. В. Новикова // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития : материалы всерос. науч.-практ. конф., Воронеж, 14—15 нояб. 2003 г. : в 5 ч. — Воронеж, 2004. — Ч. 1: Конституционное и международное право, теория государства и права. — С. 308—316.

233. Оробец, В. М. Специализированные трудовые суды: зарубежный опыт и российское законодательство / В. М. Оробец // Журнал российского права. — 2003. — № 9. — С. 96—107.

234. Павлушкин, А. В. Судебная практика в механизме правового мониторинга / А. В. Павлушкин, М. Е. Глазкова, Е. В. Черепанова // Журнал российского права. — 2013. — № 8. — С. 57—67.

235. Петрухин, И. Л. Правосудие в системе государственных функций / И. Л. Петрухин // Правоведение. — 1983. — № 3. — С. 36—43.

236. Пиголкин, А. С. Правовая система России в условиях глобализации / А. С. Пиголкин // Правовая система России в условиях глобализации : сб. материалов «круглого стола» / под ред. Н. П. Колдаевой, Е. Г. Лукьяновой. — М., 2005. — С. 66—67.

237. Пиголкин, А. С. Язык советского закона и юридическая терминология / А. С. Пиголкин // Правоведение. — 1968. — № 5. — С. 45—51.

238. Поляков, А. В. Нормативность правовой коммуникации / А. В. Поляков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2011. — № 5. — С. 27—45.
239. Поляков, С. Б. Функции юридической аргументации в юридической практике / С. Б. Поляков // Юридическая техника. Ежегодник. Третьи Бабаевские чтения: Юридическая аргументация: теория, практика, техника. — 2003. — № 7, Ч. 1. — С. 287—294.
240. Права человека в России и правозащитная деятельность государства : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 12 мая 2003 г. / под ред. В. Н. Лопатина. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 399 с.
241. Пряхина, Т. М. Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России / Т. М. Пряхина, Е. В. Розанова // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». — 2010. — № 2 (6). — С. 80—87.
242. Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород : Открытое Общество, 2003. — 635 с.
243. Ростовщиков, И. В. Гарантии обеспечения прав и свобод человека в механизме их реализации / И. В. Ростовщиков // Право. Законность. Демократия : сб. науч. тр. / отв. ред. И. В. Ростовщиков. — Волгоград : ВА МВД России, 2003. — С. 4—15.
244. Рулев, А. И. О роли судебного толкования права в механизме защиты прав человека / А. И. Рулев // Современные гуманитарные проблемы : сб. науч. тр. — Волгоград : ВА МВД России, 2008. — Вып. 8. — С. 72—80.
245. Савицкий, В. М. Организация судебной власти / В. М. Савицкий // Становление судебной власти в обновляющейся России / Л. М. Карнозова, А. М. Ларин, Э. Б. Мельникова, И. Л. Петрухин. — М. : Изд-во ИГиП РАН, 1997. — С. 3—16.
246. Сальников, В. П. Современная система защиты прав человека / В. П. Сальников, В. В. Цмай // Правоведение. — 1999. — № 1. — С. 92—98.

247. Совершенствование взаимодействия общественных, правозащитных организаций и органов прокуратуры в вопросах защиты прав и свобод граждан : материалы «круглого стола», 12 мая 2004 г. / под общ. ред. В. Г. Бессарабова, А. И. Рыбчинского, И. В. Михалевича. — М. : Моск. Хельсинск. группа, 2004. — 150 с.
248. Султанов, А. Р. Должная правовая процедура и правовые стандарты Европейского суда по правам человека / А. Р. Султанов // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 1. — С. 62—65.
249. Тархов, В. А. Конституционные отношения / В. А. Тархов // Правоведение. — 1981. — № 2. — С. 20—28.
250. Терехин, В. А. Независимое правосудие как важнейший фактор становления гражданского общества / В. А. Терехин, В. Б. Вершинин // Правовые основы формирования гражданского общества в современной России / под общ. ред. А. В. Малько, К. А. Струсь. — Пятигорск-Саратов-Москва, 2010. — С. 232—241.
251. Терехин, В. А. Судейская дисциплина и ответственность — гарантия прав граждан / В. А. Терехин // Журнал российского права. — 2001. — № 8. — С. 26—34.
252. Тихомиров, Ю. А. Социальная концепция права: новый подход / Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба, Ф. В. Цомартова // Журнал российского права. — 2014. — № 8. — С. 32—37.
253. Феофанов, Ю. Российская власть под судом права / Ю. Феофанов // Российская юстиция. — 2001. — № 10. — С. 12—13.
254. Хартвич, М. Защита прав человека в Федеративной Республике Германии / М. Хартвич // Защита прав человека в современном мире : сб. ст. — М., 1993.
255. Холлинер, Д. Ведение дел в российских судах в расчете на разбирательство в Страсбурге / Д. Холлинер // Обращение в Европейский Суд по правам человека / под общ. ред. Ф. Лича. — М. : Мемориал, 2006. — С. 2.

256. Чекулаев, Д. Применение мер безопасности в отношении потерпевших и других участников процесса / Д. Чекулаев // Законность. — 2005. — № 5. — С. 30—32.
257. Честнов, И. Л. Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии / И. Л. Честнов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2014. — № 5 (316). — С. 31—41.
258. Шейфер, С. А. Понятие судебной власти и ее функции / С. А. Шейфер, В. А. Яблоков // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность : сб. тр. — Самара, 1999. — 246 с.
259. Ярошенко, Н. И. Основные направления реформирования судов общей и специальной юрисдикции / Н. И. Ярошенко // Журнал российского права. — 2012. — № 4. — С. 64—71.
260. Vasak, K. The Council of Europe / K. Vasak // The International Dimensions of Human Rights. — Paris, 1982. — Vol. 2. — P. 673.

VII. Авторефераты диссертаций и диссертации

261. Барбакадзе, Е. Т. Гарантии объективного и справедливого судебного разбирательства гражданских дел в судах общей юрисдикции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Е. Т. Барбакадзе. — Саратов, 2014. — 177 с.
262. Варданян, Д. С. Российская правозащитная система и личность: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д. С. Варданян. — Волгоград, 2007. — 26 с.
263. Вершинин, В. Б. Судебная защита как комплексный институт российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. Б. Вершинин. — Саратов, 2011. — 26 с.
264. Волчанская, А. Н. Государственные гарантии защиты прав человека в России (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. Н. Волчанская. — Волгоград, 2013. — 170 с.

265. Вороненков, Д. Н. Теоретические и нормативные основы судебного контроля в механизме разделения властей : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01, 12.00.11 / Д. Н. Вороненков. — М., 2009. — 66 с.
266. Ерашов, С. С. Система принципов современного отечественного уголовного процесса; теоретико-правовые аспекты и практика применения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. С. Ерашов. — Н. Новгород, 2001. — 27 с.
267. Калинина, Т. М. Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы согласования: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т. М. Калинина. — Н. Новгород, 2002. — 187 с.
268. Колоколов, Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен : автореф. дис. д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Н. А. Колоколов. — Н. Новгород, 2007. — 52 с.
269. Липинский, Д. А. Общая теория юридической ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Д. А. Липинский. — Саратов, 2004. — 46 с.
270. Мордовец, А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. С. Мордовец. — Саратов, 1997. — 38 с.
271. Неказаков, В. Я. Конституционно-правовые вопросы реализации в российском праве и правоприменительной практике статей 5 и 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Право на свободу, личную неприкосновенность и справедливое судебное разбирательство) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В. Я. Неказаков. — М., 2005. — 242 с.
272. Немыкина, О. Е. Трансформация институтов судебной власти в постсоветской России: Политико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 / О. Е. Немыкина. — Ростов н/Д, 2006. — 28 с.

273. Редько, А. А. Правозащитная политика и ее место в правовой политике России: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. А. Редько. — СПб., 2011. — 25 с.
274. Рысина, Е. П. Эффективность российской правовой политики : проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. П. Рысина. — Саратов, 2013. — 30 с.
275. Стремоухов, А. В. Правовая защита человека: Теоретический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Стремоухов. — СПб., 1996. — 38 с.
276. Сунцова, Е. А. Нетрадиционные виды юридической ответственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. А. Сунцова. — М., 2005. — 229 с.
277. Федосеев, В. М. Проблема защиты конституционных прав и свобод граждан в советском гражданском процессе : автореф. дис. .... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. М. Федосеев. — Свердловск, 1981. — 18 с.
278. Шубенкова, К. В. Теоретико-правовые концепции А. С. Пиголкина / К. В. Шубенкова : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Волгоград, 2013. — 243 с.
279. Шубина, Т. Б. Теоретические проблемы защиты права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т. Б. Шубина. — Самара, 1997. — 16 с.
280. Яблоков, В. А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России : дис. канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. А. Яблоков. — Самара, 2001. — 208 с.

VIII. Справочная литература

281. Словарь иностранных слов / под ред.: А. Г. Спиркина, И. А. Акчурина, Р. С. Карпинской. — 9-е изд., испр. — М. : Рус. яз., 1982. — 608 с.
282. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. — 3-е изд. — М. : Политиздат, 1975. — 496 с.